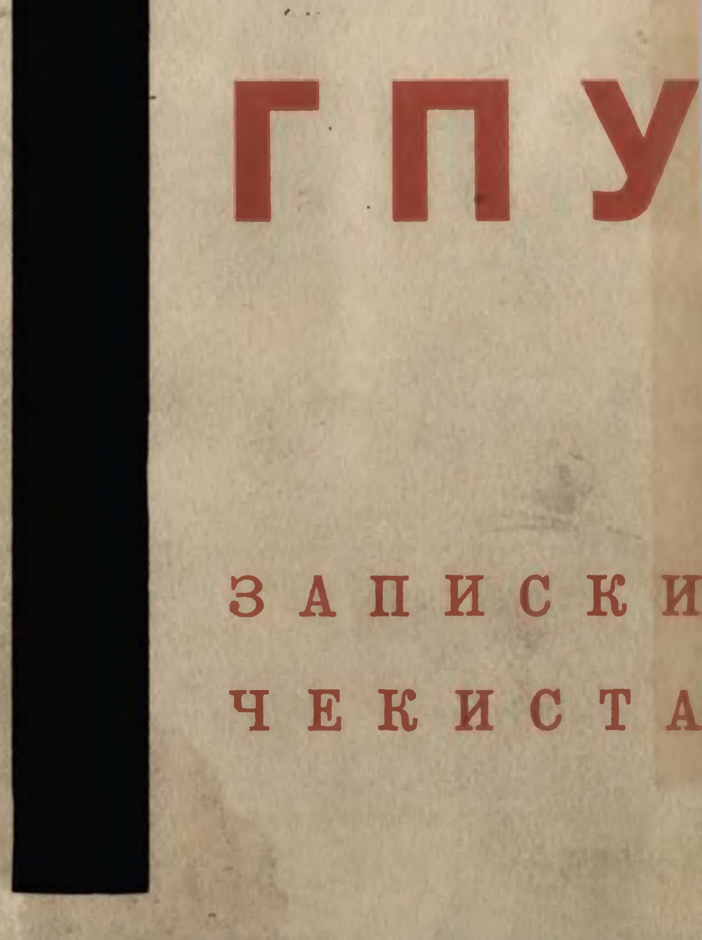
Г. С. АГАБЕКОВ

ГПУ

ЗАПИСКИ ЧЕКИСТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СТРЕЛА“

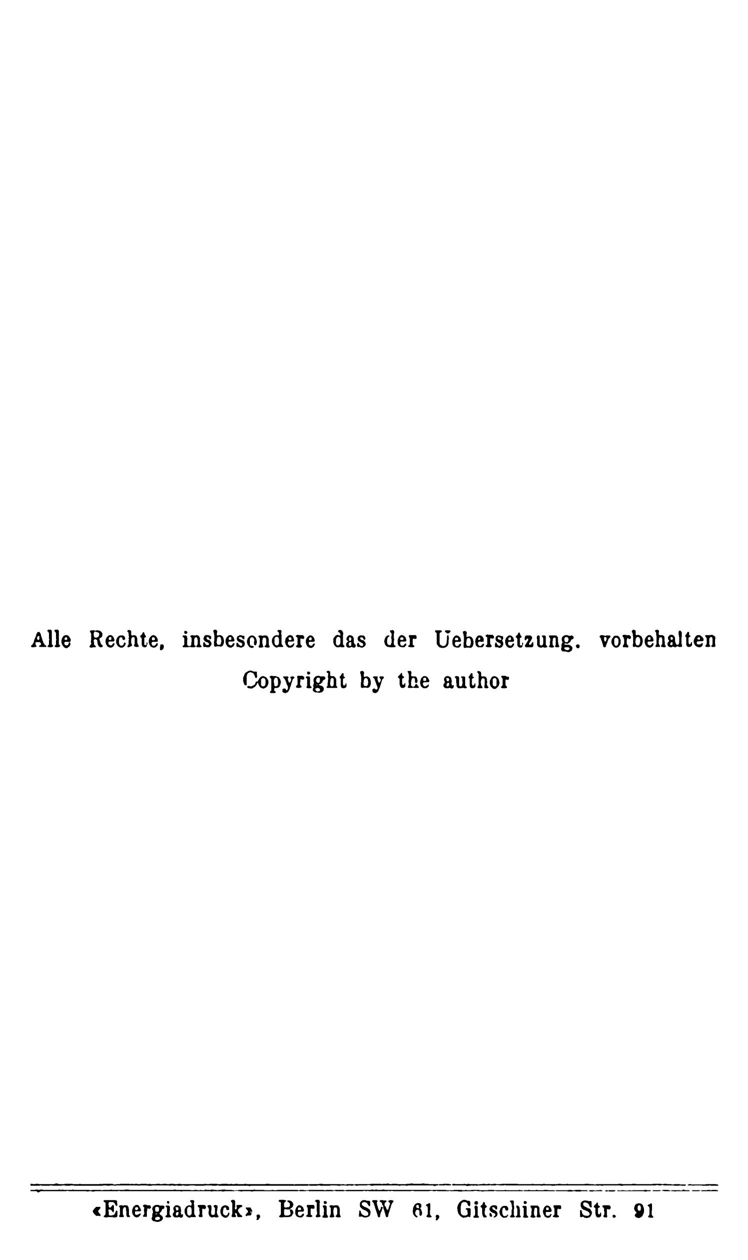
Г. С. АГАБЕКОВ

быв. начальник Восточного Сектора Иностранного отдела ОГПУ (1928—1929) и резидент ОГПУ на Ближнем Востоке (1929—1930)

Г. П. У.

(ЗАПИСКИ ЧЕКИСТА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СТРЕЛА“ / 1930

«Energiadruck», Berlin SW 61, Gitschiner Str. 91

ВВЕДЕНИЕ

Мне пришлось работать десять лет в наиболее «знаменитом» из всех советских учреждений, ВЧК — ОГПУ. С 1920 года, вплоть до 1930 года, я работал в центре ОГПУ в Москве и на периферии, в отделах по борьбе с врагами СССР внутри страны и последние шесть лет в Иностранном Отделе по работе заграницей. За этот период мне много приходилось слышать и читать о нашей работе в иностранной прессе и в докладах иностранных представительств, попадавших в распоряжение ГПУ. Но нигде я не нашел хотя бы приблизительной картины той организации, какая существует в ОГПУ, ни того, что там делается, ни характеристики руководителей этого учреждения, ни достоверных сведений о сотрудниках.

Сколько раз в Москве, в нашем отделе, на четвертом этаже Лубянки, читая эмигрантские газеты и листовки, мы искренно удивлялись наивности автора и смеялись над доверчивостью читательской массы, для которой предназначались эти статьи.

Сколько раз, читая перехваченные ОГПУ доклады иностранных послов и консулов своим правительствам, мы удивлялись, что они так плохо осведомлены о нашей работе. Вот поэтому, я ставлю задачей своей кни-

ги дать подробное описание организации ОГПУ, характеристику его функций, руководящих лиц, сотрудников, насчитывающихся десятками тысяч, и, по возможности, методов работы. Говорю — по возможности, так как методы меняются по обстоятельствам времени и места.

ЧАСТЬ I

ЧТО ТАКОЕ ОГПУ?

ГЛАВА I

Внутренняя организация ОГПУ

Центр ОГПУ (Общесоюзного Государственного Политического Управления) находится в Москве, на Лубянской площади. Он занимает весь квадрат между Большой и Малой Лубянкой и тянется по Большой Лубянке вплоть до гостиницы «Селект» на Сретенке, содержащейся на средства ОГПУ для уловления приезжих иностранцев. Иностранные гости, останавливаясь там, подвергаются тщательной слежке, а их багаж тайно обыскивается в их отсутствии; руководящий персонал гостиницы является агентами ГПУ. Дома в переулках Варсонофьевском и Милютинском заняты под общежития-коммуны для сотрудников, и фактически вся территория между Лубянкой и Сретенкой находится в распоряжении ОГПУ.

В этом учреждении к настоящему времени работает около 2500 человек. Из них около 1500 являются членами коммунистической партии. Остальные — частью комсомольцы, частью беспартийные. Беспартийные, как правило, занимают низшие должности: это — машинистки, делопроизводители и пр.

ОГПУ разделено на отделы: Контръ-разведывательный (КРО), Иностранный (ИНО), Секретный (СО), Особый (ОО), Специальный (СПЕКО), Экономическое управление (ЭКУ), Информационный Отдел (ИНФО), Оперативный отдел, Восточный отдел (ВО),

Отдел пограничной охраны (ПО) и Административно-организационное управление. Кроме того имеются вспомогательные части: Хозяйственная часть, Комендатура, Фельд-егерский корпус, кооператив, клуб, типография и тюрьма.

Во главе всего учреждения стоит председатель ОГПУ — Менжинский, достаточно известный по своей прежней деятельности. Будучи высоко-развитым и образованным человеком, он, однако, не пользуется достаточным авторитетом в Центральном Комитете Партии и в Политбюро(верховное руководство Центральным Комитетом). Менжинский сильно болен, редко вмешивается в дела внутреннего управления ОГПУ и ограничивает свою деятельность тем, что представительствует это учреждение в Центральном Комитете партии.

Менжинский имеет двух заместителей. Первый из них — Ягода — фактически управляет всем учреждением.

Ягода, человек властолюбивого характера, обладает сильной волей и готов на все, ради достижения намеченной цели. Насколько Менжинский благовоспитан и образован, настолько Ягода груб и некультурен. Держится он на своем посту. благодаря угодливости перед членами Политбюро и ЦК и благодаря искусству интриги — оружию, которым он владеет в совершенстве. Он своевременно учитывает возможность конкуррентов и принимает меры к их уничтожению. Так, например, видя во втором заместителе председателя ОГПУ, Трилиссере, опасного противника, он добился через Центральный Комитет партии его снятия с работы в ГПУ.

Для проведения в исполнение своих целей, Ягода окружил себя хотя и бездарной, но преданной публикой, которая за его подачки и поддержку готова делать и делает все, что он захочет. Одним из таких прихлебателей является его секретарь Шанин, уголовная личность, с явно садистскими наклонностями. Этот Шанин устраивает частенько для Ягоды оргии с

вином и женщинами, на которые Ягода большой охотник. Девочки на эти вечера вербуются из комсомольской среды.

Все отделы ОГПУ, за исключением Иностранного, Пограничного и Специального, объединяются в секретно-оперативное управление, начальником которого состоит тот же Ягода.

Иностранный отдел и Пограничный подчиняются второму заместителю председателя. Специальный Отдел, во главе с начальником Бокием, подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии.

Все начальники отделов, оба заместителя и председатель составляют коллегию ОГПУ, которая собирается раз в неделю для обсуждения и решения очередных дел.

Чем занимается каждый из отделов?

Контр-разведывательный отдел ведет работу внутри СССР по борьбе с иностранным шпионажем и с контр-революционными выступлениями в среде гражданского населения. Этот отдел обслуживает также все иностранные миссии в СССР, ведя разведку и добывая информацию и документы в этих миссиях. Отдел имеет широкую внутреннюю агентуру. Все управляющие гостиницами, заведующие кино и театрами состоят его агентами. Контр-разведывательный отдел, или как он сокращенно называется — КРО, имеет агентуру во всех советских учреждениях и ежедневно получает от своих агентов сведения о происходящем в этих учреждениях. Он же поставляет мелких служащих: горничных, шофферов и т. п. для иностранных миссий и через них получает разного рода сведения, вербуя в то же время в агентуру других служащих иностранных миссий. Начальником КРО является Ольский. Это человек лет под 35, молодой, энергичный, преданный сторонник Ягоды. Ольский сумел подобрать соответствующих людей в свой аппарат, и работа отдела считается удовлетворительной. Отдел распадается на несколько отделений, обслуживающих каждое свою отрасль.

Так, например, первое отделение КРО ведает исключительно наблюдение за гостиницами, театрами, ресторанами. Оно же вскрывает перехваченную корреспонденцию, главным образом дипломатическую почту иностранных посольств и миссий, тем или иным путем попавшую в руки ГПУ.

Второе и третье отделения занимаются работой по борьбе со шпионажем прибалтийских стран; третье отделение, например, заманило в Россию Савинкова и др. Четвертое отделение борется со шпионажем восточных стран, пятое отделение — с англо-американским шпионажем и т. д.

Секретный отдел (СО) ведет работу по борьбе с враждебными коммунизму политическими партиями, с течениями внутри коммунстической партии и, наконец, он же борется с религией и ведет работу по ее разложению. Агентура отдела охватывает все слои населения и, главным образом, духовенство.

Работа по духовенству поручена 6-му отделению СО, и руководит ею Тучков. Он считается спецом по религиозным делам и очень ловко пользуется разделением церкви на старую и новую, вербуя агентуру с той и с другой стороны. 6-ое отделение помещается рядом с Иностранным отделом, и мне часто приходилось видеть у дверей Тучкова священников, ожидающих с ним беседы.

Секретный отдел, как и все другие, разбит на отделения со строго определенными функциями. Начальник отдела Дерибас, старый член партии, интересуется больше делами партийных группировок, на разоблачении которых надеется нажить себе капитал перед Центральным Комитетом и получить в награду пост второго заместителя председателя ОГПУ. Это его давнишняя мечта. Она заставляла его все время блокироваться с Ягодой против Трилиссера, чтобы, спихнув последнего, занять его место. Благодаря такой личной занятости начальника, отдел работает сравнительно неважно, если не считать энергичной деятельности Тучкова по разложению духовенства.

Экономическое управление (ЭКУ) ведет работу среди промышленных, торговых и финансовых учреждений СССР по выявлению экономических злоупотреблений, причин невыполнения планов и борется с экономическим шпионажем в СССР. Начальник отдела — Прокофьев, человек образованный и энергичный. Раньше Прокофьев был помощником Трилиссера по Иностранному отделу, но Трилиссер постарался от него избавиться, боясь, что, со свойственной ему энергией, Прокофьев столкнет его самого с места.

Информационный отдел (ИНФО) следит за настроениями во всех слоях общества и содержит колоссальный штат секретных осведомителей. Этот же отдел выполняет роль цензуры над литературными и театральными произведениями и перлюстрирует корреспонденцию, обращающуюся внутри СССР. Начальником Отдела является Алексеев, бывший анархист, перешедший в коммунистическую партию, кажется в 1920 году.

Алексеев работает не за страх, а за совесть, но все-таки не пользуется большим доверием у президиума ГПУ. При нем всегда, в качестве заместителя, имеется один из надежнейших партийцев. Таковым «наблюдателем» в настоящее время состоит некто Запорожец, испытанный чекист, бывший помощником Трилиссера по Иностранному отделу и ушедший вследствие несогласия с осторожной политикой Трилиссера. Этот Запорожец славился тем, что во время петлюровщины сумел проникнуть к Петлюре и состоял одно время его личным адъютантом.

Особый отдел (ОО) ведает наблюдением за армией и флотом. Через военных комиссаров и политруков, обязанных информировать отдел, ГПУ всегда находится в курсе настроений армии. ОО наблюдает также за снабжением армии продовольствием и амуницией и следит за правильностью охраны военных складов. Начальником отдела является сам Ягода, но фактически управляет им Ольский, начальник КРО.

Восточный отдел (ВО) ведет работу в восточных

национальных республиках и среди восточных национальных группировок. Номинально им управляет Петерс, фактически же работой руководит некто Дьяков. Петерс же, как известно, является членом Центральной Контрольной Комиссии и ей отдает все свое время.

Петерс — фигура морально окончательно разложившаяся. Женщины и личная жизнь интересуют его больше, чем все остальное. Еще будучи полномочным представителем ОГПУ, он, разъезжая по окраинам, всегда имел при себе в вагоне двух-трех личных секретарш, которых, по мере ненадобности, высаживал из поезда по пути следования. Так, например, в бытность мою резидентом ОГПУ в Бухаре в 1922 году, Петерс приезжал с двумя девицами и, высадив их в Бухаре, предложил мне устроить их куда-нибудь. Его заместителем по Восточному отделу в 1929 году был некто Петросиан, бывший председатель грузинской Чека, расстрелявший председателя крымского ЦИК'а Ибрагимова для того, чтобы жениться на его жене. Когда об этом узнал Центральный Комитет, то Петросиана уволили без права работы в органах ГПУ. Он потом жаловался мне, что Петерс, его начальник и друг, делал много худшие вещи, и тому это сходило с рук, а вот, когда он, Петросиан, сделал маленький проступок, то негодяй-Петерс не встал на его защиту.

Специальный отдел (СПЕКО) работает по охране государственных тайн от утечки к иностранцам, для чего имеет штат агентуры, следящий за порядком хранения секретных бумаг. Другой важной задачей отдела является перехватывание иностранных шифров и расшифровка поступающих из заграницы телеграмм. Он же составляет шифры для советских учреждений внутри и вне СССР.

Шифровальщики всех учреждений подчиняются непосредственно Специальному отделу. Работу по расшифровке иностранных шифров Спецотдел выполняет прекрасно и еженедельно составляет сводку расшифрованных иностранных телеграмм для рассылки начальникам отделсв ГПУ и членам ЦК.

Третьей задачей Специального отдела является надзор за тюрьмами и местами заключения по всему советскому Союзу, охрану же их несут войска ГПУ. При отделе имеется канцелярия, фабрикующая всевозможные документы (паспорта, фальшивые удостоверения и проч.), необходимые для той или иной цели в работе ГПУ.

Начальником отдела состоит Бокий, бывший полпред ВЧК, буквально терроризировавший Туркестан в 1919—20 г.г. О нем еще и сейчас, десять лет спустя, ходят легенды в Ташкенте, что он любил питаться сырым собачьим мясом и пить свежую человечью кровь. Несмотря на то, что Бокий только начальник отдела, он, в исключение из правил, подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии и имеет колоссальное влияние в ОГПУ. Подбор сотрудников в Специальном отделе хорош, и работа поставлена образцово.

Пограничный отдел (ПО) управляет войсками особого назначения ОГПУ, всеми пограничными войсками и ведет борьбу с контрабандой. Все таможни обязаны иметь тесный контакт с ПО и фактически подчиняются ему. Начальник отдела Вележев был прежде помощником Трилиссера по Иностранному отделу. Это идейно убежденный коммунист, хотя в партии состоит только с 1920 года. В 1924 году его послали под фамилией Ведерникова в Бизерту на приемку от Франции флота Врангеля, затем под этой же фамилией он ездил в Китай и был там одним из руководителей китайской революции и организатором работы ГПУ.

Начальником Иностранного отдела (ИНО) и вторым заместителем председателя ОГПУ был до недавнего времени Трилиссер. Ныне его сменил Мессинг, бывший до того полномочным представителем ГПУ в Ленинграде. ИНО обслуживает исключительно заграницу. При каждом полпредстве и крупном консульстве он имеет своего полуофициального представителя, которому иногда придаются помощники. Эти

представители, или резиденты ГПУ, занимают, главным образом, должности второго секретаря или атташе при полпредстве, но иногда устраиваются в торгпредствах и в других хозяйственных учреждениях заграницей.

Работа Иностранного отдела заключается в освещении политического и экономического положения иностранных государств, в добыче всевозможных документов, имеющих ценность для советского правительства, в выявлении отправляемых в СССР разведчиков других стран, освещении жизни эмиграции, разложении эмигрантских организаций, и пр. и пр. Этот отдел, кроме самостоятельных заданий, обязан выполнять и задания других отделов ОГПУ, поскольку дело касается заграницы. Кроме того, на обязанности его лежит освещение работы советских дипломатических и хозяйственных учреждений.

Иностранный отдел, кроме указанных официальных представителей, имеет в тех же странах свою «нелегальную агентуру», работающую под вымышленными фамилиями и фальшивыми паспортами. Эти секретные — «нелегальные» — резиденты пользуются особыми правами и доверием. Главная их задача заключается в том, чтобы прочно обосноваться в данной стране, завести связи и укрепить положение настолько, чтобы можно было продолжать дело даже в случае военного столкновения и высылки официальных представителей. Посылки «нелегальных» резидентов начались года два назад, когда анализ внешних событий показал неизбежность будущей войны. С тех пор нелегальные резиденты обосновались в Персии, Афганистане, Турции, Ираке и западных странах. Посылаемые таким порядком представители ГПУ не должны поддерживать связи с официальными советскими представительствами заграницей.

На остальных отделах останавливаться не стоит, ибо они играют подсобную роль, за исключением Оперативного отдела, ведающего агентурой для наружного наблюдения. Обыкновенно, для наружного

наблюдения за тем или другим лицом, заинтересованный отдел обращается в Оперативный отдел, который и принимает на себя выполнение задачи. Оперативному отделу подчиняется комендантская часть. Комендантская часть производит аресты, обыски и расстреливает приговоренных в специальных подвалах, находящихся под зданиями ГПУ.

Эти подвалы расположены во внутренней тюрьме ГПУ и усиленно охраняются красноармейцами из войск особого назначения. Даже во внутренний двор тюрьмы никому из сотрудников не разрешается входить без прямой надобности и специального разрешения. Только из некоторых окон здания ГПУ можно видеть маленький двор, и окна камер, закрытые щитами от посторонних глаз. За все мое пребывание в ОГПУ я не видел, чтобы арестованных выводили на прогулку.

Отделы ОГПУ разбиты на отделения. Как общее правило, не только один отдел не должен знать работы другого, но даже отделения одного и того же отдела не смеют посвящать друг друга в свою деятельность.

ОГПУ имеет полномочные представительства во всех национальных республиках и крупных центрах СССР. Эти представительства организованы по типу Москвы, только в меньшем масштабе. Вместо отделов, там имеются отделения — филиалы московских отделов. Полномочные представительства, подчиняющиеся Москве, имеют в свою очередь филиалы в губернских, окружных и уездных центрах, являющиеся еще меньшей их моделью.

Я нарочно остановился на организации ОГПУ, чтобы читатель мог видеть всю структуру этого аппарата, так как без этого он не может себе представить всей колоссальной машины, законспирированной от остальных учреждений советской власти и конспирирующейся внутри самой себя. Из этой организационной схемы читатель видит, что каждый отдел имеет свою самостоятельную сеть секретных агентов. Ему легко бу-

дет теперь поверить, что общее число секретных агентов в одной только Москве превышает десять тысяч человек. Через них ОГПУ контролирует не только деловую жизнь всех учреждений и предприятий, но и частную жизнь каждого, чем нибудь выдающегося гражданина, не говоря уже об иностранцах, которые находятся под особенно тщательным наблюдением.

Помимо всего описанного нужно помнить, что в помощь ОГПУ приданы милиция и органы уголовного розыска, и что, по завету Ленина — «каждый коммунист должен быть чекистом». Каждый коммунист, каждый комсомолец, наконец, каждый «сознательный» гражданин СССР, узнав или услышав что-нибудь, идущее в разрез с интересами советского правительства, обязан сообщить об этом в ГПУ. Таких добровольцев-осведомителей сотни тысяч в СССР; но они считают нужным помогать ГПУ или находиться с этим учреждением в хороших отношениях, потому что только тогда они могут расчитывать на относительно спокойную и обеспеченную жизнь. Таким образом, зерна, посеянные 12 лет тому назад Дзержинским, ныне выросли в повсеместный шпионаж: сын доносит на отца и сестра на брата.

ГЛАВА II

ОГПУ и правительство

ОГПУ по своей работе связано со всеми учреждениями в СССР и во всех учреждениях пользуется более или менее сильным влиянием.

ОГПУ только формально подчиняется Совнаркому СССР, а фактически — Политбюро ЦК. Оно беспрекословно выполняет все директивы, получаемые от руководителей ЦК партии. Если при жизни Дзержинского ОГПУ иногда пускалось в обсуждение того или иного вопроса или постановления ЦК, то после его смерти оно получило при ЦК партии чисто исполнительные функции и не смеет рассуждать. Это можно видеть на многочисленных политических примерах и на частных примерах Бажанова и Беседовского, которых ОГПУ хотело ликвидировать и не сумело настоять на своем: Политбюро запретило. Перемена объясняется разницей в личном авторитете Дзержинского и Менжинского. В то время, как первый сам был членом Политбюро и играл там крупную роль, последний едва прошел на последнем съезде в члены ЦК. Отсутствие личного авторитета несколько снизило авторитет и всего ГПУ по отношению к другим наркоматам, руководителями которых являются более крупные фигуры, чем Менжинский.

Когда после смерти Дзержинского в 1926 году

обсуждалась кандидатура на пост председателя ОГПУ, Политбюро долго колебалось и одно время даже думало поручить руководство ОГПУ Орджоникидзе или Микояну. Их имена выдвигались в виду малой известности Менжинского и его недостаточного авторитета в партийной среде. Однако, учитывая ропот среди сотрудников ОГПУ, которые, заслышав об этих кандидатурах, чуть не открыто говорили о национал-шовинистических тенденциях Орджоникидзе и о беспросветной глупости Микояна, Политбюро утвердило безличную кандидатуру Менжинского. С тех пор орган диктатуры пролетариата стал послушным орудием в руках Политбюро, т. е. его руководителя Сталина. Весь мир мог в этом убедиться на примерах расправы с троцкистами и правой оппозицией.

*
*   *

Между ОГПУ и Наркоминделом всегда шла и идет жестокая борьба за влияние в Политбюро. Несмотря на то, что внешними сношениями СССР заведует Наркоминдел, Центральный Комитет информируется по вопросам внешней политики также в ГПУ. Почти всегда сведения и заключения этих двух учреждений по одним и тем же вопросам расходятся между собой. Так, например, по вопросу о восстании в Афганистане в 1929 году, Наркоминдел стоял за поддержку Амануллы и его сторонников, а ГПУ высказывалось в пользу Бача-Сакао, выдвинутого народными массами. В этих разногласиях корень антагонизма между руководителями обоих учреждений, и антагонизм передается по всей линии ОГПУ и Наркоминдела до самых низов. Наиболее ярым врагом ОГПУ является Замнаркоминдела Литвинов. Он органически ненавидит ГПУ, однако, другой заместитель наркома, Карахан, имеющий личные счеты с Литвиновым, не гнушается иногда заигрывать с ГПУ.

Борьба принимает особенно острые формы при назначении сотрудников заграницу и продолжается за-

границей между полпредом или консулом и представителями ОГПУ.

Обыкновенно при назначении того или иного сотрудника заграницу, вопрос должен решаться в специальной комиссии ОГПУ, собирающейся раз в неделю. Комиссию возглавляет начальник Иностранного отдела, а чаще кто нибудь из его помощников. В состав ее входят представитель ЦК, он же заведующий бюро заграничных ячеек при ЦК, и представитель учреждения, которое командирует сотрудника. Заблаговременно заполненная и присланная в Иностранный отдел ГПУ анкета ходит по всем отделам и отделениям ОГПУ, о данном лице наводятся справки в архивах и по картотеке. Достаточно, чтобы его фамилия фигурировала в каком нибудь донесении агентов ГПУ, даже без всякого повода, как комиссия отказывает ему в визе и предлагает заменить его другим. Решающее слово в комиссии принадлежит представителю ОГПУ.

Как заносятся подозреваемые лица на картотеку, можно судить по тому, что в начале 1929 года, когда решили проверить и обновить картотеку, в ней нашли личные карточки... Бриана, Вильсона, Ллойд-Джорджа и других «крамольников». На картотеку заносятся часто только фамилии или только имена, так что почти невозможно установить тождество лица. Поэтому достаточно бывает просителю визы на въезд или выезд иметь похожую фамилию или имя, чтобы он получил бы отказ. В этих случаях не только он, но зачастую и само ОГПУ не знает, в чем он, собственно говоря, обвиняется. Случается, что когда задерживается лицо, имеющее крупную протекцию, и ОГПУ получает запрос о причине его невыпуска заграницу, то оно не может выдвинуть никакого мотива отказа. Попав впросак, оно нехотя выдает разрешение. Помню, летом 1929 года поступило множество анкет от американских и английских туристов. Многим из них ОГПУ отказало. Центральный Комитет, по требованию Наркоминдела, предложил ОГПУ отменить постановление.

Оказалось, что органы ГПУ не могли выдвинуть никаких конкретных обвинений против «отказываемых», а ЦК партии нуждался в долларах туристов.

Особенно часто ОГПУ задерживает сотрудников Наркоминдела. Наркоминдел отвечает тем же при назначении сотрудников ОГПУ заграницу через аппарат Наркоминдела. Но Наркоминдел поступает благоразумнее и старается найти какой нибудь благовидный предлог, если не для отказа, то, в крайнем случае, для оттяжки, ссылается на неимение штатов, на несоответствие назначаемого, и т. п.

Так, например, было со мной.

В 1927 году ОГПУ выдвинуло меня на должность резидента в Ангору, с зачислением на оффициальную должность атташе посольства. Наркоминдел ответил, что должен запросить согласие полпреда в Турции, Сурица. Спустя две недели пришелъ ответ: Суриц согласен. Тогда спохватились, что по штатам Ангоры нет должности атташе и что таковую необходимо специально учредить на одном из ближайших заседаний коллегии НКИД. Наконец, спустя еще три недели, должность по штату была учреждена, а еще через неделю Наркоминдел сообщил, что все готово, однако, находит, что меня, как армянина, посылать в Ангору неудобно, хотя оффициально, по паспорту, я должен был ехать, как еврей, под чужой фамилией.

Борьба заграницей между полпредом или консулом и представителем ОГПУ выливается иногда в ожесточенные формы. Корень борьбы лежит в двоевластии, создающемся вследствие полной автономности представителей ГПУ.

Представитель ГПУ, или, как он иначе называется, резидент, формально подчинен полпреду по должности секретаря или делопроизводителя, но на самом деле, благодаря возложенным на него специальным задачам и полной бесконтрольности сообщений с Москвой, авторитет его выше и страх перед ним совслужащих заграницей сильней страха перед самим полпредом. Полпред, сам чувствуя над собой постоянный контроль и

всегда ожидая какой нибудь пакости со сторомы резидента, естественно, старается себя застраховать и первый нападает на него, полагая, что нападение есть лучший способ защиты. Для этого используется формальное подчинение резидента. Начинается склока, раскалывающая полпредство и очень часто все остальные совучреждения в стране на враждебные лагери. Драка углубляется и разростается, пока кого нибудь из лидеров не отзовут в Москву; оставшийся другой лидер высылает затем всех сторонников своего врага. Приезжает новый на место высланного, борьба обновляется, вчерашний победитель терпит поражение, начинается высылка новой группы, и так без конца. Этим, и главным образом, этим объясняется столь частая смена сотрудников заграничных учреждений, стоящая колоссальных средств государству, ибо при переездах выдаются большие суточные, подъемные, проездные и т. д.

Яркий пример такой склоки дало в 1927—1928 г. г. полпредство СССР в Тегеране, где тамошний посол Юренев, столкнувшийся с торгпредом Гольдбергом, выжил его и всю его группу, а затем, после отъезда Юренева, были выброшены из Тегерана и все сторонники Гольдберга.

Подобные же склоки происходили в Афганистане, въ Мешеде, Тавризе, Пехлеви. На них я потом остановлюсь подробнее.

*

*   *

Отношения ГПУ с Наркомторгом, при назначении сотрудников, приблизительно таковы же, как и с Наркоминделом, но в виду малой сопротивляемости представителей Наркомторга, трений между ними бывает меньше. До 1927 года, ОГПУ использовало аппарат Наркомторга заграницей не только для легального прикрытия своих агентов, но и для финансирования и снабжения секретных агентур товарным фондом, лиценциями и проч.

Так, например, агентура Мешеда, добывавшая английскую почту, снабжалась мануфактурой для открытия магазина, который должен был служить прикрытием агенту ГПУ. Мешедское купечество за доставку сведений в ГПУ снабжалось лиценциями Наркомторга, что подрывало монополию внешней торговли и вызывало недовольство среди честного персидского купечества. Тегеранская агентура снабжалась сахаром и нефтепродуктами для лавок, открытых для камуфлирования агентов. В связи с колоссальными убытками от таких операций, Центральный Комитет партии воспретил, наконец, ГПУ иметь торговые сношения с Наркомторгом. ГПУ ныне довольствуется использованием торгового аппарата для переброски сотрудников заграницу, да и то на вторые роли. Работники Наркомторга не имеют дипломатических паспортов и потому меньше гарантированы от провалов, чем сотрудники полпредств. С другой стороны, советская власть опасается компрометировать свои хозучреждения заграницей после налета на Аркос.

Резидент ОГПУ заграницей собирает экономический материал по указаниям из Москвы, но обязан выполнять и иногда выполняет задания полпреда и торгпреда по добыче нужных им документов, договоров конкуррирующих фирм, и т. п. В таких случаях торгпредство берет все расходы на себя. Обыкновенно же весь информационный материал направляется в Иностранный Отдел ОГПУ в Москву, где его перерабатывают и рассылают затем в копиях по заинтересованным инстанциям.

*

*   *

Почти до 1926 года отношения между ОГПУ и Коминтерном были самые дружеские. Начальник Иностранного отдела Трилиссер был большим приятелем заведующего международной связью Коминтерна Пятницкого, и оба учреждения находились в теснейшей деловой связи. Да иначе и быть не могло, так как ОГПУ ведет работу заграницей по обследованию

контр-революционных и оппозиционных организаций, в которые входят все русские и иностранные антибольшевистские партии, начиная от социал-демократии и четвертого Интернационала и кончая фашистами. Этим материалом ОГПУ, естественно, должно делиться с Коминтерном, чтобы облегчить ему работу в борьбе с враждебными коммунизму влияниями. Кроме того, в иностранных компартиях, в особенности в восточных странах, имеется большой запас провокаторов, борьбу с которыми и выявление которых взяло на себя ОГПУ, так что, повторяю, деловая связь между ОГПУ и Коминтерном неизбежна.

На местах, заграницей, эта связь, однако, приняла совсем другой характер. Резиденты ОГПУ, поддерживающие связь с представителями Коминтерна заграницей, пошли по линии наименьшего сопротивления в своей работе. Вместо того, чтобы самим рисковать и вербовать нужную агентуру, они стали пользоваться для шпионской работы местными коммунистами, что в конце концов стоило дешевле и было безопаснее, как в идейном отношении, так и в отношении возможной провокации.

Шумиха, поднятая в связи с знаменитым «письмом Зиновьева», непрекращающаяся дискуссия в европейской печати по вопрсу о единоличии советской власти и Коминтерна и риск предательства и провокации среди завербованной из местных коммунистов агентуры, заставили ОГПУ в 1927 году дать категорическое распоряжение своим представителям ни в коем случае не связываться с представителями Коминтерна и с местными партийными организациями. Такого рода распоряжения получили одновременно представители Наркоминдела, Наркомторга и Разведывательного Управления заграницей.

Распоряжение это, однако, не всегда и не всеми выполнялось и выполняется. В Москве же и поныне отношения остались старыми. Так же, как и раньше, из всех поступающих материалов, выделяются интересующие Коминтерн вопросы и отсылаются тому же Пят-

ницкому. Связь еще более окрепла с тех пор, как Коминтерн в Москве сумел организовать (в течение последних двух лет) превосходно поставленное «паспортное бюро», т. е. отдел по фабрикации фальшивых паспортов. ОГПУ, имеющее такое же собственное бюро, часто обращается за помощью по снабжению своих сотрудников фальшивыми иностранными паспортами в Бюро Коминтерна.

*

* *

Разведывательное Управление является четвертым управлением штаба рабоче-крестьянской красной армии. Начальником его состоит Берзин. Это управление ведет военную разведку заграницей через военных атташе при посольствах. Кроме того, управление имеет нелегальную агентуру, независимую от аппаратов военных атташе. Для снабжения ее иностранными паспортами и разными удостоверениями, Разведупр прибегает к помощи паспортного бюро Коминтерна. Как и представители ОГПУ, военные атташе и нелегальные агенты Разведупра не имеют теперь права связываться с местными компартиями и использовать их для своей работы.

Отношения между Разведупром и ОГПУ в Москве чисто официальные. Они заключаются в обмене информационным материалом. В отношениях существует некоторая натянутость: ОГПУ никогда не упускает случая заняться часто военным шпионажем и часто конкуррирует с Разведупром. Считая, что оно может выполнять эту работу лучше, ОГПУ время от времени поднимает перед ЦК партии вопрос о ликвидации Разведупра и передаче его функций и бюджета в ОГПУ. Однако, Центральный Комитет предпочитает сохранять оба органа отдельно. Это дает ему возможность взаимно их контролировать.

Заграницей связь и сотрудничество между резидентом ОГПУ и военным атташе зависит от личных взаимоотношений. Однако, чересчур тесная дружба

Москвой не одобряется, так как резиденты могут спеться, и Москва будет лишена возможности их контролировать. В этом я убедился на собственном опыте, когда, получив назначение в Афганистан, я спросил свое начальство, каковы должны быть мои отношения с военным атташе, и выслушал ответ: «никаких отношений, наблюдайте за ним» . . .

Говоря об отношениях Иностранного отдела ОГПУ с другими организациями, необходимо упомянуть о связи его с собственными отделениями на местах.

В то время, как Москва посылает представителей в иностранные столицы для освещения общих вопросов, приграничные отделения ГПУ имеют право посылать своих агентов в ближайшие пограничные районы для освещения вопросов местного значения. Эти агенты должны подчиняться московскому представителю и вести работу в точно указанном районе. Однако, поскольку нет точной разграниченности, очень часто эти агенты прникают глубоко в страну и, иногда, чувствуя свое превосходство над московским представителем, стараются взять инициативу в свои руки, приобрести самостоятельность и расширить сферу своей деятельности Эти попытки всегда вызывали в Москве твердый отпор, однако местные отделы все таки кое-чего добились. Так, например, Ташкентское ГПУ самостоятельно работает в Западном Китае, Северном Афганистане и Восточной Персии. Владивосток ведет работу в районе Харбина, Одесса работает в Бессарабии, но больше всех добилось кавказское Чека, захватившее в сферу своей работы Западную и Северную Персию, всю Азиатскую Турцию и имеющее своего почти независимого представителя при Константинопольской резидентуре ОГПУ.

Местные отделы ГПУ стараются использовать для посылки агентов советские консульства, но большей частью довольствуются торговыми учреждениями. Так, например, Кавказ использует аппарат Наркоминдела (резидент ГПУ в Тавризе сидит в консульстве), закавказского торгового представительства и Нефтесин-

диката для посылки агентов в Персию и Турцию. Ташкент использует для работы в Персии и Афганистане аппараты «Бюроперса», Нефтосиндиката и «Афганского торгового общества».

Но, повторяю, несмотря на раздвоенность в работе, местные работники подчиняются представителю Москвы, посылают ему копии донесений и получают от него деньги за работу. Работники Разведупра, наоборот, работают каждый в отдельности и посылают свои донесения непосредственно в Москву, не обмениваясь друг с другом информацией.

*
* *

Бюджет ОГПУ трудно исчислить. Помимо правительственных ассигнований, оно имеет огромные приходы от контрабанды, захватываемой на границах, и от собственного колоссального хозяйства: жилых домов (в этих домах живут сотрудники, бывшие и настоящие, ГПУ, платящие за квартиры и комнаты, между прочим, дороже, чем жильцы всех других советских домов), кооперативов, типографий и проч.

Если бы даже я мог произвести точный учет этому бюджету, то не думаю, чтобы он представлял собой большой интерес. Я хочу остановиться только на бюджете Иностранного отдела, который может дать некоторое представление о размерах и размахе работы ГПУ заграницей.

Нужно сказать, что бюджет Иностранного отдела отпускается в долларах и из года в год сокращается в связи с острой нуждой в валюте. Так, например, в то время, как на 1928-29 год было отпущено три миллиона долларов, уже в январе 1929 года, т. е. когда не истек еще бюджетный год, средства были сокращены сперва на 10, а затем, к концу года, на целых 30%. На 1929-30 год был отпущен один миллион пятьсот тысяч долларов, т. е. только половина прошлогоднего бюджета. Лозунг экономии проводится и здесь.

Как составляется бюджет Иностранного отдела.

Перед началом октября, отдел запрашивает смету у всех резидентов. На основании этих смет, расчетов с Наркоминделом и возможности непредвиденных расходов, составляется смета всего отдела и вносится в Политбюро. Бюджет Иностранного отдела ГПУ, как секретный, утверждается не народным комиссариатом финансов, а Политбюро.

Получает деньги отдел от правительства каждые три месяца. Несмотря на то, что при составлении бюджета запрашиваются резиденты на местах, однако, при утверждении местных смет НАЧИНО исходит не из представленных требований, а из необходимости в работе: иногда отпускают во много раз больше представленной сметы, а иной раз сократят на половину.

Это зависит от успешности работы резидента. Так, например, в начале 1927 года я, будучи в Персии, имел ежемесячную смету в две с половиной тысячи долларов, а к концу того же года смета была увеличена до пяти тысяч. Берлинская резидентура ОГПУ имела в 1928 году пятнадцать тысяч долларов ежемесячной сметы, а в 1929 году эта смета была снижена до семи тысяч.

Резиденты обязаны ежемесячно посылать в Москву отчет об израсходованных суммах и, если в течение трех месяцев расход составляет меньше, чем отпущенные по смете суммы, то смета соответственно сокращается, если же затем, в связи с развитием работы, резиденту необходимы дополнительные средства, он должен представить мотивированное объяснение. Очень часто резиденты, чтобы избежать сокращений, тратят или, по крайней мере, показывают, что тратят больше, чем на самом деле следует. На каждый произведенный расход должен иметься оправдательный документ, а, если такового по тем или иным причинам нет, то справка самого резидента с указанием, на что израсходованы суммы.

Отчеты резидентов поступают вместе с общей почтой в соответствующие отделения и, по рассмотрении

и утверждении, направляются к заведующему финансовой частью Иностранного отдела.

Финансовая часть Иностранного отдела совершенно обособлена от Финансового отдела ОГПУ. Заведует ею некто Ключарев, молодой парень, лет 30-ти, ведающий этой работой уже в течение шести лет. До того он работал в Лондоне вместе с Розенгольцем, но разругался с послом, приехал в Москву и не пожелал больше состоять в коммунистической партии, несмотря на многократные увещевания партячейки. Однако, он пользуется полным доверием, как партии, так и ОГПУ.

Деньги резидентам посылаются в долларах через Наркоминдел, почтой или телеграфно. В первом случае, в особо запечатанном конверте на имя резидента, во втором — Наркоминдел телеграммой просит полпреда выдать соответствующую сумму резиденту, которую ОГПУ внесло в кассу Наркоминдела в Москве.

*
* *

ОГПУ держит связь со своей заграничной агентурой через дипломатических курьеров Наркоминдела. Каждый резидент ГПУ заграницей имеет кличку. Так, например, берлинский резидент Гольдштейн имеет кличку «Александр», константинопольский резидент Наумов — «Бур» и т. д.

Соответствующее отделение в Москве заготовляет письмо с инструкциями для резидента на простой бумаге и нумерует ее. В последнее время, после налета китайцев на Пекинское полпредство, запрещено начинать письма словами: «Уважаемый товарищ». — Ставится только номер.

Инструкция подписывается соответствующим помощником начальника ИНО, при чем подписью также служит условный псевдоним. Письмо запечатывается в конверт, на конверте ставится кличка резидента и пометка: «никому другому не вскрывать, вскрыть только адресату». Этот конверт вкладывается в другой, на котором пишется адрес того полпреда или кон-

сула, куда письмо направляется, и в таком виде почта сдается в Наркоминдел. Печать на внутреннем конверте ставится условная, часто какая нибудь печать царского времени, а на наружном конверте накладываются печати Наркоминдела. Кличка резидента известна полпреду или консулу и тот по получении письма, не вскрывая, передает его по назначению.

Таким же способом посылаются письма нелегальным резидентам, с той лишь разницей, что внутри резидентского конверта помещается еще один конверт для нелегального, кличку которого не должен знать даже полпред; ее знает только один легальный резидент ГПУ, который и направляет письмо адресату через имеющуюся у него секретную связь.

Почта в Москву идет обратно таким же порядком.

Резидент, подписавшись кличкой, запечатывает все имеющиеся материалы в конверт без адреса, но с указанием: — «вскрыть только адресату». На конверт ставится резидентская условная печать, он вкладывается в другой конверт, запечатанный полпредской печатью и адресуется в Москву в «Историко-Научное Общество, Трипольскому», что означает заглавныя буквы подлинного адреса: Иностранный отдел, Трилиссеру. Получающая в Москве почту дипкурьерская часть Наркоминдела знает, чьи это письма, и сообщает об их получении в ГПУ. Оттуда приходит сотрудница ГПУ и уносит почту.

За последние два года эта связь перестала удовлетворять ОГПУ: во-первых, Наркоминдел все время боится изобличения и компрометации своего учреждения и настаивает на изменения системы связи, а, вовторых, опыт Афганских и Китайских событий показал, что связь через Наркоминдел не прочна, и в случае разрыва дипломатических отношений или других причин связь с резидентами часто обрывается, т. е. разведка не достигает основной своей цели — сохранения ее на время военных действий. Эта мысль, собственно, и натолкнула на идею организации нелегальных резидентур ГПУ, параллельно с легальными,

и она же поставила на очередь вопрос о новых способах связи с ними.

В этом направлении проведены следующия реформы: Константинопольская резидентура, помимо дипкурьерской связи, поддерживает связь с Москвой через советские пароходы, курсирующие между Одессой и Константинополем, на которых разъезжает специальный агент ГПУ по связи. Через советские же пароходы поддерживается связь с агентами ГПУ в Геджасе и Иемене.

На этом я заканчиваю описание организационной структуры ОГПУ, его сил, средств и перехожу к личным воспоминаниям.

Я буду писать, главным образом, о работе, которую проделал сам или которой руководил и буду ссылаться только на факты, которые мне достоверно известны. Обвинять меня в преувеличении не придется, ибо когда пишешь о себе, неудобно выставлять себя и свою работу на первый план. Поэтому, вероятно, скорее всего будут обвинять в преуменьшении. Однако, мне легко будет опровергнуть и это обвинение, ибо, во-первых, как я упоминал, мне не могло быть все известно, так как каждый сотрудник ОГПУ знает только порученное ему дело, а, во-вторых, я был за последние шесть лет почти все время заграницей и не мог знать многого того, что я слышал бы, если бы находился в Москве. Я ставлю своей задачей объективную передачу фактов, участником и непосредственным свидетелем которых я был. Заинтересованные державы могут свободно их проверить.

ЧАСТЬ II
ВОСПОМИНАНИЯ ЧЕКИСТА

Мне часто приходигся слышать вопрос, да и сам я не раз себе его задавал: почему я, проработавший десять лет, с 1920 по 1930 год, в ЧК и ГПУ, решил порвать с советской властью и опубликовать свои записки.

Я больше, чем кто либо, был знаком с системой и механизмом советской власти, я видел совершавшееся из года в год перерождение, вернее, вырождение этой власти. Я потерял веру в то, что нынешнее правительство сможет осуществить мои идеалы. Я порвал с ним. Не только порвал, но поставил себе целью помочь ему скорее уйти и дать место другому.

Одним из главных оплотов этой власти является ОГПУ, и я решил в первую очередь ударить по нему, разоблачив то, непосредственным участником и свидетелем чего я был в течение последних десяти лет.

ГЛАВА I

Чека на Урале

Началось это на Урале, в городе Екатеринбурге (ныне Свердловск) в конце 1920 года, когда я из Губкома (губернского комитета партии) был направлен на службу в местное Губчека. Мне было тогда 24 года. Помню вечное недоедание, голод и холод в красной армии, где я до того служил. Они сменились более или менее сытой жизнью, как только я перешел в Чека.

Губчека помещалась на Пушкинской улице в доме № 7. Это было небольшое двухэтажное здание, с большим подвалом для арестованных, со двором и с конюшней на конце двора, где производились расстрелы выводимых из подвала. Председателем Чека и одновременно председателем Особого отдела третьей армии, находившегося в Екатеринбурге, был Тунгусков, старый матрос. Об этом недалеком человеке, жестоком по природе и болезненно самолюбивом, рассказывали страшные вещи. Его товарищами были — начальник Секретно-оперативной части Хромцов, человек очень хитрый, наиболее образованный из всей тройки, до революции мелкий служащий в Вятской губернии, и латышка Штальберг, настолько любившая свою работу, что, не довольствуясь вынесением смертных приговоров, она сама спускалась с верхнего эта-

жа в конюшню и лично приводила приговоры в исполнение.

Эта «тройка» наводила такой ужас на население Екатеринбурга, что жители не осмеливались проходить по Пушкинской улице.

Это было десять лет тому назад. Сейчас, в 1930 года, Тунгусков сам расстрелян за бандитизм, Хромцов, исключенный из партии, ходит безработным по Москве, и только Штальберг работает следователем по партийным взысканиям заграничных работников при Центральной Контрольной Комиссии. Их садистские наклонности получили некоторое возмездие только много лет спустя, после того, как они погубили тысячи безвинных людей, прикрываясь защитой революции и интересами пролетариата.

Я был назначен сотрудником для связи с агентурой при уполномоченном по борьбе с контр-революцией и бандитизмом. Моим начальником был Коряков, простой полуграмотный крестьянин Пермской губернии. Он был честным человеком, относился к делу добросовестно, и поэтому улов контр-революционеров был у него не обильный. По этой причине начальство было им недовольно. Проработал я там до января 1921 года и, как военный, был затем переведен в Особый отдел 3-й армии помощником начальника агентуры. Как я упоминал, начальником Особого отдела состоял все тот же Тунгусков, а его заместителем был некто Старцев, человек интеллигентный и образованный, но страшный пьяница. Моим же непосредственным начальником в Отделе являлся некто Иванов, бывший ремесленник-жестянщик. Беспробудный пьяница, больной алкоголик, он по утрам не мог выйти на работу, не выпив предварительно бутылки водки. Такие же порции он принимал в течение дня, а вечером уже настоящим образом напивался. Все мое время при нем уходило на добычу водки, что было довольно трудно, так как в то время спиртные напитки были запрещены, а отпускаемый месячный запас спирта на секретную работу Иванов поглощал в течение недели.

На мой вопрос — почему он так много пьет и не лучше ли ему прекратить это занятие, он отвечал, что не может бросить пить, потому что, будучи в Перми, он расстрелял тысячи людей, которые «приходят его мучить», если он не напивается. Что это была за фигура, видно хотя бы из следующего:

В апреле 1921 года пришла на имя начальника Особого отдела бумага из Пермского ревтрибунала, в которой сообщалось, что трибунал рассмотрел дело о хищении серебра (серебряной посуды и прочих вещей), конфискованного у буржуазии, и, установив виновность Иванова в хищении, приговорил его к пяти годам тюремного заключения. Трибунал просит направить Иванова в Пермь для отбытия наказания. Начальник Особого отдела передал бумажку Иванову и велел дать письменное объяснение под его диктовку. Когда я его спросил, почему же он сам не напишет, он признался, что писать не умеет, а только может подписать фамилию. Объяснение, конечно, удовлетворило начальника, и Иванов был оправдан.

В то время из центра пришло распоряжение об отмене красного террора. Однако, подвалы Губчека и Особого отдела были полны всяким народом, начиная от офицеров и священников и кончая крестьянами, прятавшими хлеб от реквизиции. Каждую ночь происходили ликвидации этих «нахлебников», как их называли в Чека. Хотя для расстрелов существовал специальный штат комиссаров, однако, в них принимало участие и начальство. Обыкновенно после такой работы Старцев и Иванов напивались до положения риз и не показывались на службе по два, по три дня. Так длилось до мая 1921 года, когда пришло распоряжение о переформировании третьей армии в первую трудовую и о ликвидации Особого отдела.

Началась ликвидация не только дела, но имущества. Было множество конфискованных золотых и серебряных вещей, денег, драгоценностей, одежды, даже продовольствия. Все это было вынесено в общую комнату и распределено между сотрудниками. После

этого была устроена генеральная попойка всех сотрудников, и Особый отдел 3-ей армии закончил свое существование.

*
*   *

К весне 1921 года в Тюменской губернии восстали крестьяне Ялотуровского уезда, перебили около 400 коммунистов и объявили в своих районах безвластие. Местные войска не могли справиться с восстанием. На помощь им были посланы части из Екатеринбурга и Омска. Одновременно для усиления местного Чека было послано несколько сотрудников из Екатеринбургского Губчека. В числе командированных находился и мой бывший начальник Коряков, которым, как я говорил, начальство не было довольно и решило его сплавить. Приехав в Тюмень, Коряков получил назначение заведывать информацией Губчека и, узнав о ликвидации Особого Отдела, потребовал моего откомандирования в Тюмень. Приехав в Тюмень в июле 1921 года, я получил назначение помощником Корякова по секретной агентуре.

По информационным сведениям, восстанием крестьян руководили работники из местного губернского продовольственного комитета, где полно было эсеров и меньшевиков и было очень мало коммунистов. Были сведения, что сам губпродкомиссар находится под влиянием эсеров и посылает на места уполномоченных, которые подстрекают крестьян к выступлению против советской власти. Чека командировала меня в Губпродком на официальную должность заведующего личным составом, чтобы я мог проверить весь состав служащих и следить за их работой и передвижениями.

Прежде, чем продолжать, остановлюсь немного на руководителях Тюменского Губчека. Председателем был некто Студитов, старый путиловский рабочий, но деклассировавшийся, с огромным животом. Ныне он состоит членом ЦКК в Москве. Членами Коллегии были — Бойко — начальник Секретного управления, человек развитой и претендовавший на пост председа-

теля, и некто Пильчак, который ничего из себя не представлял, кроме того, что был родственником начальника спецотдела ВЧК в Москве, Бокия. Между тройкой шла глухая вражда, передававшаяся в среду сотрудников. С одной стороны был Студитов, а с другой Бойко и Пильчак.

Вступив в должность заведующего личным составом, я получил директиву немедленно очистить аппарат от всех бывших офицеров и других подозрительных лиц. Директиву эту я осуществлял, постепенно заменяя увольняемых людьми, присланными из Губернского Комитета, а чаще приходившими по личной рекомендации губернских вождей.

Сидя в отделе личного состава, я, конечно, завел агентуру и в других отделах и имел полное представление о работе всего продовольственного комитета. С агентурой в то время расплачивались не деньгами, так как деньги не имели почти никакой цены, а продуктами, водкой, или же протекцией в учреждениях, где агенты служили. В распоряжение Губчека имелся секретный фонд спирта, выдававшийся агентуре для угощения лиц, у которых можно было получать сведения.

Одним из таких агентов мне было сообщено, что из Тюменской губернии вывезено 20 000 пудов хлеба незаконным путем, и что за это дело крупные взятки получили председатель Чека Студитов, председатель Губисполкома и председатель Губернского Комитета партии. Я, конечно, доложил об этом своему непосредственному начальнику Бойко. Недели две спустя, Бойко при очередном скандале со Студитовым намекнул о взятке. В ту же ночь, по распоряжению Студитова, был арестован Бойко, а заодно с ним и Пильчак, по обвинению в склоке и подрыве авторитета начальства.

Пильчаку вскоре удалось, при помощи своих приверженцев, бежать из Тюмени в Москву и найти там поддержку у Бокия, а спустя несколько дней в Тюмень прибыл для расследования дела инспектор от

полномочного представителя ВЧК в Сибири. В результате расследования, Бойко был освобожден, а Студитов выехал в Ново-Николаевск к полномочному представителю ВЧК Павлуновскому и, получив там изрядный нагоняй, вернулся обратно в Тюмень.

Я искал случая покинуть Тюмень, потому что боялся, что Студитов рассчитается со мной. Однако, со мной ничего не случилось. То-ли Студитов не знал о моем участии в этом деле, то-ли, в виду наступившей чистки партии в 1921 году, решил переждать.

Из Москвы тем временем поступило циркулярное распоряжение о командировании лиц, владеющих восточными языками, в распоряжение ВЧК. Я воспользовался циркуляром и, как знающий турецкий и персидский языки, стал проситься в командировку. Студитов меня не задерживал.

ГЛАВА II

В восточном отделе В. Ч. К.

Приехал я в Москву вскоре по объявлении НЭП-а. Уже начали открываться кое-какие магазины, в витринах стали появляться пирожные и булочки, в перемежку с сапогами и другими товарами.

Я явился в Административный отдел ВЧК. Там меня зарегистрировали и, как восточника, направили в 14-ое Специальное отделение. В то время были только «специальные» отделения, которые затем уже преобразовались в Отделы. Так, 14-ое отделение ВЧК обратилось в Иностранный отдел ГПУ, 8-ое отделение — в Специальный отдел и т. д.

Начальником 14-го Отделения был Михаил Абрамович Трилиссер. Делами отделения он мало интересовался и даже помещался не при отделении, а при коллегии ВЧК. Работой фактически руководил его помощник, эстонец Стырнэ, молодой человек, лет 22, однако, очень способный. До работы в ВЧК он служил в коммунальном хозяйстве, перешел в ВЧК из соображений карьеры и для выслуги перед начальством готов был на что угодно.

Явился я к Стырнэ и после первого же разговора был зачислен сотрудником для поручений. Когда на следующий день я пришел на работу, то застал десяток молодых людей, занятых чтением газет и разговорами о продовольственных карточках. Упомяну из

этих людей только Триандофилова, грека с Кавказа, Казаса, караима из Крыма, и Риза Заде, азербейджанца из Баку, так как к ним мне придется вернуться в моем рассказе. Я присоединился к общей компании и начал знакомиться с московскими условиями жизни.

Поселился я в доме № 9 на Большой Лубянке, отведенном под общежитие сотрудников ВЧК и называвшемся тогда «домом коммуны № 2». В одной комнате помещалось 8 человек: 5 мужчин и 3 женщины — жены сотрудников. Помещение отапливали мы сами — дровами, которые нам предоставлено было искать, где угодно. Скоро я понял, почему все заняты были разговорами о продовольствии: в Сибири всегда можно было достать хлеб, но здесь, в Москве, все выдавалось исключительно по карточкам.

Мне, как знающему персидский язык, поручили ознакомиться с материалами по Афганскому посольству в Москве, и передали два толстых дела, содержавших донесения наружной разведки. Члены иностранных миссий, конечно, не нуждались в продовольствии (часть запасов привозилась из заграницы). У них было множество знакомых, пользовавшихся их связями для легкого получения продуктов. Среди знакомых особенно много было женщин. В донесениях агентов наружного наблюдения регистрировались все лица, посещавшие посольства, и все лица, с которыми встречались члены миссии в городе, но сообщались только приметы лиц, без указания адресов, фамилий и проч.

Одновременно с делами афганского посольства, я просмотрел дела по персидскому и турецкому посольствам и нашел там точно ту же картину. Я был молодым и неопытным разведчиком, но понял, что одним наружным наблюдением многого не достигнешь. Вскоре я представил Стырнэ доклад с предложением организовать в н у т р е н н е е о с в е щ е н и е иностранных посольств. Мой доклад был передан Трилиссеру и утвержден. Для выполнения его мне предложили

поступить сотрудником в отдел Среднего или Ближнего Востока Наркоминдела и оттуда завести знакомства с членами миссий, среди которых предстояло вербовать агентуру для ВЧК.

Заместитель председателя ВЧК Уншлихт снабдил меня письмом к управляющему делами Наркоминдела с просьбой устроить на службу. Несмотря на личное письмо Уншлихта, Наркоминдел меня не принял (уже тогда существовал антагонизм между Наркоминделом и ВЧК). Пробегав по кабинетам ВЧК со своим проэктом полтора месяца, я ничего не добился и вдобавок разругался на одном из собраний ячейки со Стырнэ, а потому решил уехать из Москвы.

Моей мечтой было попасть в Туркестан, где я оставил родных.

В декабре 1921 года я подал заявление об откомандировании меня в Туркестан и, несмотря на уговоры Трилиссера, отправился в Ташкент в распоряжение полномочного представителя ВЧК в средней Азии, знаменитого Петерса.

Перед отъездом из Москвы, я впервые познакомился с системой отправки заграницу работников ВЧК. Это, собственно, была первая проба ВЧК посылки своих людей на заграничную работу. В конце 1921 года в Ангору назначили нового посланника СССР. К составу его миссии пристроили двух наших сотрудников — Триандофилова, уехавшего под фамилией Розенберга, и Риза-Заде, не помню под каким псевдонимом. По позднейшим сведениям, Риза-Заде успел на границе с кем-то подраться, расшифровал себя и был задержан, а Триандофилов поехал в Турцию и проработал там около года, пока Москва не отозвала из-за какой-то склоки, разыгравшейся в стенах ангорского полпредства.

*

*   *

Приехал я в Ташкент в первых числах января 1922 года и представился Петерсу. Познакомившись с моим «личным делом» (я забыл сказать, что на каж-

дого сотрудника ГПУ имеется «личное дело», куда заносятся все его деяния, передвижения по службе и отзывы начальствующих лиц), Петерс вызвал к себе заведывающего политическим сектором Рейсиха, и сказав, что назначает меня в Бухару, велел ознакомить меня с обстановкой, в которой мне придется работать. В кабинете Рейсиха я получил все материалы из Бухары и о Бухаре.

Положение в Бухаре в то время было крайне напряжено. Население, издавна подогреваемое панисламистской и пантюркской пропагандой, к концу 1921 года почти поголовно восстало против советской власти. Повсюду оперировали повстанческие отряды басмачей, руководимые активными панисламистами. Ферганскую область терроризировал знаменитый курбаши (вождь) Курширмат, прозванный «Джангиром» (покорителем мира). Беспощадно вырезая все европейское население, он ради забавы иногда уничтожал до тла и узбекские кишлаки.

Другой курбаши, Фузаил Максум, действовал в Таджикистане и, наконец, Ибрагим-бек, представитель бежавшего в Афганистан эмира Бухарского, являлся фактическим правителем локайцев.

Каждый из этих вождей имел десятки шаек, возглавляемых мелкими вождями. В эти шайки вкрапливались военнопленные турецкие офицеры, находившиеся в Туркестане. Фактическими руководителями басмачей были турки, хорошо подготовленные в военном и культурном отношении.

Энвер-паша, который, по уговору с Лениным, должен был после первого съезда народов Востока в Баку поехать в Туркестан для усмирения этих банд, объединения их в один кулак и, под лозунгом освобождения народов Востока, двинуть затем через Афганистан в Индию, не сдержал своего слова.

Бывшие министры-младотурки сговаривались с Советским правительством в Москве о восстании мусульманского мира против Европы. Энвер-Паша, бывший военный министр Турции, был принят в Кремле лично

Лениным. Опираясь на свой авторитет среди народов Востока, он просил Ленина дать ему возможность поднять родственные туркам народы Туркестана и повести их через Афганистан на Индию. Ленин согласился. Каждый преследовал собственную цель. Энвер надеялся организацией движения напугать союзников и помешать разделу Турции. Ленин же полагал, что восстание восточных народов расширит сферу большевистских влияний и подорвет могущество Англии, благодаря чему ускорится революционное движение на континенте. Во всяком случае, движение отвлечет внимание Европы от советской России, даст большевикам возможность выиграть время и подготовиться ко второму приступу революции.

Энвер-Паша выехал в Бухару. Бухарцы встретили его восторженно. Когда он проезжал по улицам Бухары, женщины, стоявшие на крышах домов, сбрасысывали чадру и открывали свои лица в знак высшей чести. В Бухаре Энвер нашел много старых приверженцев из турецких офицеров.

Польщенный приемом населения и видя слабость советского правительства, честолюбец-Энвер немедленленно решил использовать положение. Почему бы, в самом деле, до похода на Индию, ему не стать правителем Туркестана. Достойный сын Чингисхана и Тамерлана, он, завоевав Центральную Азию, сможет затем, подобно предкам, повести свои полчища на запад.

Через несколько дней после приезда в Бухару, Энвер отправился со свитой на охоту и больше не вернулся в отведенную ему резиденцию. А спустя неделю, он, объединив част басмаческих отрядов, уже наступал на Бухару.

Оборона затруднялась тем, что среди членов Бухарского правительства имелись сторонники Энвер-паши, подробно информировавшие его о передвижениях красных войск и даже помогавшие ему материально.

Маленькая группа русских войск с трудом несла охрану железнодорожной линии и еле сдерживала наступавших басмачей. Энверовцы подходили все ближе и уже заняли селение Багауддин в 9-ти верстах от Бухары.

Тем временем пришло подкрепление буденовцев. Прямо с эшелонов их перебросили к Богауддину. К вечеру дивизия вернулась в Бухару. Штаб Бухарского Военного Министерства получил краткое донесение: противник разбит и отступил от Бухары.

На поле сражения у Богауддина осталось до 5000 трупов. Убирать их было некому, так как местное население разбежалось. Поселок был буквально сравнен с землей. Скот и все ценное буденовцы увели с собой.

Несколько отдохнув, буденовская дивизия выступила в Восточную Бухару. По пути следования войска не оставляли камня на камне. Жители частью погибли под буденовскими шашками, частью бежали и присоединились к басмаческим отрядам. Война приняла затяжной партизанский характер.

Я должен был ехать в Бухару в качестве начальника агентуры, вместе с бывшим начальником особого отдела в Фергане, Окотовым, и начальником секретного управления при нем, Яковлевым. Все трое, мы должны были приехать в Бухару секретно, чтобы никто не мог догадаться о нашей миссии. Задача же заключалась в организации агентуры по «освещению» членов бухарского правительства и выяснению, кто из них и как помогает повстанцам.

В беседах со мной Рейсих рассказал следующую историю. Он был делегирован на съезд народов Востока в Баку и остановился в общежитии со всеми восточными коммунистами. Энвер-Паша, приехав из Москвы, посетил общежитие. Едва Энвер вошел, все коммунисты-восточники упали на колени, поползли к нему и стали целовать ему руки и одежду. Эта картина произвела такое гнусное впечатление на Рейсиха, что он выхватил наган и хотел застрелить Энвер-

пашу. Его во время схватили чекисты, охранявшие Энвера. Ныне, после бегства Энвера-паши, его, Рейсиха, выпустили из тюрьмы и назначили начальником политического сектора по борьбе с басмачеством, т. е. с Энвером. После этого случая он, да и все русские комунисты, перестали доверять коммунистам-восточникам. Если мне поручили работу в Бухаре, то только потому, что я поступил в партию в России. Недоверие к восточным коммунистам я затем неоднократно наблюдал у многих видных работников, всегда возражавших против приема восточных коммунистов в органы ГПУ.

В течение недели я изучал материалы. Затем мне выдали корзину бумажных денег, выпуска 1919 года, ходивших в то время в Бухаре, и я выехал на место назначения. Со следующим поездом должны были ехать Окотов и Яковлев. Кроме денег я был снабжен документами на фамилию Азадов. Документы удостоверяли, что я бывший белый офицер, демобилизованный из красной армии, как чуждый элемент, и должны были служить свидетельством моей политической благонадежности для бухарского правительсгва, которое, по сведениям ГПУ, не проявляло симпатий к коммунизму.

Приехав в Бухару, я, как военный человек, пошел искать работы в штаб бухарских войск. Мне посчастливилось, так как я сразу был принят сотрудником в оперативный отдел штаба. Начальство мое вскоре приехало. Окотов устроился в Бухаре под видом делопроизводителя при уполномоченном Туркестанского фронта, а Яковлев делопроизводителем при полпредстве Наркоминдела, которое тогда еще имелось при Бухарском народном правительстве.

Военным министром, или назиром, был младобухарец Арифов, записавшийся после бухарской революции в коммунистическую партию. Его заместителем был крымский князь Тамарин, бывший офицер царской армии. Комиссаром штаба состоял коммунист

Куцнер, с которым я подружился и от которого через несколько дней взял подписку о готовности работать для ГПУ. Благодаря моим стараниям и помощи комиссара штаба, мне поручили через несколько дней организацию разведывательного отделения. Приняв это предложение, я выписал секретно нескольких сотрудников Чека и назначил их начальниками разведывательных пунктов в разных городах Бухары. Таким образом, благодаря счастливой случайности, весь разведывательный аппарат бухарского штаба попал к нам в руки. Мы могли делать, под прикрытием бухарского правительства, что угодно.

Недели через две аппарат заработал. Поступавшие материалы предварительно сортировали, неважную для нас часть я докладывал Бухарскому правительству, а другую часть секретно, через Наркоминдел, отправлял в Ташкент. Одновременно мы начали налаживать внутреннюю агентуру в самом штабе. Благодаря ей мне удалось установить, что сам военный министр Арифов активно помогает басмачам, держит тайную связь с Энвер-пашей и с афганским посланником в Бухаре Мамед-Расуль-ханом, через курьеров которого сносится с вождями басмачей.

Тем временем приехал в Бухару сам Петерс вместе с военным командованием Туркестанского фронта на Бухарский съезд советов. Бухарское правительство устроило им великолепный прием. На съезде было произнесено много революционных речей. Арифов, оставаясь военным министром, был избран заместителем председателя совнаркома, Файзулы Ходжаева. По окончании съезда меня вызвал Петерс для доклада. Когда я сообщил ему, что сам зампредсовнарком и военный министр Арифов является организатором басмачества, Петерс назвал это провокацией и, не веря мне, велел немедленно ликвидировать дела и приготовиться к выезду в Ташкент, напомнив, что за такую работу он обыкновенно расстреливает. Я ничего не ответил и ушел укладывать вещи. В ту же ночь меня вновь вызвали к Петерсу. В возбужденном состоянии

он заявил, что я был прав, так как вечером Арифов убежал к басмачам.

Петерс тут же велел мне составить письменный доклад об остальных министрах. Я это сделал, и через несколько недель часть бухарского совета народных комиссаров была вызвана в Москву якобы для доклада и больше к своим обязанностям не возвращалась. Увезенные министры были заменены новыми, по строгому подбору Петерса. Сам я после этого вскоре выехал в Ташкент, передав дела вновь организовавшемуся Особому отделу XIII корпуса; начальником отдела был назначен Лазаватский, ныне занимающий должность советского консула в Керманшахе (Персия).

Вместе со мною уехали из Бухары Окотов и Яковлев. Работа их ни в чем особенно не успела проявиться. Окотов с первого же дня по приезде начал увлекаться бухарскими женщинами и был быстро провален, а Яковлев беспробудно пил. Эта командировка была их последней деятельностью по линии ГПУ. После этого их обоих уволили. Сейчас Окотов работает где-то в Туркестане по кооперации, а Яковлев состоит во Владивостоке советским судьей, продолжая пьянствовать.

Петерс, недели через две по возвращении из Бухары в Ташкент, уехал в Москву и больше не возвращался в Туркестан.

Во время пребывания в Бухаре я познакомился с тогдашним начальником разведывательного управления Туркестанского фронта Ипполитовым, ныне совконсулом и представителем Разведупра в Авхазе (Персия). Когда я приехал в Ташкент, он сделал мне предложение перейти на работу к нему. На этом же настаивал реввоенсовет Туркестанского фронта, требуя моего откомандирования из ГПУ. В мае 1922 года я уже числился за Разведупром.

ГЛАВА III

Убийство Энвер-паши

Военные действия на бухарском фронте принимали неопределенный характер. Красные войска, стянутые в Восточную Бухару, не могли продвигаться вследствие своей малочисленности, отсутствия снабжения, сильной жары и противодействия местного населения. Население не столь сочувствовало Энверу-паше, сколь ненавидело красную армию. Ненависть бурно выростала в связи с безобразиями, которые чинили красные части. Особенно неистовствовала буденовская армия.

Энвер, после неудачной попытки захватить Бухару, отступил и расположился со своим штабом в Таджикистане. Его отряды появлялись то с фронта, то с тыла красных войск и были неуловимы. Командование советскими войсками пришло к убеждению, что басмачество можно ликвидировать только уничтожением Энвера-паши.

Задача заключалась в поимке Энвера. Это было трудно, так как Энвер часто менял свою стоянку. Было решено прибегнуть к глубокой разведке и, установив местопребывание Энвера, не выпускать его из виду. Задачу эту поручили мне.

Я должен был проникнуть в расположение басмачей под видом торговца-разносчика.

Получив директивы и деньги, я выехал из Ташкента вместе с сотрудником Разведупра Осиповым.

Он должен был служить связью между мной и штабом войск.

Я имел простой паспорт на имя купца Расулова. Осипов ехал под своей фамилией.

В Бухаре мы закупили всякого товара и отправились в Карши. Дальше железная дорога была разрушена. Наняв двух ослов, мы выехали в Гузар. Ехали мы целых пять дней по пустынной дороге. Изредка попадались уцелевшие чайханы и возвращавшиеся с фронта солдаты.

Некогда цветущая Бухара напоминала древнее заброшенное место. Жители бежали к басмачам или в Афганистан. Проходившие части красной армии забирали съестные припасы, реквизировали скот для перевозок. Страна была разорена до тла...

Приехав в Гузар, мы остановились в чайхане и стали, предлагая товары, знакомиться с городом и населением. Город представлял из себя полуразвалины. Дома частью были разрушены, частью же пустовали, покинутые жителями. В уцелевших жилищах расположились войска и госпитали, до отказа набитые больными тропической лихорадкой.

В Гузаре мы заручились рекомендательными письмами от местных купцов в Юрчи и Деннау, наняли расторопного узбека Абдурахмана в качестве помощника по торговле и выехали втроем дальше.

По дороге в Деннау мы окончательно завербовали Абдурахмана. В Деннау он оказывал нам ценные услуги, познакомив с местными жителями, рекомендуя нас как мирных купцов и собирая полезные сведения.

Гарнизон Деннау состоял из роты пехоты и эскадрона кавалерии с пулеметами. Жизнь в городе замирала с наступлением сумерек. Чувствовалось, что фронт недалеко.

Мы связались с начальником гарнизона. Тем временем Абдурахман выяснил, где расположен штаб Энвер-паши, и в одну ночь мы покинули Деннау, направляясь через горы к басмачам. Через два дня мы прибыли в Кишлак, где расположился Энвер. Оста-

новились мы в чайхане, так сказать, клубе басмачей. Они там ели, пили, спали и делились новостями.

После трехдневного пребывания, мы стали в чайхане своими людьми и узнали все, что было нужно. Энвер помещался в отдельном доме вместе с турецкими офицерами-адъютантами. Изредка он выходил для прогулки вокруг кишлака, носил форму турецкой армии, но, вместо шапки, надевал чалму-тюрбан. Чувствовал он себя здесь в безопасности и расположился, повидимому, надолго.

Нужно было действовать. Под предлогом посылки за товаром, я отправил Осипова и Абдурахмана с донесением в Деннау и остался один среди басмачей. Прошло 5 дней, показавшиеся мне бесконечными. Абдурахман вернулся и сообщил, что в Деннау послан дивизион кавалерии для поимки Энвера. До его прибытия нельзя терять из виду Энвера.

В ожидании новых распоряжений, мы жили в басмаческом стане, продавая привезенные Абдурахманом товары. Наконец, явился Осипов с сообщением, что дивизион прибыл в Деннау и ночью выступит для захвата штаба.

В тот же вечер мы втроем покинули кишлак, направляясь в Деннау. В 20 верстах от расположения басмачей нас встретил дивизион. Дав подробные указания начальнику и комиссару дивизиона, мы двинулись дальше, а кавалерия пошла заканчивать наше дело.

На другой день получилось известие, что Энвер-паша убит. Моя задача была выполнена и я расположился на отдых в Деннау. Вечером пришло подробное донесение о произведенной операции.

Дивизион, приняв тщательные меры предосторожности, продвигался по указанному нами маршруту. На рассвете войска подошли к месту расположения штаба Энвер-паши. Чтобы отрезать отступление, один эскадрон был отправлен в обход селению.

В семь часов утра войска пошли в аттаку на басмачей. Однако, врасплох их застать не удалось. На-

чалась перестрелка. Под пулеметным огнем басмачи не выдержали, дрогнули и отступили. Энвер-паша, поняв положение, приказал басмачам держаться, пока он не отойдет вместе со штабом в горы.

Вместе с 30-ю своими приближенными он помчался в противоположную от боя сторону. Рассчет его не оправдался. Он наткнулся на эскадрон, посланный в обход селенью. Видя себя окруженным, Энвер бросился в рукопашный бой.

Произошла короткая схватка. Штаб Энвера был изрублен шашками. Успели спастись только двое. Красноармейский отряд не знал, с кем вел бой. Лишь потом, при осмотре трупов, опознали Энвер-пашу. Ударом шашки буденовец снес ему голову и часть плеча. Рядом с обезглавленным трупом, валялся коран. Энвер, видимо, держал его в руках, когда повел свой штаб в аттаку. Коран отправили в Ташкентское ГПУ и приложили к «делу» об Энвере-паше, ведшемуся в ГПУ.

«Дело» Энвера было прекращено и сдано в архив. Басмачество лишилось вождя и пошло на убыль. Приверженцы Энвера рассеялись по стране небольшими группами, искали убежища в Афганистане.

Успешно выполнив операцию, я вернулся в Ташкент и получил двухмесячный отпуск.

Советские власти деятельно ликвидировали остатки басмаческого движения. В районе Восточной Бухары еще держался вождь локайцев Ибрагим-бек, а в Хорозме действовал Джунаид-хан.

Один из руководителей ГПУ по борьбе с басмачеством, Скижали Вейс, работавший затем заграницей под фамилией Шмидта, рассказывал мне, как он расправлялся с басмачами. Он подсылал людей к повстанцам, поручая травить пищу басмачей цианистым калием, от чего погибали сотни людей; люди Скижали Вейса снабжали басмачей самовзрывающимися гранатами, вбивали в седла главарей отравленные гвозди и т. д. Так было уничтожено большинство руководителей басмаческого движения.

В один из ближайших после отпуска дней, я пошел зарегистрироваться в ГПУ (каждый работник ГПУ, после своего откомандирования или ухода, продолжает состоять на учете и должен ежемесячно регистрироваться) и встретил там своего бывшего московского начальника Стырнэ. Оказывается, ГПУ в конце 1922 года приступило к организации в Туркестане контрразведывательного отдела, и Стырнэ был прислан из Москвы для постановки дела и руководства. Встретив меня, он пригласил вновь перейти к нему на работу. Я дал согласие и через несколько дней сидел в КРО на должности уполномоченного первого отделения контр-разведки. Это было отделение по борьбе с иностранным шпионажем. Начальником отделения состоял небезызвестный Уколов, посланный затем в 1925 году от ГПУ в Кантон; захваченный с документами при нападении китайцев на советское консульство, он был убит китайским полицейским.

В ГПУ имелись сведения, что английский представитель в Кашгаре Эссертон, использует в разведывательных целях кашгарцев, ведущих торговлю с Туркестаном и проживающих на советской территории. ГПУ установило наружное наблюдение за всеми видными кашгарцами, в частности за аксакалами (старшинами). Ни наблюдение, ни перлюстрация писем никаких улик не давали. Дела пухли от маловажных сведений. Число лиц, подозреваемых в шпионаже, росло, и к моему приходу в одном только Ташкенте числилось до 900 подозрительных по шпионажу кашгарцев.

Как велась борьба со шпионажем, можно видеть из следующих примеров.

В январе 1923 года из бухарского ГПУ от Лозоватского поступило донесение о раскрытии тайной организации, вербующей людей в Бухаре, снабжающей их оружием и готовящейся к выезду в Семиречье для поднятия восстаний. Руководителями организации являются кашгарцы, действующие по инструкциям англичан. Сведения эти Лозоватский получил от индусского эмигранта Абдул-Каюма, бежавшего из Север-

ной Индии в 1920 году, вместе с Роем, вождем индусских коммунистов. Организация должна была проехать через Ташкент.

Каюма срочно вызвали в Ташкент. Он подтвердил донесение и добавил, что организация заготовила даже знамя для восстания. Через несколько дней, действительно, в Ташкент приехали шесть мужчин и две женщины. По указанию Каюма их арестовали и при обыске обнаружили несколько револьверов и патронов, а также какое-то расшитое полотно, которое, повидимому, должно было служить знаменем для повстанцев.

Задержанные лица не говорили по русски. Переводчиком был приглашен тот же Каюм. На допросах арестованные чистосердечно сознались во всем. В ожидани суда их продержали под арестом около 8-ми месяцев. Тем временем приехал из Памира переводчик памирского отряда ОГПУ Хубаншо. Он как то встретился с арестованными и передал, что они хотят говорить со мной. В ожидании новых разоблачений я вызвал их к себе. На новом допросе неожиданно выяснилось, что никакого признания они 8 месяцев тому назад не делали, а все запротоколированные показания выдумал сам Каюм, который был и доносчиком и переводчиком. Тут же выяснилось, что оружием и «знаменем» снабдил их под благовидным предлогом тот же Каюм.

Арестованные после девятимесячного заключения были выпущены. Я возбудил дело против Каюма, который в то время уже находился в Москве. Но ничего не мог добиться. Каюм и поныне работает переводчиком при полномочном представителе ОГПУ в Средней Азии.

Другой случай.

Поступило агентурное донесение, что один кашгарский купец в разговоре с другими сказал, будто он знает в Ташкенте до 30-ти английских шпионов кашгарцев. Купец был незаметно схвачен на улице и во-

дворен в тюрьму при ОГПУ, причем в книгах арестованных его записали под другой фамилией, чтобы никто не догадался о его местонахождении. Его допрашивали с пристрастием в течение 15-ти дней. О шпионаже он ничего не мог сказать. Его освободили и прямо из тюрьмы выслали на китайскую территорию.

Таковы были методы борьбы ОГПУ со шпионажем в 1922—23 г. г.

Спустя месяц после поступления в КРО, я был назначен помощником начальника отделения, и ко мне перешли все дела по афганскому и персидскому шпионажу. Нас особенно интересовали отношения афганцев с басмачами. В то время, как афганское правительство оффициально заявляло о своей дружбе с советской Россией, басмаческия шайки всегда находили убежище на афганском берегу Аму-Дарьи и оттуда совершали налеты на советскую пограничную стражу.

Что касается Персии, нас не столько интересовала персидская разведка, сколько английская. Английский военный атташе в Мешеде Томсон имел близкие связи с русскими эмигрантами и пользовался их услугами для разведки в советском Туркестане.

Помню, из Мешеда прибыл русский эмигрант Герасимов. Он явился в ГПУ, как раскаявшийся, и передал нам шифр, якобы украденный у генерала Выгорницкого, проживавшего в Мешеде и, по нашим сведениям, состоявшего на службе у английской разведки. При подробном допросе он объяснил, что шифр был выкраден персом, слугою Выгорницкого, и передан ему. Еще через несколько дней, на очередном допросе, он обмолвился, что перс был неграмотен. В ответ на вопрос, как же неграмотный перс мог узнать шифр, Герасимов сознался, что его прислал военный атташе. Герасимова расстреляли.

Вслед за ним прибыл другой эмигрант, некто Багдасаров. Он работал в Мешеде у англичан 6 месяцев с ведома советского консула, получил задание и явки от англичан и с нашего же ведома приехал в Турке-

стан. Благодаря Багдасарову, была выявлена часть английской агентуры в Туркестане. Ее ГПУ использует до сих пор для дезинформации представителя английской разведки. Одновременно в Ташкенте возникла идея организовать агентуру для борьбы со шпионажем в приграничных районах. Первые опыты были начаты в Хоросане, и представительство ОГПУ было поручено советскому консулу в Мешеде Хакимову.

Хакимов вскоре уехал, и его заменил Апресов, прослуживший затем консулом в Мешеде в течение трех лет. Хакимова же перевели в Аравию, где он сейчас состоит полпредом СССР в Иемене при имаме Яхья.

Апресов, занимая должность советского консула и резидента ГПУ, являлся одновременно представителем Разведупра и Коминтерна и работу в Мешеде поставил на должную высоту. Юрист по образованию, очень толковый, хорошо знающий психологию Востока, владеющий персидским языком и тюркским наречием, любящий риск и приключения, он самой природой был создан для работы ОГПУ на Востоке. К тому же он имел некоторую практику в работе. Будучи советским консулом в Реште, он сумел похитить через сожительницу английского консула в Реште архив консула и передать его в ГПУ, чем завоевал полное доверие этого учреждения.

Апресов взялся за работу , и к середине 1923 года от него стали поступать копии всей секретной переписки английского консульства в Мешеде с английским посланником в Тегеране и с индийским генеральным штабом. К этому времени я уже занимал пост начальника отделения, так как Стырнэ уехал в Москву в контр-разведывательный отдел, где состоит поныне в должности помощника начальника КРО, а в Туркестане его заменил Уколов. Несмотря на успехи Апресова, ГПУ не было им довольно, потому что свои донесения он в копиях посылал Разведупру и Наркоминделу, а ГПУ любит владеть информацией монопольно. Поэтому было решено послать в Мешед специального человека для продолжения нашей работы. К этому

вынуждало также то обстоятельство, что Шумяцкий, полпред СССР в Тегеране, уехал в отпуск и, оставив Апресова своим заместителем, велел ему выехать в Тегеран.

Сперва был послан в Мешед некто Вонаг, под видом управляющего делами конторы нефте-синдиката. Затем Вонага сменил Вербов, старый партиец, выживший из ума старик; Москва прислала его нам, желая от него избавиться.

К тому же времени мы учредили резидентуру ОГПУ в Мазари-Шерифе (Афганистан): работа была поручена консулу Думпису.

Иллюстрацией того, как мы в то время работали и к каким средствам прибегали для добывания нужных сведений, может служить следующая история.

Как я упоминал, нас весьма интересовало отношение Афганистана к басмачеству и роль афганского консула в Ташкенте в этом деле. Для целей осведомления мы использовали памирского переводчика Хубаншо, таджика по национальности, который еще в Памире помогал отделу ГПУ вести разведывательную работу в Индии. Для этой работы был выбран именно он, так как афганский консул в Ташкенте тоже был таджиком.

Подосланный к консулу, Хубаншо быстро с ним подружился. Используя племенную вражду между афганцами и таджиками, он уговорил консула продать нам шифры и секретную переписку консульства. Однако, консул запросил за это десять тысяч рублей золотом и не соглашался уступить за тысячу, которую мы предлагали. Тогда мы решили получить шифры и переписку даром. Выбрав день, когда в консульстве остались только консул и секретарь (охрану мы не считали: она была нашей) мы пригласили консула на ужин, а секретаря вызвала к себе его сожительница (наша агентша). В консульстве никого не осталось. Ужин мы устроили с вином и женщинами. К концу пиршества одна из женщин всыпала консулу в стакан снотворное, и к 11-ти часам вечера консул спал беспро-

будным сном. Мы же, отстегнув у него с часовой цепочки ключи от несгораемого шкафа, проникли в консульство и сфотографировали все, что нам было нужно. После операции, ключи были водворены на место. На следующее утро консул проснулся в объятиях одной из пировавших с ним женщин и, ничего не подозревая, с головной болью вернулся в консульство.

В заключение этой главы расскажу об убийстве атамана Оренбургского казачьего войска Дутова.

Разведупр Туркестанского фронта имел в Чугучаке секретного агента, бывшего штабс-капитана. Ему поручили убийство атамана Дутова, находившегося со своим штабом в Западном Китае. Штабс-капитан нанял для убийства одного киргиза. Киргиз выполнил свою задачу превосходно.

На быстром коне он подскакал к штабу Дутова и попросил вызвать атамана, для которого он, якобы, привез личный секретный пакет. Дутов вышел на крыльцо. Киргиз подал левой рукой пакет. Когда Дутов взял пакет, киргиз правой рукой выхватил револьвер и, выстрелив в упор, убил атамана наповал. Повернув коня, убийца умчался к советской границе и был пропущен в СССР.

За это дело киргиз был награжден орденом Красного Знамени. Офицер же, организовавший убийство, получил в награду полную амнистию, советский паспорт и возвратился к своей семье в Ташкент.

По приезде в Ташкент, ГПУ вызвало его, чтобы расспросить о положении в Западном Китае.

Окончив допрос, во время которого он весь дрожал, я спросил, в какой части города он живет и, узнав, что нам по пути, вышел вместе с ним из ГПУ. На улице к офицеру подошла женщина, оказавшаяся его сестрой. Он мне признался, что, получив вызов в ГПУ, он думал, что его расстреляют, и взял с собою сестру, чтобы она хотя бы знала, что с ним случилось. Выйдя живым из ГПУ, он радовался, как мальчик. Мы устроили его на службу куда то бухгалтером, од-

нако, через месяц он явился ко мне как-то вечером и в крайне возбужденном состоянии просил меня сказать, почему за ним продолжает следить ГПУ. Я пытался его разуверить. Он ушел, видимо не поверив. Еще через месяц явилась его сестра и сказала, что брата, заболевшего манией преследования, отвезли в больницу. Нервы этого человека, бывшего 8 лет на войне, не выдержали страха перед ГПУ.

ГЛАВА IV

Работа в партаппарате

В августе 1923 года моя разведывательная работа кончилась. На очередных партийных перевыборах меня избрали секретарем ячеек войск органов ГПУ в Средней Азии и членом комитета партии в Ташкенте.

Я вступил на новое поприще партийной работы. Описывать ее не буду; она заключалась в получении директив из вышестоящих партийных органов и проведении их в жизнь. Остановлюсь только на партийной дискуссии 1923 года, между Центральным Комитетом и Троцким. По этому случаю из Москвы приехал специально Межлаук, ныне работающий в Высшем Совете народного хозяйства, и, собрав весь партийный актив района, или аппарат, как его называл Троцкий, дал нам соответствующую линию поведения. Однако, несмотря на мои и всего начальства ОГПУ старания, несмотря на суровую дисциплину в органах и войсках ГПУ, все таки при голосовании 45% партийцев оказались на стороне Троцкого и то только потому, что счетчики голосов были наши. Как потом выяснилось, в Центральном ГПУ в Москве также большинство сотрудников стояло за Троцкого, и дело дошло до того, что собрание пришлось прервать на сутки, а на следующий день вызвать из Ленинграда Зиновьева, который в 4-х часовой речи, наконец, убедил сотрудников ГПУ голосовать за центральный Комитет.

О том, насколько советские государственные органы зависимы от партии, показывает также следующий случай.

Предстоял большой показательный процесс в Верховном Суде Туркестана. Я был избран членом суда. Судили некоего Махлина, заведующего исправдомом (тюрьмой), за то, что он, пользуясь своим служебным положением, брал взятки, злоупотреблял властью и заставлял арестованных женщин сожительствовать с ним. Кроме того — и это было главное — на Махлина поступил донос, будто он служил в контр-разведке у англичан, когда англичане занимали Туркестан. Несмотря на недоказанность обвинения, ЦК туркестанской партии, учитывая «настроение масс», предложил вынести Махлину смертный приговор. Приговор мы, конечно, вынесли. Он немедленно был приведен в исполнение.

Руководя партийными делами, мне пришлось ближе познакомиться с полномочным представителем ГПУ в Туркестане — Русановым, а потом с заменившим его Бельским.

Русанов, молодой человек лет 30-ти, бывший студент Томского университета, член партии с 16-го года, был сильным, энергичным и независимым человеком, вследствие чего часто имел столкновения как с ОГПУ в центре, так и с местными властями. Он не терпел ничьего авторитета и делал все, что ему вздумается. До Туркестана он был представителем ГПУ в Закавказье, где, как рассказывал его постоянный секретарь Вивчинский, Чека захватила однажды видного грузина-меньшевика, приехавшего из заграницы. Русанов донес в Москву, с просьбой разрешить его расстрелять. Дзержинский, который еще был жив, потребовал отправить меньшевика в Москву. Русанов, получив такой ответ, решил, что если он отправит меньшевика в Москву, то там за него похлопочут и добьются освобождения. Поэтому он отдал приказ немедленно его расстрелять, а в Москву сообщил, что, к сожалению, телеграмма Дзержинского запоздала и пришла

после расстрела. Дзержинский вызвал Русанова в Москву для объяснения, но Русанов отложил выезд на несколько дней, чтобы дать Дзержинскому успокоиться, ибо знал, что тот за неисполнение приказаний может с горячей руки расстрелять его самого. Расчет оказался правильным: он выехал в Москву с опозданием и получил за свое деяние только строгий выговор.

В Туркестане Русанов задержался недолго. Центральный Комитет партии, с которым он был не в ладах, потребовал его отозвания. Осенью 1923 года он уехал, а на его место прибыл Бельский, который и поныне является представителем ОГПУ в Средней Азии. Русанов же, приехав в Москву, подал в отставку и со скандалом ушел из ГПУ. Ныне он руководит машинотрестом в Москве и категорически отклоняет все приглашения вернуться в ГПУ.

Бельский оказался полной противоположностью Русанова. В то время, как его предшественник шел на пролом, он старался обойти препятствия, выждать, улучить момент и, благодаря такой тактике, в течение 7-ми лет бессменно держится в Туркестане, постепенно прибрав к рукам всю страну. Это один из сильнейших работников ГПУ. Он тайно добивается поста заместителя председателя ОГПУ и добьется, конечно, если не сорвется на каком нибудь резком повороте партийной линии. Его единственный недостаток, с точки зрения ОГПУ, тот, что он старый бундовец и в коммунистическую партию вступил только в 1917 году. Для ответственного поста зампреда ОГПУ это является недостаточным стажем.

Одновременно с работой в ОГПУ я состоял слушателем восточного института в Ташкенте и к этому времени находился уже на втором курсе.

Случайно я встретился со своим старым знакомым Ипполитовым. Он предложил мне опять перейти в разведывательное управление и поехать в Мешед вести работу по военной линии. Мне, признаться, шаблонность партийной работы надоела, и я с удовольствием готов был переменить службу, а потому

попросил Ипполитова договориться с Бельским. Через несколько дней меня вызвал Бельский и сказал. что Ипполитов просил отпустить меня к нему, но что он, Бельский, на это не согласен; если же я желаю переменить работу, то могу ехать заграницу резидентом ГПУ. Окончательное решение вопроса он отложил до своего возвращения из Москвы, куда должен был выехать на несколько дней для доклада.

В конце апреля 1924 года Бельский вновь вызвал меня и передал, что начальник Иностранного отдела Трилиссер приглашает меня ехать резидентом ОГПУ в Кабул. Если я согласен, то должен немедленно выехать в Моску для оффициального оформления назначения. Ехать надо было вместе со вновь назначенным в Кабул послом Старком. На следующий день после этого разговора я, снабженный личным письмом Бельского, выехал в Москву в распоряжение Трилиссера.

*
*   *

Приехав в Москву в начале мая 1924 года, я в тот же день был принят Трилиссером. Трилиссер поговорил со Старком по телефону и направил меня к нему. Старк проживал в гостинице «Савой». Я явился к нему прямо от Трилиссера. Меня принял человек лет 35, довольно полный. Он и оказался Старком. При нем была его жена, по национальности армянка.

Первым вопросом Старка было, как я думаю вести свою работу в Афганистане. Я уклончиво ответил, что я молод во всех отношениях и впервые еду заграницу, поэтому рад, что буду работать под руководством такого старого опытного товарища, как Старк. Он был членом партии с 1905 года. Ответ мой его удовлетворил, так как он, видимо, не особенно любил самостоятельную работу чекистов, да и вообще, как потом оказалось, враждебно относился к членам своей собственной миссии. Вопрос о моей поездке тут же был решен в положительном смысле.

Старк написал записку управделами Наркоминдела

Дмитриевскому. Я пошел с ней в Наркоминдел и через несколько дней был оффициально зачислен на должность помощника завбюро печати и информации при кабульском полпредстве.

Около недели я просидел в аппарате Иностранного отдела ОГПУ, знакомясь с делами и со всеми циркулярами по работе ГПУ в Афганистане. В то время почти совсем не было материалов по Афганистану, если не считать сводок Ташкентского ОГПУ о положении в пригранидной полосе. Мне сказали, что до сих пор фактически ОГПУ не вело работы в Афганистане. Обязанности резидента ОГПУ в Кабуле выполнял поверенный в делах СССР Вальтер, но от него пока ничего не поступало. Мне придется принять от него дела, если таковые имеются, и организовать самостоятельную агентуру, которая освещала бы деятельность афганского правительства и его отношение к англичанам. Особенное внимание, вслед за англичанами, предлагалось обратить на немцев, которые в то время усиленно приглашались афганским правительством на службу; советское правительство было этим обстоятельством обеспокоено. Кроме того, я должен был освещать внутреннее политическое и экономическое положение Афганистана, обратить серьезное внимание на Бухарскую эмиграцию и на пограничные племена северо-западной Индии (о них мы тогда ничего не знали, но возлагали на них большие надежды для организации восстания в Индии). В циркулярном порядке мне предлагалось также наблюдать за положением и охраной полпредства, поведением сотрудников и т. д. Одновременно я знакомился с правилами связи с Москвой, составлением денежной отчетности, порядком учета агентуры и конспирации. О связи и денежной отчетности я уже рассказывал, остановлюсь на агентуре.

Вся тайная агентура должна иметь нумерацию. Ежемесячно резидент ГПУ посылает в Москву список вновь завербованных агентов, их характеристики и перечень обязанностей с указанием вознаграждения.

Кроме того, желательно иметь фотографическую карточку агента. Настоящие фамилии агентов посылаются в Москву отдельно, в зашифрованном виде. Копии агентских донесений не должны храниться в архивах резидентуры, во избежание возможного провала. Клички агентов не обязательны, но крупные агенты могут иметь, кроме номера, и кличку.

После ознакомления с делами в Иностранном отделе ОГПУ, меня отправили в специальную лабораторию КРО (тогда еще не имелось своей лаборатории при Иностранном Отделе) и научили там способу вскрывать запечатанные пакеты, познакомили с составом для изготовления печатей, снабдили химическими чернилами для секретной переписки и рецептом чернил. На этом приготовления закончились. В последний день меня снабдили специальным шифром ОГПУ и пятью тысячами долларов, и в конце мая вся миссия, в том числе и я, выехала из Москвы в Кабул.

Миссия состояла из полпреда Старка, его жены, личной машинистки Булановой (как потом оказалось, его второй жены), первого секретаря Эдуарда Рикса, военного атташе Ивана Ринка, завбюро печати Мархова, шифровальщика Фритгута, казначея Данилова с женой и меня. Кроме того, с нами ехали два дипкурьера, везшие дипломатическую почту и миллион рублей золотом. Эти деньги советское правительство посылало афганскому правительству в силу договора 1919 года, по которому правительство СССР обещало выдавать афганцам ежегодную субсидию в один миллион золотых рублей. Несмотря на договор, советское правительство только в 1924 году сделало свой первый взнос.

В Ташкенте мы остановились на несколько дней. Старк договаривался с туркестанским правительством по некоторым пограничным вопросам. Военный атташе устанавливал связь с Разведупром Туркестанского фронта, а я явился к Бельскому, получил от него задания и договорился о способах связи с ним, так как Москва разрешила мне выполнять поручения Ташкент-

ского ГПУ с условием не давать возможности его агентам выходить из приграничной полосы.

Договорившись по всем вопросам, мы выехали через Бухару в Термез, где на следующий день, 28 июня 1924 года, переправились через реку Аму-Дарью и очутились на афганском пограничном посту Патта-Гиссар.

ГЛАВА V

Афганистан

На афганской границе нас встретили с почетом. По распоряжению Эмира Амануллы-хана, навстречу нам были поданы 20 верховых и 40 вьючных лошадей и эскадрон кавалерии, сопровождавший миссию до Кабула.

По оказании обычных почестей полпреду, мы в тот же день выехали в Мазари-Шериф, куда прибыли через сутки. Как я уже упоминал, в Мазари-Шерифе представителем ГПУ был советский консул Думпис. Несмотря на то, что оффициально я был всего только начальником бюро печати, он по линии ГПУ был моим подчиненным.

На следующий же день после прибытия, я попросил у Думписа отчет о работе и убедился, что он ровно ничего не делал. В свое время ему было отпущено на работу 50 фунтов стерлингов. Я попросил вернуть деньги и считать себя свободным. Поступил я так потому, что, по сведениям консульских сотрудников, Думпис исключительно занимался потреблением кокаина, забросив все остальные дела. Я сообщил об этом Старку, и он обещал принять меры к замене Думписа другим лицом. Действительно, спустя месяц после нашего прибытия, Думписа отозвали в Москву. Его место занял бывший консул в Маймине (Афганистан) Постников.

Отдохнув дня три в Мазари-Шерифе, миссия пустилась в дальнейший путь и благополучно прибыла в Кабул в 20-х числах июля. В пути мы пробыли около месяца, проделав всю дорогу на лошадях, с ежедневными ночевками на афганских рабатах. В пути я успел познакомиться ближе со своими будущими сотрудниками и выяснить их взаимоотношения. Оказалось, что машинистка Буланова была второй женой Старка, с ведома и разрешения первой. Буланову Старк нашел в Германии и увез с собой в Эстонию, где занимал пост полпреда. Там он устроил ее машинисткой в полпредстве и одновременно, чтобы упрочить положение, ввел ее в члены эстонской коммунистической партии, куда ее, конечно, сразу приняли по рекомендации советского посла. Получив перевод в Кабул, он повез ее с собой через всю Россию.

Мархов был евреем из Англии, прибыл в СССР в 1919 году, в последнее время состоял студентом Восточного института в Москве, по языку урду (индийское наречие) и ныне командировался Институтом и Наркоминделом в Кабул для практического ознакомления с языком и индийскими делами. Помимо обзора прессы, он должен был выполнять поручения полпреда по линии работы Коминтерна, тайное представительство которого Старк совмещал со званием и обязанностями советского посла. Мархов, учась в Москве, информировал ГПУ о жизни института; Трилиссер советовал мне связаться с ним заграницей и использовать его. Однако, я решил сначала к нему присмотреться.

Рикс — первый секретарь, был полковником в старой армии. После революции его приговорили к расстрелу на Украине, он оттуда бежал в Туркестан и, как знающий персидский язык, был взят прежним полпредом в Кабуле, Сурицом, в качестве переводчика в Афганистан. Ему же в то время было поручено ведение военной разведки. Будучи беспартийным, он никаких политических взглядов не высказывал и состоял на положении лакея при полпреде и его женах. Старк

очень уважал его именно за эту полную беспринципность.

Ринк — военный атташе, беспартийный, заслуженный военный специалист, бывший капитан царской армии, был очень образованным и развитым человеком. Держал себя всегда с большим тактом, никому в то же время не уступая своей самостоятельности. Остальные сотрудники миссии интереса не представляли, за исключением шифровальщика Фритгута, который служил одновременно наушником полпреда. Тайная влюбленность в Буланову в конце концов погубила его карьеру, так как Старк, узнав о его любовных чувствах, мгновенно откомандировал его в Москву, несмотря на все его прежние заслуги.

Наш приезд в Кабул совпал с национальным собранием в Афганистане, так называемой большой джиргой, начавшей заседать в конце июля 1924 года. Для выяснения внутреннего положения Афганистана, правильная информация о джирге могла сыграть большую роль. Это заставило меня сразу же по приезде приняться за работу. Однако, когда я обратился к бывшему поверенному в делах СССР Вальтеру и спросил, какой секретной агентурой он располагает, то оказалось, что почти никакой агентуры у него нет и что фактически советская миссия не имеет никакого осведомления о внутренних делах Афганистана. Тут мне помог Мархов, который уже успел по линии Коминтерна связаться с некоторыми лицами, в частности с небезизвестным афганцем и индийским англичанином Раджой Протапом, находившемся в то время в Кабуле; от него Мархов получал все подробности о происходившем на джирге.

Раджа Протап, или как он себя сам называл «Раб человечества», пользовался большим уважением у эмира Амануллы-хана.

Протап проживал в Кабуле в германской миссии, где также пользовался большим уважением. Во время мировой войны Протап был германофилом и оказывал услуги германской миссии Нидермайера, который с

группой немецких офицеров пробрался в Афганистан, чтобы поднять афганские племена против англичан. В 1919 году, когда, по мнению советской власти и группы индийских революционеров, наростала революция в Индии, было избрано народное индийское правительство в Кабуле: Протап был президентом этого правительства.

Осенью 1924 года, эмир отправил Протапа через Россию и Америку для популяризации идеи пан-азиатского союза и для пропаганды избрания эмира Амануллы всемусульманским калифом. Протап проехал через СССР, надеясь, что дружественные отношения с советским полпредом в Кабуле и вражда к англичанам послужат ему достаточной рекомендацией в СССР. Он жестоко ошибся. Несмотря на личные рекомендательные письма полпреда, он по выезде из Москвы был высажен агентами ГПУ на одной из станций, обыскан и арестован. Только после энергичного вмешательства наркоминдела его освободили и выпустили заграницу, где он опубликовал в газетах свои злоключения. Протапа эти неприятности не обезкуружили. Попав затем в Китай и Японию, он пытался снова связаться с советскими представителями, однако, у ГПУ возникли подозрения, что он является японским и английским агентом и связь с ним была прекращена. В 1929 году Протап вновь приехал в СССР и намеревался проехать в Персию и Афганистан. Так как его туда не пустили, то он остался в Москве на попечении афганского министра иностранных дел Гулам Джелани-хана, заменявшего афганского посла в Москве, пока посол Наби-хан путешествовал с военной экспедицией по Северному Афганистану.

Я принял дела ГПУ у Вальтера. При приемке оказалось, что он имеет всего только одного агента: жандармского полковника Абдул-Меджид-хана. Его Вальтер завербовал в бытность свою секретарем советского консульства в Герате. Кроме того, для связи имелся в посольстве некий Ефендиев, персидский подданный, родом из Мешеда, по настоящей фамилии Мамедов,

Измаил. Архивов и денег у Вальтера не оказалось: архивов он не заводил, а деньги успел истратить. Пришлось с этим помириться и принять от него то, что имелось. В таком же положении, по словам военного атташе Ринка, оказались и дела Разведупра, порученные тому же Вальтеру. Разведупр прислал ему для работы вместо валюты, 12 каратов бриллиантов. Он их якобы истратил, но не сделал ничего для Разведупра. Впоследствии Ефендиев рассказывал, что Вальтер присвоил эти бриллианты и преподнес их своей жене.

ГЛАВА VI

Агенты и сотрудники ОГПУ в Афганистане.

По приезде в Кабул, моим намерением было не торопиться и постепенно знакомиться со страной и людьми для организации сети. Однако, события не ждали. Через месяц после Джирги вспыхнуло восстание на юге Афганистана, известное под именем Хостинского восстания.

Первое время для получения информации я пользовался услугами Абдул-Меджид-хана, но вскоре его арестовали за отказ ехать драться с повстанцами: он был в родственных отношениях с племенем мангну и не хотел против него воевать. Пришлось опять прибегнуть к помощи Мархова.

Нужно сказать, что к этому времени взаимоотношения в полпредстве резко обострились. Старк оказался всецело под башмаком своих двух жен. Жены же, не удовлетворяясь одним Старком и ценя в нем, повидимому, только его дипломатическое звание, искали развлечений на стороне. Внимание обеих остановилось на Мархове. Я, однако, крепко прибрал его к рукам, и, по моему настоянию, он отдавал почти все свои досуги работе. Обиженные неудачей женщины начали настраивать Старка против меня и отвергнувшего их прелести Мархова. Старк повел открытую войну, пользуясь всеми средствами и лицами, в частности Фритгутом. Вслед за уехавшим Вальтером, он вдруг откомандировал в Москву Ефендиева, чтобы

лишить меня возможности пользоваться его услугами. Не довольствуясь этим и другими мелкими неприятностями, он предложил мне, прежде чем посылать шифрованные телеграммы в Москву, показывать ему их текст, по циркуляру же ГПУ он на это не имел права. Чувствуя, что мои позиции слабы, так как Москва меня знала мало, а выявить своей работы я еще не успел, боя я не принял и выжидал удобный для себя момент. Не отказываясь показывать ему тексты шифровок, я показывал ему не настоящие, отправляемые мной в Москву, а специально для него составленные, которые я тут же, возвращаясь домой, уничтожал.

Отношения Старка с военным атташе Ринком испортились, благодаря все тем же женам, за одной из которых военный атташе ухаживал. Фактически единственным работником Старка остался Рикс, служивший с рабской верностью своему новому хозяину.

Мархов тем временем принял всю тайную коминтерновскую агентуру, в которую входила, между прочим, сикхская военная организация, державшая связь с полпредством через владельцев (членов организации) лавки с канцелярскими принадлежностями у входа Сарыпуль базар в Кабуле. Для иллюстраций наших отношений в полпредстве, приведу следующий пример: Сикхская организация как то доставила Мархову план индийской крепости Раввалпинди. Мархов, конечно, прежде чем снести план полпреду, показал его мне. Я сказал, что этот план представляет интерес не столько для ГПУ, сколько для военного ведомства и посоветывал дать возможность ознакомиться с ним военному атташе Ринку. Карту отнесли Ринку. Он заинтересовался ею и попросил казначея Данилова сфотографировать ее. После этой операции, Мархов представил карту Старку. Старк вызвал для фотографирования ее того же Данилова, а тот, по злому умыслу или по глупости, доложил, что он уже фотографировал этот план для военного атташе. В результате вспыхнул скандал, ухудшивший отношения Старка со мной, Марховым и военным атташе.

Среди агентов Мархова был индусский мусульманин из Читрала, ярый сторонник Надир-хана. В то время Надир-хан проживал в Париже, и этот читралец жил в его загородном имении. Там его обычно навещал Мархов. Он имел большие связи на территории независимых племен и познакомил нас со знаменитыми вождями Мулла Баширом и Падша-Гулем. Кроме того, он же дал нам несколько человек помельче для отправки на агентурную работу среди независимых племен. Мулла Башир получал из коминтерновских денег 500 фунтов стерлингов каждые три месяца за доставку сведений о положении племен и на ведение среди них коммунистической пропаганды.

Агентом Мархова был также индус, дававший уроки персидского языка директору афгано-германского торгового общества, Ибнеру. Индус, будучи связан со своей индусской колонией, давал подробную информацию о текущих событиях и о всех членах индусской колонии в Кабуле. Агенты, информируя Коминтерн по специальным вопросам, попутно освещали и вопросы, интересующие ГПУ. Вспоминаю следующий интересный проект, пересланный мною в то время в Москву.

Видный индус, представленный нам лицом, приближенным к Надир-хану (он сейчас, кажется, назначен министром просвещения в Афганистане), просил меня отправить его в Москву. На мой вопрос: «зачем» — он объяснил, что хочет научиться в Москве делать фальшивые фунты стерлингов, а затем поехать в Индию, печатать английские деньги и вести на них коммунистическую пропаганду... Не знаю, что из этого проекта потом вышло: им занялся Коминтерн, так как вопрос выходил из сферы ведения ГПУ.

Я усиленно вел самостоятельную вербовку людей для работы по линии ГПУ. После ареста Абдул-Меджид-хана, я связался с его двоюродным братом, служившим в кабульской полиции, и получал через него все сведения, добывавшиеся афганской полицейской агентурой. Раджа Протап познакомил меня с Мусто-

фи (заведующим налоговым управлением) кабульской провинции, через которого я получал правительственные сведения. От него же я получал сведения о мусульманской Индии, с вождями которых он, по поручению Амануллы-хана, поддерживал тесную связь.

Однажды вечером, на квартире у Мустофи, я познакомился с начальником кабульской полиции. После продолжительной беседы, мы согласились, что у нас имеются общие интересы, диктуемые враждой к англичанам. Мы с ним договорились быстро. За ежемесячное вознаграждение в 600 рупий он дал обязательство, по моим указаниям, арестовывать всех английских тайных агентов. Естественно, что это условие мною было использовано полностью. Всякий, подозревавшийся нами в английском шпионаже, арестовывался нами через этого начальника полиции.

В Кабуле, как я упоминал, было много немцев. Они были единственными европейцами, поддерживавшими отношения с нами. Среди них я завербовал некоего Лещинского, служившего переводчиком в министерстве иностранных дел Афганистана. Вторым нашим агентом был агроном Бюрде, работавший в Кабуле, затем командированный в район Мазари-Шерифа. В районе Кандагара работал для нас инженер-агроном Мазух и, наконец, в самом Кабуле давал нам сведения один инженер-техник, фамилию которого сейчас не помню. Лещинский и техник были членами германской коммунистической партии, поэтому с ними мы связались просто, а остальных потом они сами завербовали. Мазух и Бюрде освещали экономическое положение страны, Лещинский давал копии с переводимых в Министерстве докладов, договоров и т. д., а техник сообщал сведения о немецкой и о всей остальной европейской колонии в Афганистане.

Затем мною был завербован некто Бернарди, совмещавший должность советника министра финансов Афганистана с должностью драгомана при итальянском посольстве и представителя «Америкен Ист Ко» по заготовке кишек. Бернарди освещал различные

отрасли общественной и экономической жизни Афганистана, а также давал сведения об итальянском посольстве. В награду за это, по моему настоянию, ему было уступлено представительство нефте-синдиката в Кабуле. Бернарди затем переехал в Персию и, после моего отъезда из Персии, порвал связь с советами.

В то время в Кабуле строилось новое здание для Английской миссии. На этих постройках работал русский эмигрант Семехин. Он был завербован мною с условием, что после года работы для ГПУ, он будет амнистирован и получит разрешение возвратиться на родину в советский Союз. Через Семехина мне удалось завербовать несколько индусов при Английском Посольстве, которые сначала освещали внутреннюю жизнь Английского посольства, а затем, по мере откомандирования в Индию, работали там, посылая оттуда сведения через того же Семехина.

В начале 1925 года, когда восстание в Хосте несколько стихло, полпред Старк получил письмо от бывшего Шейх-Уль-Ислама с просьбой увидеться с ним или с его доверенным человеком. Письмо было доставлено сыном Шейха. Старк, вызвав меня, предложил заняться этим делом. В тот же вечер я вместе с сыном шейха отправился к нему на дом, где меня встретили сам старик и его старший сын. Старик начал свой рассказ с 1916 года, говоря, что он уже тогда мечтал пробраться в Россию, увидеться с русскими властями. Затем перешел к событиям 1919 года, когда в Вазиристане возникло восстание против англичан. Он подробно рассказал о своей встрече в то время с Джемал-пашей, турецким министром, приезжавшим в Кабул. Джемал-паша предложил ему поехать в район независимых племен и поднять восстание против англичан, обещав помощь оружием и деньгами от имени советского посла в Кабуле Раскольникова и советского правительства. Шейх отправился с сыновьями в район племен и поддерживал восстание в течение 18-ти месяцев, но обещанное оружие не прибыло. Ныне, в связи с восстанием в Хосте, он опять

выражал готовность поехать к восставшим племенам и направить их против англичан. Он предлагал вести партизанскую войну, уничтожать форты, разрушать дороги, мосты, блокгаузы, все сооружения, воздвигнутые англичанами.

Для этой работы шейх просил 100 тысяч рублей и 5 тысяч винтовок со 100 патронами к каждой. Я обещал доложить о нашей беседе послу и сообщить ответ. С первой же почтой я передал предложение шейха в ОГПУ в Москву. ОГПУ ответило, что против предложений шейха советское правительство не возражает, но отказывается дать оружие, так как доставка оружия из СССР или через СССР вскроет нашу работу и может вызвать нежелательные политические осложнения с Англией и с Афганистаном. Переговоров с шейхом продолжать не пришлось. В месяц Рамазана, не выдержав длительного поста, он умер.

Месяц спустя после его смерти, я возобновил переговоры с его сыновьями. Мы условились, что они будут вести информационную работу для ГПУ. Сфера их деятельности должна была охватывать район племен от Джелалабада до Газни. К своей работе они привлекли некоего Мовлеви Мансура, индийского эмигранта, числившегося на афганской службе. С Мовлеви я был знаком со времени моего пребывания на должнсти начальника отделения КРО в Ташкенте в 1923 году. Тогда Мовлеви, бывший секретарем Афганского посольства в Ангоре, направлялся через СССР в Афганистан. О его приезде в Ташкент мне донесли агенты ГПУ, при чем в донесении указывалось, что Мовлеви везет письма ташкентским афганцам, подозревавшимся нами в шпионаже. Кроме того, агенты сообщали, что он везет с собой подозрительные по размерам ящики, в которых могло быть запаковано оружие. Когда Мовлеви выехал из Ташкента на пограничный с Афганистаном пункт Кушку, начальнику Кушкинского особого отдела было приказано выяснить, какие письма и какой груз везет с собой

афганский дипломат. Начальник Особого отдела понял телеграмму ГПУ в прямом смысле и велел арестовать и обыскать Мансура, не обращая внимания на дипломатический паспорт. Во время обыска Мансур пытался сопротивляться. Его жестоко избили и принудили сдаться. Результатом инцидента явилась нота афганского посла в Москве в Наркоминдел, и мне было предложено выехать в Кушку для расследования дела. Там я и познакомился с Мансуром.

Завербованная мною тройка распределила свою работу следующим образом:

Старший брат выехал в Газни, где он владел большим поместьем. Оттуда он должен был руководить пропагандой среди племен гийзаев и нозиров.

Мансур посредством взятки получил должность учителя школы в Джелалабаде и поселился там. Оттуда он должен был вести работу среди племен восточных провинций, среди адридиев и в княжествах Северной Индии Дир-Сват и Баджаур.

Младший брат остался работать в Кабуле, где у него были большие связи среди духовенства. Он же служил связью между двумя первыми членами тройки и мной.

Все трое получили порядковые номера 13, 14 и 15. Работу свою они выполняли аккуратно. Информация Мансура отличалась точностью и детальностью. Старший брат в Газни специализировался в организации нападений на английские транспорты в пограничной зоне. Младший брат в Кабуле вел работу в правительственных учреждениях. Он вскоре предложил мне приобрести за 2 тысячи рупий афганский шифр Министерства Иностранных дел. О предложении мною было сообщено в Москву, но Москва ответила, что тратить денег на покупку не следует, так как шифр... уже имеется в распоряжении Спецотдела ОГПУ.

ГЛАВА VII

Разложение бухарской эмиграции

В Афганистане нашли убежище бывший эмир бухарский (проживавший в 18-ти километрах от Кабула в местечке Калаи Фатуме) и главари басмаческого движения Фузаил Максум и Курширмат. Оба главаря пользовались большой славой и влиянием, как среди местных эмигрантов, так и среди населения советской Бухары. Эмир бухарский имел при себе около 300 человек; из их среды пополнялись руководители басмачества, и они же держали связь между эмиром и басмачами в советской Бухаре. Кроме того, в районе северного Афганистана сосредоточилось около 30-ти тысяч эмигрантов, преимущественно туркмен.

Москва очень интересовалась бухарской эмиграцией и в каждом письме торопила меня с развитием работы. Подступ к эмиграции я нашел случайно. Однажды, катаясь верхом в окрестностях Кабула, я познакомился с бухарцем, любезно пригласившем меня в гости. Бухарец принадлежал к свите эмира и проживал в Калай-Фату. В одну из ближайших пятниц, я поехал к нему и очутился среди басмаческого отряда. Благодаря моему знанию узбекского и турецкого языков, меня сначала приняли за сотрудника турецкой миссии, но затем я признался, что служу в советской миссии, недавно приехал из Бухары. Признание мое было встречено враждебно, но затем слушатели, заинтересованные моими рассказами о родине и об об-

щих знакомых, начали задавать вопросы, и мы мирно пробеседовали часа три. Оставив свой адрес, я уехал в Кабул, расставшись друзьями с хозяевами дома.

Результат беседы сказался через несколько дней. Явились три бухарца с просьбой выхлопотать для них разрешение вернуться на родину. Я просил притти за ответом через два дня, сказав, что передам их просьбу послу. Когда они пришли через два дня, я заявил, что советская власть должна быть уверена в искренности их намерений без задних мыслей вернуться на родину. Свою искренность они должны доказать, во-первых, сообщением сведений обо всем, что они знают и узнают о действиях бухарского эмира, а, во-вторых, ведением пропаганды среды эмигрантов-бухарцев в пользу возвращения на родину. Когда наберется партия в 20—30 человек, мы их отправим в Бухару.

Недели через две, желающих возвратиться на родину было около 30 человек и среди них пять наших агентов. Я послал доклад в Москву, подробно развивавший идею реиммиграции бухарцев. Я настаивал, главным образом, на реиммиграции вождей бухарского движения, ибо думал, что вслед за вождями партиями двинутся и рядовые члены эмиграции. Москва приняла мое предложение, однако, с той поправкой, что надо организовать возвращение рядовых эмигрантов и, лишив таким образом вождей опоры, уничтожить их влияние и значение.

С целью содействия идее «возвращения на родину», ближайший съезд бухарских советов постановил амнистировать всех эмигрантов, добровольно возвращавшихся в Туркестан, и наделить их землей и инвентарем, чтобы они вновь могли заняться хозяйством. Меры эти диктовались, кроме политических соображений, соображениями экономическими. Восточная Бухара после ликвидации басмачества в 1925 году почти опустела. Жители частью бежали в Афганистан и Персию, частью были вырезаны воюющими сторонами. Глинобитные дома развалились, поля были брошены и не обрабатывались. Некогда богатые селения пред-

ставляли собой развалины среди пустыни. Еще больший ущерб причиняла стране эмиграция туркмен, которые увели с собой на афганскую территорию весь скот-каракуль, ценившийся наравне с валютой. Все это богатство теперь находилось в Афганистане.

Весной 1925 года мною была отправлена первая партия эмигрантов в 20 человек, среди которых находились два агента ГПУ для наблюдения. Остальные агенты были оставлены в Афганистане для развития идеи возвращения и для дальнейшего ведения информационной работы. Отправляя эмигрантов, я одновременно послал письмо Бельскому, председателю ГПУ в Ташкенте, с просьбой обойтись с эмигрантами насколько возможно лучше и избежать арестов и неприятных формальностей, чтобы слухи об их приеме могли, дойдя до остальной эмиграции в Бухаре, благоприятно содействовать нашей пропаганде возвращения. Однако, первая партия, а вслед за нею и вторая, придя на границу, подверглись тщательному обыску, на все пожитки эмигрантов были наложены большие пошлины, часть людей была арестована по подозрению в шпионаже, а часть, не получив обещанной земли и инвентаря, оказалась без средств к существованию и вынуждена была бежать обратно в Афганистан. Прибывшие в Кабул, конечно, быстро расхолодили пыл эмиграции и приток «возвращенцев» прекратился. Но агентурная сеть, налаженная мной, действовала аккуратно, и сведения об эмире бухарском систематически поступали в распоряжение ГПУ. Часть агентуры я отправил в северный Афганистан для работы среди туркменской эмиграции. Сведения от этих агентов поступали в распоряжение советского консула в Мазари-Шерифе Постникова, являющегося одновременно представителем ОГПУ.

Для работы в ГПУ мне удалось завербовать полковника Хассан-Эффенди, бывшего турецкого офицера, служившего в военном министерстве Афганистана. Хассан-Бей во время Энверовской операции состоял в его отряде, после смерти Энвера-паши эмигрировал

в Афганистан и поступил на афганскую службу. Многие главари басмаческих отрядов его знали и, приезжая в Кабул, останавливались у него. В его же квартире проживал известный вождь басмачей Фузаил-Максум.

С помощью Хассан-Бея были завербованы сначала Фузаил-Максум, а затем и Курширмат. Курширмат интересовал нас тем, что, по нашим сведениям, руководя восстанием в Ферганской области, он заключил договор с индийским правительством об оказании ему помощи. Завербовав его, мы рассчитывали достать этот договор, или другой подобный документ, компрометирующий англичан, чтобы противопоставить его опубликованному в Лондоне письму Зиновьева. Начались переговоры с Курширматом, и вскоре выяснилось, что такого документа у него нет. Тогда и этих агентов мы бросили на освещение эмира бухарского. Особенно старался в этом направлении Фузаил Максум, ненавидевший эмира смертельной ненавистью.

В середине 1925 года ко мне поступили два предложения: первое — от представителя эмира бухарского, заявившего, что эмир готов примириться с нами, при условии, если ему дадут небольшую компенсацию: пенсию и фиктивную власть над одной из провинций Бухары. Эмир бухарский получал от Афганского правительства 14 тысяч рупий ежемесячно и поэтому я начал вести с ним переговоры исключительно в плоскости субсидии, отвергая всякую мысль о предоставлении ему власти, хотя бы и фиктивной. Другое предложение поступило от Фузаила Максума: убить эмира бухарского или же похитить его и отправить в СССР. Оба предложения я немедленно передал в Москву и получил ответ, что ни на какие соглашения с бухарским эмиром советское правительство не идет. Что же касается вопроса о «ликвидации» его, то Москва принципиальных возражений не имеет и предоставляет осуществление проекта на мое усмотрение, при непременном, однако, согласовании моих действий с полпредом. Я обсудил вопрос со Старком; Старк

тоже принципиальных возражений не встретил, но посоветывал выждать более удобный момент для «ликвидации эмира», когда будет меньше риска вызвать осложнения с Афганским и другими правительствами.

К этому времени, благодаря хорошо поставленной работе, мое положение в Москве укрепилось, и я счел возможным дать, наконец, отпор Старку, не перестававшему воевать со мной с начала моего приезда. Случай представился, когда я отправлял телеграмму в Москву о предложениях эмира бухарского. Старк потребовал показать ему текст телеграммы. Я категорически отказал, заявив, что мне надоело составлять для него фальшивые тексты. В ответ на это он разразился бранью, закончившейся между нами рукопашной схваткой. После этого случая отношения наши совершенно прекратились. Старк стал бомбардировать Москву телеграммами о моем отозвании.

Следует сказать несколько слов о расходах резидентуры ОГПУ. На работу ГПУ в Афганистане было ассигновано 10 тысяч рупий, или 2 тысячи долларов в месяц. Я получал жалование наравне с полпредом, т. е. 1000 рупий ежемесячно. Часть жалования, как сотрудник Наркоминдела, я получал в Полпредской кассе, а остальные из кассы резидентуры ГПУ. Кроме того, конечно, все разъезды, угощения и проч. непредвиденные расходы относились на счет ГПУ.

Агентура оплачивалась в размерах от 8 до 20 фунтов стерлингов в месяц, смотря по работе. Несмотря на небольшую смету, мне удавалось экономить средства, ибо большую часть расходов оплачивал полпред из сумм Коминтерна. Так, например, Мулла-Баширу на ведение пропаганды и освещение настроений независимых племен Старк выплачивал 500 фунтов стерлингов каждые три месяца. Организации сикхов отпускалось 100 фунтов стерлингов в месяц. Эти деньги присылались за счет Коминтерна и полпред выплачивал их через Мархова.

Летом 1926 года в Кабул приехал представитель наркомторга, Лежава-Мюрат, с заданием заключить

с Афганским правительством торговый договор. Афганцы приняли его очень любезно. Переговоры начались, при активном содействии полпреда Старка, но затем затянулись, а одновременно начали портиться личные отношения, и Лежава, охладев к Старку, стал дружить со мной. Желая насолить Лежаве, Старк замедлял темп переговоров. Тем временем начало изменяться политическое положение в Афганистане, бывшее особенно благоприятным для нас после хостинского восстания, подавленного при помощи советских аэропланов и бомб. Когда вспыхнуло Хостинское восстание, Старк предложил Афганскому правительству советские аэропланы и летчиков, надеясь таким образом использовать удобный момент для внедрения советской авиации в Афганистане — важном, с точки зрения штаба красной армии, плацдарме для наступления на Индию. Предложение было принято, и из СССР прилетели в Афганистан 10 аэропланов системы Хавеланд и Юнкерс с летчиками и механиками.

В августе 1925 года Мархов, по окончании годичной командировки, уехал в Москву. Его заменил Францевич, человек, заслуживший через месяц по приезде прочную репутацию — подхалима и дурака. Францевич считал себя большим спецом по коминтерновской работе и неутомимо сочинял всяческие планы об организаци революции в Индии. Старк их задерживал и не посылал в Москву, потому что вообще не верил в возможность революции где бы то ни было.

В сентябре 1925 года шифровальщик Фритгут был срочно отослан в Москву за признание в любви машинистке Булановой и желание на ней жениться. Перед отъездом он пришел ко мне и, каясь во всех грехах, рассказал подробно, как он, по поручению Старка, старался травить меня. Я предложил ему изложить все это письменно и послать этот документ в Москву на заключение ОГПУ.

Считая организованную в Афганистане работу удовлетворительной, я в октябре 1925 года поставил перед Москвой вопрос об организации агентурной сети

в Северной Индии. Вместе с тем я просил разрешения выехать в Москву, ибо мои отношения со Старком настолько ухудшились, что уже не было ни одного случая, по которому у нас не происходило бы ожесточенной схватки.

Получив разрешение Москвы выехать с докладом об организации работы в Индии, я в ноябре 1925 года покинул Кабул, сдав временно ведение дел ГПУ Старку (таково правило), а тот затем поручил его Францевичу.

* * *

Приехав в Москву, я явился с докладом к Трилиссеру. Он остался очень доволен работой, предложил мне месячный отдых и велел выдать мне 100 рублей наградных. Однако, на следующий же день он снова вызвал меня и сказал, что замнаркоминдела Карахан очень интересуется афганскими делами и просил меня сделать доклад в Наркоминделе. В тот же день я пошел в Наркоминдел к заведующему отделом Среднего Востока Цукерману и условился о дне доклада. В это время приехал в Москву из Кабула торгпред Лежава-Мюрат, которому Старк поручил от своего имени сделать доклад в Наркоминделе о политическом и экономическом положении Афганистана. В условленный день я пришел в Наркоминдел и застал среди собравшихся Лежаву-Мюрата.

Мой доклад касался, главным образом, внутреннего положения Афганистана и возможностей, которые следует использовать в северо-западной полосе Индии, населенной независимыми племенами. Выступивший после моего доклада Лежава заявил, что, хотя у него имеются директивы Старка с другими установками, он однако, всецело присоединяется ко мне и считает также, что вместе с экономическим завоеванием северного Афганистана необходимо утвердить наше политическое влияние в южном Афганистане. Выступление его вызвало впоследствии колоссальную склоку, в результате

которой Лежава после рассмотрения дела в Политбюро ЦК был отставлен от Торгпредства.

После доклада Наркоминдел предложил мне вернуться в Афганистан, на что я уклончиво ответил, что мое возвращение зависит от моего начальника Трилиссера. Когда же на следующий день Трилиссер повторил предложение, я ему откровенно заявил, что считаю мое возвращение в Кабул нецелесообразным, вследствие плохих отношений со Старком. Трилиссер сказал, что примет мое заявление к сведению и согласится на мое возвращение только при условии, что наркоминдел гарантирует мне благоприятную обстановку для работы. Через несколько дней Трилиссер сообщил, что наркоминдел настаивает на моем возвращении и гарантирует возможность работы. Сталин и Чичерин, будто бы, напишут письмо Старку о недопустимости его поведения, и письмо будет отправлено с первой почтой. Вместе с тем будет поднят вопрос о замене Старка другим лицом .

Настояния Наркоминдела, в частности Карахана, объяснялись тем, что Старк был ставленником Литвинова, и Карахан хотел во что бы то ни стало спихнуть его, или же, в крайнем случае, насолить ему и Литвинову. Настаивал он на моем возвращении исключительно из желания «удружить» Старку. Хотя я все это прекрасно понимал, мне ничего не оставалось, как подчиниться, и в декабре того же года, снабженный 10 000 долларов и инструкциями об организации информационной сети ГПУ в северной Индии, я вновь покинул Москву, направляясь в Кабул.

* * *

В Ташкент я приехал как раз в тот момент, когда красная армия заняла остров Урта-Тугай на реке Аму-Дарье.

Полномочный представитель ГПУ Бельский, к которому я явился в Ташкент, смеясь объяснил, что красная армия не вторгалась на афганскую террито-

рию, но что просто само население острова, недовольное афганской властью, устроило «социальную революцию», арестовало представителей власти и, как самостоятельная единица, присоединилась к СССР. Шутя Бельский просил меня поддерживать эту версию, когда я буду проезжать по афганской территории. Когда я выразил неодобрение и опасение, что инцидент может вызвать неприятные последствия, он признался, что остров захвачен потому, что служил базой для басмаческих шаек, которые, скопляясь на острове совершали регулярные налеты на советскую границу. Остров занят из стратегических соображений, а произошел захват просто. Ночью послали туда отряд переодетых красноармейцев из местного населения, отряд арестовал афганские власти и объявил остров присоединенным к СССР. Туркестан в этом вопросе действовал самостоятельно, не сговариваясь с Москвой, но полагая, что в Москве учтут совершившийся факт и поддержат захват. Для укрепления положения, отряд переодетых красноармейцев предложил населению собраться и голосовать по вопросу о власти. Конечно, население «высказалось за присоединение к СССР».

Вообще, говорил Бельский, неприятности с афганцами в последнее время участились. Недавно он поручил своим агентам украсть чемодан с дипломатической почтой у афганского дипкурьера, ехавшего из Ташкента в Кабул. Агенты украли чемодан, но выбросили его из вагона неудачно. Афганцы заметили кражу, открыли стрельбу, остановили поезд и захватили одного агента, который, испугавшись, признался, что действовал по поручению ГПУ. О краже и допросе агента был составлен акт.

Распрощавшись с Бельским, я в январе 1926 года вновь прибыл в Кабул. Политическая обстановка за это время резко изменилась. В связи с захватом красными отрядами острова Урта-Тугая, по улицам демонстрировали афганские войска, по несколько раз в день проходя перед зданием советского посольства в

знак протеста против захвата. Полпредство было сильно испугано. Ни один из его членов не выходил в город. Связь с секретными информаторами, таким образом, оборвалась, и не имелось никаких сведений о намерениях афганского правительства.

По приезде я немедленно явился к Старку, но он, осведомленный о моих московских переговорах, отказался меня принять.

Между нами началась открытая война. Когда я пожелал принять дела и агентуру ГПУ у представителя Коминтерна Францевича, последний заявил, что полпред велел не сдавать мне агентуры, так как агентура нужна им самим, для коминтерновской работы. Я, конечно, не мог помириться с таким положением дел. Пользуясь тем, что испуганный Францевич не выходил из полпредства, я в течение двух дней, зная адреса своих агентов, связался с ними, переменил явки и время следующего свидания. Когда Францевич, после ликвидации конфликта, захотел с ними связаться, то уже не мог никого найти.

Меня особенно занимали индийские дела. Москву, кроме пограничных племен, особенно интересовала, так называемая, секта ахмедийцев, состоявшая по московским сведениям, в значительном числе из агентов английской разведки. По этому вопросу Москва прислала мне для ознакомления информационный материал, полученный из берлинской резидентуры ГПУ и из Ташкентского ОГПУ, которое захватило двух членов секты ахмедийцев с грузом сектантской литературы; на допросах оба ахмедийца признались в своей работе для англичан. Помимо этих материалов, Москва вообще присылала мне для сведения свою информацию об Афганистане. Судя по точной и подробной осведомленности автора донесений, можно было полагать, что автор находится в самом Афганистане. В то время, однако, я еще не знал, откуда и как получаются эти документы Москвой. Они потом оказались... копиями донесений британского посланника в Кабуле.

Отношения между мной и Старком приняли чрезвычайно острый характер. Посол отказывался визировать мои телеграммы и пересылать мою почту в Москву. Меня поэтому удивило, когда однажды он сам вдруг предложил отправить почту ГПУ с ближайшим дипкурьером. Подозревая неладное в такой неожиданной любезности, я запаковал несколько газет в пакет и сдал их Старку, а настоящую почту сдал частным образом дипломатическому курьеру, бывшему чекисту, с обязательством доставить ее в собственные руки Трилиссера.

Впоследствии оказалось, что мои подозрения были правильны. Старк, отправляя мой пакет, одновременно написал консулу в Мазари-Шерифе Постникову, чтобы тот изъял этот пакет и вернул обратно Старку в Кабул. Постников, будучи одновременно резидентом ГПУ, этого не сделал и переслал письмо Старка мне для сведения. После этого случая и многих подобных, я, видя, что Москва не сдержала обещания, просил телеграфно Трилиссера отозвать меня. В марте 1926 года моя просьба была, наконец, удовлетворена. Законсервировав сеть, т. е. дав агентам содержание за три месяца вперед, я сдал дела тайно от полпреда бывшему летчику в Кабуле Софронову и выехал обратно в Москву.

ГЛАВА VIII

Персия

Приехав в Москву, я рассказал о своих злоключениях Трилиссеру, а также сообщил обо всем в Центральную Контрольную Комиссию, где разобрали это дело и оставили его без последствий. В частной беседе решение было мотивировано тем, что сейчас идет усиленная борьба Центрального Комитета партии с троцкизмом, и что в этой борьбе каждый старый член партии, стоящий на платформе ЦК, очень дорог. Поэтому пока нельзя тронуть Старка.

Получив двухмесячный отпуск, я собрался провести его в Туркестане, где проживают мои родные. В это время в Москве получилось сведение, что в Хоросанской провинции Персии началось восстание, возглавляемое персидским офицером Салар-Джангом. Полученные сведения были разноречивы. Советский консул в Хоросане Апресов сообщил, что восстание вызвано искусственно, спровоцировано англичанами, и в доказательство называл английских агентов, связанных с главарями движения. Из Ташкента в то же время доносили, что движение носит народно-революционный характер, что программа Салар-Джанга по крестьянскому вопросу вполне сходится с коммунистической, и просили разрешения поддержать восстание оружием и инструкторами. Конкретных фактов о восстании обе стороны не сообщали. Москва, как

всегда в таких случаях, кинулась изучать вопрос. Раскопали колоссальные архивы в поисках сведений о Хоросанской провинции. Материалов по социальному составу населения, по экономическому его положению и вообще мало-мальски серьезных данных об этом районе Персии в архивах ГПУ не оказалось.

Однажды утром, меня опять вызвал Трилиссер. Обрисовав в общих чертах положение в Хоросане, он велел мне более подробно ознакомиться с поступившими из Туркестана донесениями. Так как я ехал в отпуск в Туркестан, он просил заодно проехать в район восстания и выяснить на месте, каковы цели Салар-Джанга, как широко восстание пользуется симпатией населения, какова роль англичан в этом движении, каковы силы и состав повстанцев и т. д. Я принял поручение и выехал в Туркестан.

Приехав в пограничный с Персией город Ашхабад, я пришел к председателю Туркменского ГПУ, Карутскому, и просил его ознакомить меня с положением дел в Хоросане.

С Карутским мы были старые приятели. Молодой человек, чрезвычайной толщины, большой добряк, он несмотря на свои 30 лет, очень любил выпить и совсем запил после смерти жены, покончившей с собой из-за каких-то семейных неладов.

За обедом Карутский рассказал, что теперь с восстанием делать нечего, так как его фактически уже нет. Правительственные персидские войска, поддержанные курдами этого района, разбили повстанцев. Остатки повстанческих отрядов, в числе 700 человек, отступили к советской границе и просят разрешения интернироваться в СССР. Об этом Карутский уже донес в Москву и Ташкент. В той же дружеской беседе он указал, что без сомнения движение Салар-Джанг носило революционный характер. Советская власть сделала большую ошибку, не поддержав восстания, так как этим уронила себя не только в глазах населения Хоросанской провинции, которое надеялось на поддержку СССР, но и во многих других восточ-

ных странах, где наше равнодушное отношение к восстанию, несомненно, произведет удручающее впечатление. По мнению Карутского, умело использовав восстание, можно было бы образовать из Хоросанской провинции нечто вроде второго Кантона, но с той выгодой, что этот «персидский» Кантон стоял бы на границе с СССР и мог бы получать от нас постоянную помощь. Не получая разрешения из Москвы, Карутский на свой страх и риск переодел человек 50 советских пограничников и перебросил их к повстанцам вместе с несколькими пулеметами, в качестве инструкторов. К сожалению, помощь оказалась недостаточной. Виновником ошибки Карутский считал консула Апресова, неправильно информировавшего Москву.

Повидимому, в Москве также пришли к этому убеждению. Апресова вскоре уволили и консулом в Мешеде на его место был назначен Кржеминский. Для работы же ГПУ в Мешед прислали некоего Брауна, работавшего прежде в Китае также по линии ГПУ. Когда в Мешеде узнали об увольнении Апресова, то недели через две в одном из почтовых ящиков Ашхабада были обнаружены и оттуда доставлены в ГПУ заявления иранской коммунистической партии, иранского комсомола и союза печатников Персии на имя Чичерина, Сталина и Дзержинского. Авторы заявлений просили не отзывать Апресова из Мешеда, так как, будто бы, только благодаря ему эти организации существовали и успешно работали. Впоследствии выяснилось, что заявления были посланы не без ведома и одобрения самого Апресова, что послужило ему не в пользу, а во вред.

Я отправил Трилиссеру доклад и получил в ответ разрешение продолжать отпуск. В начале июля 1926 года, по окончании отпуска, я вернулся в Москву. Москва в то время обсуждала мою кандидатуру на посылку в Турцию или Персию.

В Турции резидентом ГПУ в то время был Гольденштейн, известный больше под кличкой «Александра» или «Доктора» (ныне резидент ГПУ в Берли-

не).*) Однако, как я писал об этом выше, Наркоминдел, считая мою армянскую национальность неудобной для работы в Турции, отвел мою кандидатуру.

Началось обсуждение вопроса о назначении меня резидентом ГПУ в Персию.

В то время резидентом ГПУ Персии был Казас, тот самый, который работал со мной в 1921 году в четырнадцатом специальном отделении ВЧК. Оказалось, он ездил в Турцию с комиссией по репатриации эмигрантов, вернувшись в Москву, поступил в Академию восточных языков и после ее окончания получил назначение в Тегеран. Он там работал уже год, но Иностранный отдел ОГПУ не был им доволен, вменяя ему в вину отчасти бездеятельность, отчасти то, что он вмешался в склоку, происходившую в Тегеране между тогдашним полпредом Юреневым и торгпредом Гольдбергом.

В ожидании окончательного выяснения вопроса о назначении, я сидел в Москве, когда однажды меня вызвал по телефону Трилиссер и задал вопрос:

— Как вы думаете, могли бы мы переправить нелегально людей в Индию через Афганистан?

Учитывая подкупность афганских чиновников и силу оставленной мною в Афганистане агентуры, я ответил, что, конечно, это возможно.

— Можете ли вы гарантировать доставку одного или двух лиц в Индию?

Я сказал, что гарантировать, конечно, не могу, но, если дело серьезное, то я сам могу проводить этих лиц и уверен, что провезу их благополучно через весь Афганистан и доставлю на территорию независимых племен, оттуда эти лица уже сами могут пробраться в Индию. Успех дела зависел, главным образом, от того, насколько отправляемые лица знакомы с языком страны, и от их наружности. Трилиссер сказал, что человек, которого надо переправить в Индию, подхо-

---

*) Когда уже была закончена эта книга, я узнал, что Гольденштейна убрали на покой в СССР.

дит наружностью к восточному типу и владеет восточными языками.

На следующий день Трилиссер вызвал меня и велел ехать с ним, не говоря куда. Мы ехали из ГПУ в его личном автомобиле, подъехали к зданию Коминтерна и через несколько минут оказались в кабинете Пятницкого, заведующего международной связью Коминтерна. Трилиссер представил меня Пятницкому в очень лестных выражениях. Пятницкий стал расспрашивать меня о путях между Афганистаном и Индией и об имеющихся там у нас возможностях. Затем в кабинете появился человек, которого надо было тайно переправить в Индию. Он оказался Роем — главой индийской коммунистической партии, членом Исполкома Коминтерна. Мы стали обсуждать маршруты в Индию, но не могли притти к определенному решению. Я предлагал ехать нелегально через Афганистан, Рой же хотел ехать до Кабула с советским паспортом и только там, выбрав окончательно путь, перейти на нелегальное положение. Пятницкий не одобрял ни одного из этих проектов./ Он указывал на колоссальную потерю времени, которую вызовет переезд через Афганистан верхом на лошадях, и предлагал Рою ехать с американским паспортом через Америку прямо в один из индийских портов. В результате долгого спора, мы ни к чему не пришли и решили оставить вопрос открытым до следующего дня. На следующий день я явился в назначенный час в гостиницу «Люкс» на Тверской улице (общежитие Коминтерна, куда посторонних без пропуска не пускают). Рой принял меня в своей комнате и сообщил, что вопрос о маршруте попрежнему не разрешен, а когда будет разрешен, он сообщит об этом Трилиссеру.

Рой сейчас находится в опале, под подозрением и, кажется, проживает в Германии. Повидимому, он уже тогда не пользовался большим доверием, так как я помню, когда мы вышли из Коминтерна, Трилиссер меня спросил:

— Что вы думаете о Рое?

Я сказал, что, по моему, Рой просто соскучился по родине и хочет проехать хотя бы в сопредельную с ней страну, Афганистан. Рисковать же не хочет, чем и объясняется его желание иметь при себе легальный советский паспорт. Трилиссер ответил, что тоже считает Роя шкурником и не особенно ему доверяет.

Я не дождался ответа. В Москву приехал Гольдберг, торгпред в Персии, явился в ГПУ и, рассказав о своей склоке с полпредом Юреневым, просил поддержать его. ОГПУ воспользовалось случаем и предложило ему устроить меня в торгпредстве, взамен чего обещало поддержку против Юренева. Я был немедленно зачислен в штаты Наркомторга на должность старшего инспектора торгпредства с назначением в Тегеран.

В августе 1926 года я выехал через Баку-Энзели в Тегеран, при чем на прощание Трилиссер еще раз просил меня обратить особое внимание на пути, ведущие из Персии в Индию, и сказал, что его заветная мечта — иметь хорошего резидента ГПУ в Индии; не какого нибудь местного агента, а одного из своих помощников по Иностранному Отделу.

Я пообещал сделать все, что в моих силах.

* *
*

Не успел я приехать в Тегеран, как стали поступать телеграммы из Мешеда, от советского консула Кржеминского и от резидента ГПУ: консул просил убрать резидента, а резидент требовал отзыва консула. В виду важного значения для нас Мешеда, где мы перехватывали английскую почту, я отложил прием дел в Тегеране и выехал в Мешед, якобы для инспектирования советских хозяйственных учреждений.

В Мешеде я застал склоку между консулом и резидентом ГПУ Брауном в полном разгаре. Распря разгорелась из-за жены секретаря консульства Левенсон, в которую оба были влюблены и которая отда-

вала предпочтение поочередно то консулу, то резиденту ГПУ.

Браун был старым партийцем и личным приятелем Трилиссера. В 1924 году он работал для ГПУ в Лондоне, затем, после разрыва сношений с Англией, был отправлен в Китай и из Китая, как знающий английский язык — переведен в Мешед, для перлюстрации английской почты. По профессии он был ювелир, едва умел читать и писать и попал заграницу на службу ГПУ только благодаря личной дружбе с Трилиссером и знанию английского языка. Кржеминский же был вполне образованным человеком и тонко разбирался в персидских делах, несмотря на недавнее пребывание в Персии, зато был необыкновенно ленив и больше всего на свете ценил личное благополучие и женщин. Видя, что склока между этими двумя ответственными работниками доходит до рукопашных схваток, я откомандировал Брауна в Москву и сам принял от него дела до приезда нового резидента ГПУ в Мешед.

Приняв дела резидентуры, я убедился, какую крупную работу проделал здесь Апресов.

Английское генеральное консульство в Мешеде состоит из генерального консула и военного атташе, являющегося одновременно представителем индийского генерального штаба. Оба они переписываются с британским посланником в Тегеране и с индийским генеральным штабом. Штаб информирует военного атташе о положении на Востоке посредством месячных и шестимесячных сводок. Всю эту переписку мы аккуратно получали и пересылали в ОГПУ в Москву. Делалось это следующим образом. У Апресова состоял агентом некто Мизроев, глубокий старик, азербейджанец, родившийся в Персии. Мизроев еще в 1923 году завербовал на персидской почте чиновника, ведающего иностранной корреспонденцией. Между Персией и Индией английские дипломатические курьеры очень редки, и пакеты, запечатанные сургучными печатями, обычно доверяются для отправки персидской почте.

Завербованный нами чиновник задерживал на сутки корреспонденцию, полученную на имя английского консула, и вечером, в день получения, передавал ее нам через Мирзоева. Мы немедленно вскрывали пакеты, копировали документы и в ту же ночь возвращали обратно. На следующее утро почта благополучно доставлялась английскому консулу.

Апресов обрабатывал почту самым примитивным способом. По особому рецепту ГПУ снимался слепок с печати, представлявший из себя в застывшем виде точную копию печати на пакете. Затем печать ломалась, и посредством специально сделанных костяных спиц невредимо вскрывался конверт. По окончании операции конверт опять заклеивался и запечатывался копией печати. Апресов документов не фотографировал, так как не имел необходимых для этого приспособлений, а переписывал, чтобы успеть переписать документы за ночь, он пользовался почти всем наличным персоналом консульства. Это было опасно и грозило провалом работы.

Браун несколько улучшил дело, начав фотографировать документы. Так как в здании консульства не было электричества, то он пользовался магнием. Я продолжал работать в духе Брауна. Связь между почтовым чиновником и нами поддерживал Мирзоев. К сожалению, старик долго не выдержал. Надо сказать, что в бытность Апресова консулом персидское правительство заподозрило его однажды в шпионаже в пользу Советов, арестовало и заключило в подвал, наполовину наполненный водой. Мирзоев просидел в воде несколько часов, пока Апресов выхлопотал у губернатора приказ об его освобождении. Холодная ванна не прошла старику даром. Через некоторое время он тяжко заболел и скончался.

Мирзоева заменил его старший сын Гуссейн. Для того, чтобы отвести от него подозрения, ГПУ распорядилось отпустить Мирзоеву на 3 тысячи долларов советских товаров и помогло открыть мануфактурную лавку. С полученными на почте пакетами Мирзоев

приходил вечером в советский клуб. Ночью, после перлюстрации, мы доставляли пакеты на квартиру Мирзоева, а он, в свою очередь, через сестру, рано утром, возвращал их чиновнику почты. Платили мы за работу сдельно, за каждый пакет по доллару. За мое трехмесячное пребывание в Мешеде мы уплатили Мирзоеву около 600 долларов, т. е. вскрыли за это время около 600 английских пакетов.

В поступавших из Тегерана пакетах на имя английского военного атташе большей частью находились месячные сводки о положении в Персии, рассылавшиеся военным атташе майором Фрезером всем британским консульствам для сведения.

Из Индии поступали сводки о положении в Западном Афганистане и в Южной Персии, по донесениям Белуджистанского Осведомительного Бюро и английского военного атташе в Кабуле. Наконец, поступали отпечатанные в виде брошюры шестимесячные сводки о положении на всем Дальнем и Среднем Востоке.

На имя английского генерального консула серьезных бумаг не поступало. Нужно добавить, что в то время я еще совершенно не был знаком с английским языком и получаемые документы отправлял для перевода в Москву. Оттуда мне присылали обратно в переводе все, что меня могло интересовать. Помню, что в одном из документов из Индии военного атташе предупреждали, что большевики послали для работы в Ирак и Индию двух индусов (фамилии не помню), и просили в случае их появления в Персии, дать знать в Индийский Штаб.

Иногда Мирзоев не заставал нас в клубе и привозил пакеты прямо в консульство. Однажды мы чуть не провалились с нашей работой. Было 8 часов вечера. Я принял пакеты от Мирзоева и стал торопливо вскрывать, чтобы поспеть к 10 часам на свидание с другим агентом. Вскрывая один из пакетов, адресованных военному атташе, майору Уйлеру, я нечаянно сорвал нитку, которой был прошит пакет, и испортил наружную сторону конверта. Мирзоев, находившийся

тут же в комнате, от ужаса чуть не упал в обморок. В пакете оказалась дизлокация советских технических войск в Петроградском районе. На наше счастье, этот конверт, вместе с другим, находился в одном общем большом пакете. Выход был найден. Мы стерли резинкой № испорченного конверта на наружном пакете и оставили в нем вместо двух только один конверт для англичан. Из осторожности мы на некоторое время прекратили перлюстрацию почты, чтобы убедиться, не догадались ли о чем нибудь англичане. Но почта продолжала так же нормально поступать, и мы возобновили прерванное дело.

Приняв дела резидентуры в Мешеде, я послал телеграмму в Москву с просьбой выслать скорей заместителя. Москва ответила, что заместитель подыскивается и прибудет не раньше 2-3 месяцев, поэтому я должен начать работать по освещению всей Хоросанской провинции. Кроме того, на меня возлагалась задача организовать сеть ГПУ в Белуджистане с выяснением путей на Индию.

Я деятельно принялся за работу. Занимая оффициальную должность инспектора в советском торгпредстве, я жил в здании консульства вместе с Кржеминским. Уполномоченным торгпредства был некто Деницкий, старый чекист, оказывавший мне всяческое содействие в работе.

В течение месяца, благодаря торговым связям Деницкого, были завербованы персидские купцы в Мешеде — М-вы, Гаджиевы, Садри-Тоджар, Даниш и ряд других, доставлявших нам нужные сведения и знакомивших нас с нужными людьми. В это время как раз обсуждался торговый договор между СССР и Персией. Персидское правительство, желая вынудить советское правительство на уступки, организовало экономический бойкот, препятствуя вывозу персидских товаров на советские рынки. Шла соответственная обработка общественного мнения, в которой, по сведениям наших агентов, играли не малую роль англичане. Нужно было дезорганизовать бойкотистскую группу.

Для этой цели нами были использованы вышеназванные купцы, которые, по нашим указаниям, провоцировали одних, подкупали других и разлагали боровшийся с нами лагерь.

Так, например, в то время очень часто устраивались собрания купцов. Если на собраниях выступали сильные сторонники антисоветской торговли, то наши агенты устраивали шумный скандал и срывали собрания.

В самый разгар бойкотистского движения, благодаря помощи вышеназванных купцов, мы завербовали Садри-Тоджара, одного из активных руководителей антисоветского движения. За эту работу мы расплачивались с купцами не деньгами, а лицензиями — разрешениями на ввоз того или другого выгодного товара в СССР.

Мешед является религиозным центром мусульман шиитов. Там находится гробница одного из чтимых мусульманских святых Али-Ризы. При гробнице святого состоят около трех тысяч священнослужителей; среди них имеются лица, оказывающие крупное влияние на политическую жизнь Персии. Естественно, что мы направили нашу работу в эту сторону, вербуя агентов среди духовных лиц для тех же политических целей. В этом отношении нам много помог тот же купец Садри-Тоджар. Задача его облегчалась тем, что он был зятем Ага-Заде, главы мешедского духовенства. Через Ага-Заде Садри-Тоджар проводил нужные нам действия. Например, во время экономического бойкота нам важно было, чтобы купечество Мешеда само обратилось к персидскому правительству с требованием скорее заключить торговый договор с СССР. Телеграмма правительству должна была выражать независимое мнение купечества. Ага-Заде дал свое благословение на посылку трех таких телеграмм, и стоило это нам... лицензии на ввоз в СССР из Персии 500 кубов чаю.

Нас интересовали религиозные дела также потому, что религиозные группы Персии находились в оппо-

зиции к правительству. Мы расчитывали в нужный момент использовать этот антагонизм.

Стараясь влиять на общественное мнение, нельзя было, конечно, обойти вниманием местную печать. На деньги ГПУ издавались газеты, помещавшие нужную нам информацию, и на советском иждивении состояли редакторы газет Азад, Сеид Мехти и Гульшан.

Интересный тип был Сеид Мехти. Еще в 1920 году, когда в Туркестане имелась Восточная Секция Коминтерна, Сеид Мехти приехал из Мешеда в Асхабад и сообщил местным руководителям, что у него имеется организованная партия коммунистов в 2 тысячи человек. Был послан в Мешед представитель Коминтерна, который при обследовании не нашел ни одного члена партии. Однако, ему начали с тех пор отпускать деньги на газету, на заглавном листе которой Сеид-Мехти и сейчас для рекламы печатает лозунг: «Пролетарии всех стран соединяйтесь».

Кроме информации от собственных агентов, мы пользовались также услугами членов местной коммунистической партии. Иранские коммунисты сообщали сведения через переводчика советского консульства Гуссейнова. Иранская коммунистическая партия информировала нас, главным образом, о подозрительных лицах, поехавших в СССР, и давала вообще сведения о лицах, которыми мы интересовались.

Так я работал в Мешеде, «инспектируя советские хозучреждения», открыто встречаясь с публикой, обрабатывая полученные сведения, а вечерами перлюстрируя английскую дипломатическую почту.

Читатель видит, что в 1926 году советское консульство в Мешеде являлось одновременно представителем III Интернационала, точно так же, как в 1924—25 годах полномочный представитель СССР Старк в Афганистане одновременно являлся тайным представителем Коминтерна и руководил работой III Интернационала в Афганистане и северных провинциях Индии. Советская и заграничная печать того времени, однако, упрямо утверждала, со слов народного комис-

сара иностранных дел Чичерина и его заместителя Литвинова, что советская власть совершенно обособлена от III Интернационала и что Коминтерн, «пользуясь гостеприимством советской республики, никакого отношения не имеет к советской власти, поэтому правительство СССР не может брать на себя ответственность за его действия».

Удивительно, до чего бывает упорна слепота некоторых государственных людей Европы. До сих пор многие из них не хотят понять того, что разделения между советской властью и III Интернационалом не было и нет, не могло быть и не может быть. Неужели их не убеждает даже то, что председатель Коминтерна, ныне генеральный секретарь, всегда совмещает свою должность со званием члена политбюро Центрального Комитета партии, т. е. состоит одновременно членом органа, фактически руководящего советской политикой и управляющего советским государством.

Все государственные мероприятия, все планы внутреннего российского и международного характера обсуждаются предварительно в Политбюро: каждый член Политбюро, в том числе и председатель Коминтерна, должны неуклонно руководствоваться принятыми решениями. Глава Коминтерна принимает непосредственное участие в решении вопросов внутренней и внешней политики советского правительства. Остальные члены политбюро принимают точно такое же участие в разрешении вопросов и задач, стоящих перед III коммунистическим Интернационалом. Факт неоспорим. Первый председатель Коминтерна Зиновьев был одновременно одним из активных руководителей Политбюро. Его преемник — Бухарин — не только входил в состав Политбюро, но одновременно являлся официальным идеологом российской коммунистической партии. И, наконец, ныне — Молотов — новый руководитель Коминтерна, не только член Политбюро, — но правая рука Сталина, диктатора России.

Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что дипломатические и торговые представители советского

правительства заграницей выполняют поручения Коминтерна и зачастую руководят пропагандой III Интернационала в странах, куда их пустили правительства, поверившие лицемерным заявлениям и обманным обещаниям Литвинова. Примеров этому я приводил достаточно.

ГЛАВА IX

Организация работы ОГПУ в Белуджистане

Кроме Мешедского района, мне было поручено вести работу в Персидском Белуджистане и в пограничном с Индией городе — Дуздабе. От ташкентского ГПУ я имел также поручение организовать разведку в пограничной с советским Туркестаном полосе.

Первым агентом, посланным мною в Бирджан, на территорию Белуджистана, был полковник царской армии Гофман. Он выехал в Бирджан в качестве представителя торгового общества «Шерсть» якобы для закупки шерсти для советской России. Полковник работал в Белуджистане под кличкой «Пан». Он давал нам описания всех дорог и стратегических пунктов, лежащих в приграничной с Индией полосе. Специальное военное образование весьма помогало ему в работе. Имея личные знакомства среди белуджских племен, он одновременно выяснял силу и состав этих племен, взаимоотношения вождей, давал их личные характеристики и выяснял их отношения к англичанам. Все это нам нужно было, чтобы, в случае надобности, знать, на кого можно расчитывать. Помимо этого, «Пан» давал экономические обзоры и присылал материалы о деятельности эмигрантов из СССР, поселившихся в этом районе.

Другой агент ГПУ, бывший царский генерал Самойлов, расположился в Дуздабе, на самой границе Индии. Он давал нам материалы по провозоспособности железной дороги Дуздаб—Карачи, освещал английскую колонию в Дуздабе, давал сведения о мест-

ной персидской администрации и ее взаимоотношениях с английскими представителями. Мы Самойлову особенно не доверяли, и, чтобы обеспечить себя от измены, отправили в СССР «учиться» его сына, жившего в Мешеде и работавшего для ГПУ по добыче персидских секретных военных приказов.

Во время пребывания бывшего афганского эмира Амануллы в СССР, сын Самойлова, прекрасно знающий персидский язык, был приставлен ГПУ лакеем к Аманулле. Не выдавая своего знания персидского языка, он должен был подслушивать разговоры между Амануллой и членами свиты, и сообщать о них в ГПУ.

Сведения, собранные Самойловым-отцом и Гофманом, отправлялись резиденту ГПУ в Мешед через бывшего эмигранта, некоего Бельшина, собственника автомобилей, курсирующих между Duздабом и Мешедом.

Одновременно велась работа по организации агентурной сети в пограничной с СССР полосе. В персидском пограничном городе Баджиране был устроен на службу в бюро персидских перевозок агент ГПУ Алексей Пашаев. Он должен был «освещать» Баджиранскую таможню, следить за контрабандистами, переходившими из Персии в СССР, и давать сведения о местной администрации и настроении населения. В городе Кучане представителем ГПУ являлся агент нефте-синдиката Михаил Ганиев, старый тамошний житель, дававший детальные сведения о своем районе, где нас, главным образом, интересовали настроения курдских племен. Одновременно он должен был наблюдать за секретным агентом английского консульства Арамаисом, проживавшим в Кучане и ведшим оттуда разведку СССР.

Наконец, в районе Буджиурда, в качестве представителя ГПУ, был командирован из Мешеда эмигрант Круглов, на которого была возложена задача «освещать» настроения туркменских племен. За эту работу ему была обещана от имени советского правительства амнистия и восстановление в правах советского гражданина.

Не буду перечислять мелких агентов, так как их было около 50-ти человек. Скажу просто: сеть была организована так хорошо, что не было распоряжения или действия персидского правительства, не было документа в дипломатической переписке, которые не были бы нам известны. Благодаря хорошо организованной сети агентов, мы имели почти неограниченную возможность влиять в нужном для нас духе на персидскую администрацию в Мешеде. Нашли мы управу даже на губернатора.

Однажды ночью в советское консульство прибежал редактор коммунистической газеты «Азад» (фамилия его также Азад) и сообщил, что он только что убежал из дома, куда явилась полиция, чтобы его арестовать. Увидев полицейских и узнав, чего они хотят, он выпрыгнул в окно и побежал искать спасения в консульстве. Посоветовавшись с консулом Кржеминским, мы решили его не выдавать и оставили его у себя, хотя не были уверены, удобно ли скрывать члена иранской коммунистической партии в здании советского консульства. Переговоры тянулись три дня, но увенчались успехом. Губернатор разрешил Азаду выехать из Хоросанской провинции, дав слово не арестовывать его в пути следования. Не вполне доверяя слову губернатора, мы все-таки решили лично проводить Азада до границы провинции. Ночью мы выехали на консульском автомобиле якобы на охоту, довезли Азада до города Нишабура, а там пересадили его в другой автомобиль, который благополучно доставил его в Тегеран.

*
* *

С приходом к власти консервативной партии отношения Англии с СССР все более ухудшались, и Москва, ожидая прямого или косвенного нажима со стороны Англии, в каждой почте напоминала мне о необходимости скорее приступить к организации агентурной сети внутри Индии. Мне ставились задача подготовить, на случай конфликта с Англией, возмож-

ность восстания на индийской границе из Индии. Подготовка должна была заключаться в подкупе вождей племен, расположенных у индийской границы, и устройстве тайных складов оружия, которым можно было бы в нужный момент вооружить племена и двинуть на Индию.

Ощупывая почву в этом направлении, я, через одного купца, познакомился с Саулед Салтанэ, персидским губернатором пограничного с Афганистаном участка Бехраз. Губернатор являлся одновременно вождем племени хазара, расположенного по обе стороны границы, на территории Персии и Афганистана. Это был сравнительно молодой человек, большой кутила, промотавший почти все свое состояние и по горло завязший в долгах. Осторожно начав переговоры, мы, наконец, условились, что он будет помогать нам своими людьми и перебрасывать из СССР в Афганистан оружие и людей в любом количестве. В Афганистане он обещал свести нас с друзьями, которые сумеют переправить оружие в Кандагар и дальше в афганский Белуджистан. О ходе переговоров я подробно и систематически осведомлял Трилиссера.

Организовывая тайную агентуру ГПУ, я не забывал, что ношу оффициальное звание старшего инспектора торгпредства и попутно ревизовал советские хозяйственные учреждения в Хоросане. Это были громоздкие аппараты, с раздутыми штатами сотрудников, проедавшие не только всю прибыль от торговых операций, но часто и основной капитал учреждений. Так, например, местное отделение Хлопкового Комитета (Хлопком), обороты которого доходили до полутора миллионов долларов в год, не имело ни сметы, ни денежных отчетов за прошлые два года и фактически тратило деньги, как взбредало в голову руководителю учреждения. Обнаружились колоссальные хищения. В то время, как по книгам значился расход в 40 тысяч долларов на покупку хлопкового завода в Сабзеваре, по ревизии оказалось, что никакого завода в Сабзеваре нет, а стоят какие-то развалившиеся глиняные стены, среди которых даже козе переночевать негде . . .

Ревизия, произведенная в бюро персидских перевозок, показала, что бюро перевозило грузы персидских купцов в кредит, и затем этот кредит использовался заведующим бюро Алахведовым в собственных целях. Представитель торгового Общества «Шарк» просто сидел с тремя служащими в течение двух лет без всякого товара и расходовал ежемесячно на себя и на содержание «аппарата» около 1000 долларов, и т. д.

По моему предложению, была составлена комиссия из представителей консульства, торгпредства и ячейки компартии для чистки всех хозяйственных учреждений. В течение двух месяцев общее число «сокращенных» достигло 250 человек.

В начале января 1927 года пришла телеграмма из Москвы от Трилиссера с извещением, что заместитель мне найден и выехал в Мешед. После передачи дел моему преемнику, мне предлагалось немедленно выехать в Москву для обсуждения плана работы ГПУ в Индии и для отправки туда Роя, так как заведующий международной связью III Интернационала Пятницкий принял, наконец, мой план.

В начале февраля приехал мой преемник Михаил Бродский, с официальным назначением на должность секретаря консула, под фамилией Лагорский. Я быстро сдал ему дела и, ознакомив его в общих чертах с работой, выехал в Москву.

Через несколько дней после моего приезда в Москву, наркоминделу была вручена ультимативная нота Министра Иностранных дел Англии Чемберлена с требованием прекратить коммунистическую пропаганду в британских владениях и с угрозой разрыва дипломатических отношений. Советское правительство очень встревожилось. Трилиссер предложил отложить организацию работы в Индии до более благоприятного момента, а мне поручил «изучать индийския возможности» из Персии. Ехать я должен был немедленно. Совершив, таким образом, бесполезную поездку, я через несколько дней уехал обратно в Тегеран.

ГЛАВА X

Советский шпионаж в Азербейджане

В конце апреля 1927 года я занял в Тегеране официальную должность атташе полпредства и, поселившись в здании полпредства, принял дела у прежнего резидента ГПУ, Казаса.

Казас уже год работал в Персии, при чем заботился исключительно о личном благополучии.

Ежемесячное жалование в 300 долларов на всем готовом его не удовлетворяло. Пользуясь своим влиянием, он устроил на службу в советских учреждениях Персии свою жену и сестру на такое же жалование. С теплым местом ему, конечно, не хотелось расставаться и мой приезд его мало обрадовал. Этот «идеальный коммунист», ответственный представитель авторитетнейшего учреждения советской республики, ГПУ, жестоко карающего за всякое нарушение законов и партийной этики, вывез с собой из Тегерана 28 пудов багажа: чемоданы его были набиты всевозможными дорогими тканями, которых, если он не перепродал их из-под полы в Москве, должно хватить ему на десятки лет. Вез он этот громоздкий и дорогой багаж в то время, когда рядовым сотрудникам полпредства разрешалось ввозить с собою в СССР только два костюма и пол-дюжины белья. Вооруженный дипломатическим паспортом и полномочиями ГПУ, Казас, однако, без всякого осмотра провез свои 28 пу-

дов через советскую таможню и благополучно доехал до Москвы.

Состояние Тегеранской резидентуры при моем приезде было таково: под номером первым числился некий Абдулла, по профессии доктор, по национальности курд, работавший секретным агентом еще при царском посольстве. Он имел колоссальные связи в столице и, ежедневно обходя знакомых и пациентов, каждое утро являлся в посольство и составлял сводку собранных накануне сведений.

Номером третьим был армянин Орбельяни, тегеранский корреспондент телеграфного агентства «Тасс». Орбельяни состоял членом иранской коммунистической партии и членом армянской рабочей партии, а в тайной сети ГПУ был «групповиком», т. е. в своем распоряжении имел целую группу секретных агентов. На нем лежала задача поддерживать связь с членами группы и вербовать новых агентов для работы в ГПУ.

Номером четвертым был чиновник министерства общественных работ в Персии, бывший родственник министра двора Теймурташа. Его братья, работавшие в министерстве финансов, носили номера 8 и 9. Три брата каждый вечер доставляли Орбельяни всю переписку, поступавшую в министерства финансов и общественных работ. Орбельяни выбирал из нее все, что может интересовать ГПУ, фотографировал документы, и затем переписка доставлялась обратно в министерства. Учет документов в персидских министерствах поставлен настолько плохо, что иногда некоторые интересовавшие нас «дела» (например, «дело» об англо-персидской нефтяной кампании или «дело» о дорожном строительстве) мы иногда задерживали на несколько дней. Никто в министерстве этого не замечал.

Номер 7 — некто Май — работал в торгпредстве и также был руководителем группы секретных агентов. На его обязанности, как экономиста, лежало наблюдение за советскими хозяйственными учреждениями в Тегеране, за их операциями и за жизнью советской колонии. Он имел информаторов во всех совет-

ских учреждениях и знал все, что в каждом учреждении происходит. На его обязанности также лежало составление для ГПУ ежемесячных отчетов о хозяйственном положении Персии.

Номер 10 — бывший редактор газеты, родственник одного из руководителей Хоросанского восстания, имел хорошие личные связи в Тегеране и передавал нам полезные сведения. Это был энергичный молодой человек, и впоследствии, как читатель увидит, он оказал ГПУ очень важную услугу.

Следующим номером был 16-й: — принц из дома Каджаров, ответственный работник министерства общественных работ. Он информировал нас о всех планах министерства и доставлял интересовавшие нас документы. Мы, таким образом, держали в одном министерстве двух человек, которые, не зная друг о друге, давали часто одни и те же сведения. Это позволяло контролировать добросовестность их работы.

Вот приблизительно все, что имелось в Тегеране к моему приезду. Положение в провинциях было не лучше. Хоросан и Белуджистан находились в непосредственном подчинении Москве. Гилянская провинция подчинялась бакинскому ГПУ, представитель которого Михаил Ефимов сидел в Пехлеви на должности делопроизводителя советского консульства.

Азербейджанская провинция с центром в Тавризе находилась в ведении тифлисского ГПУ. Его представитель Минасьян занимал официальную должность делопроизводителя советского генерального консульства в Тавризе, но подчинялся только Тифлису. Одновременно в Тавризе имелся также представитель центрального ГПУ, генеральный консул Дубсон. И Минасьян и Дубсон работали самостоятельно и независимо: один — на Тифлис, другой — на Москву.

На юге Персии мы не имели собственной агентуры и пользовались консульскими донесениями.

В Москве знали о плохой работе в Персии, о неразберихе в отношениях и неопределенности обязан-

ностей сотрудников. Мне были даны поэтому следующие директивы:

1. централизовать работу ГПУ в Персии и подчинить себе работников ГПУ во всех провинциях;

2. организовать агентуру на юге Персии и продвинуть ее в юго-восточном направлении — на Индию и в юго-западном направлении — на Ирак;

3. обратить особенное внимание на «освещение» племен южной Персии, населяющих район Хузистана, где расположена концессия англо-персидской нефтяной компании, и, наконец,

4. «освещать» самое концессию.

Ознакомившись с делами резидентуры ГПУ и с обстановкой я взялся сначала за централизацию агентурной сети. Задача была нелегкая. Всюду царила склока, без которой не обходится ни одно советское учреждение заграницей. Тифлисское и бакинское ГПУ не желали выпускать руководства из своих рук.

Пришлось ждать случая, чтобы начать действовать в захваченных ими районах. Случай скоро представился. В конце мая 1927 года начали поступать донесения генерального консула в Тавризе Дубсона и резидента ГПУ Минасьяна, обвинявших друг друга во всех смертных грехах и требовавших взаимного отозвания. Склока возникла в процессе работы ГПУ. Имея каждый свою агентурную сеть, Дубсон и Минасьян использовали ее друг против друга. Распря приняла резкий характер. Полпред СССР Юренев предложил мне поехать в Тавриз для расследования дела.

Прежде чем приступить к расследованию, я ознакомился с работой обоих представителей ГПУ. У консула Дубсона я не нашел ничего ценного, за исключением нескольких информаторов, снабжавших его базарными сплетнями. При их помощи он старался вылавливать агентов своего соперника Минасьяна, мешая ему работать.

Минасьян же был хорошим работником. Основной своей задачей он поставил добычу документов. Тав-

риз является пунктом, откуда армянская партия Дашнакцутюн ведет революционную работу в Советской Армении и в турецком Курдистане. Из Тавриза же руководит работой в советском Азербейджане партия Муссаватистов. Представителем партии Дашнакцутюн в Тавризе был некто Ишханьян. О своей деятельности он систематически информировал Центральный Комитет партии в Париже, и от Центрального Комитета получал указания для дальнейших действий и сведения о положении партийных дел в других центрах. Переписка шла по почте, причем письма посылались обеими сторонами в зашифрованном виде и писались химическими чернилами. Шифр дашнаков и состав химических чернил был известен ГПУ. Оставалось организовать перехватывание писем.

Минасьян завербовал на службу в ГПУ одного из крупных чиновников Тавризского почтового отделения, через которого все письма дашнаков и муссаватистов передавались нам для снятия копий. По этим письмам мы узнавали, кого и с какими целями партия дашнаков тайно отправляла в советскую Армению. Ишханьян подробно информировал обо всех планах партии Центральный Комитет. Письма давали подробные сведения о роли и участии членов дашнакской партии в курдском движении против турок.

Ишханьян посылал в Париж доклады Арташеса Мурадьяна, работавшего среди курдов. Эти доклады подробно осведомляли нас о курдском движении, о силах курдов и их революционнных планах. Мы знали не только курьеров связи заграничных дашнаков с советской Арменией, но и узнавали имена и адреса их сообщников в Армении. Армянское ГПУ получало, таким образом, возможность ликвидировать ячейки дашнаков по мере их возникновения и созревания.

Точно то же было с партией муссаватистов. Представитель муссаватистов в Тавризе Мирза-Бала переписывался с константинопольской группой. Перехватывая его письма, мы получали сведения не только о работе муссаватистов в Азербейджане, но и о работе

их в Константинополе. Мы знали о переговорах, происходивших в Константинополе между муссаватистами и остальными кавказскими группами: горцами, дашнаками, меньшевиками и т. д., старавшимися объединиться в одну группу под общим названием «Комитета Единения», ибо, как заявлял один из представителей этих партий, «иностранцы не хотят давать материальной помощи, пока мы не объединимся». Из писем мы всегда узнавали о приезде в Константинополь представителя польского правительства, Т. Голувко, с которым поддерживали связь эти группы и у которого они финансировались до 1928 года. Поляки, субсудировавшие их по 1000 долларов ежемесячно, перестали платить, убедившись в бездеятельности групп.

Для снятия копий с писем Минасьян имел прекрасно оборудованную лабораторию при консульстве, где он жил и откуда управлял агентурой ГПУ. У Минасьяна была богатая сеть информаторов среди местной армянской и тюркской колоний, точно осведомлявшая его о том, кто и откуда приезжает и кто куда уезжает.

Находя, что две независимые агентурные сети в одном и том же городе всегда будут сталкиваться и мешать друг другу, особенно, когда их руководители находятся во враждебных отношениях, я решил объединить работу в руках одного лица. Естественно, мой выбор остановился на Минасьяне. С тифлисским ГПУ мы пришли к соглашению: Я объединяю в руках Минасьяна всю работу в азербейджанской провинции, помогая ему людьми и матерьялными средствами, а Минасьян переходит в мое подчинение, одновременно продолжая информировать тифлисское ГПУ по интересующим Тифлис вопросам.

Минасьян устроил мне свидание с агентом, работавшим на почте. В разговоре с ним выяснилось, что он может снабжать нас не только письмами дашнаков и муссаватистов, но также перепиской английского, турецкого и германского консулов. К жалованию в 100 долларов в месяц я добавил 50, и почтовый чиновник согласился доставлять в ГПУ и корреспонденцию ино-

странных консулов. Первые пакеты начали поступать к Минасьяну до моего отъезда из Тавриза.

*

* *

Нас очень интересовал курдский вопрос. В Москве, в Иностранном отделе ГПУ, мы пришли к следующим выводам: курдские племена в настоящее время разбиты между четырьмя государствами — Турцией, Ираком, Персией и советской Россией.

Все они расположены на путях, ведущих из Ирака на Кавказ, и в будущем столкновении между Англией и Россией поведение их будет иметь колоссальное значение для воюющих сторон. Надо добавить, что курдский народ сам по себе представляет великолепный военный материал. Перед нами, таким образом, стояла задача заблаговременно подготовить курдские племена к выступлению против Ирака, где, по сведениям ГПУ, концентрировались воздушные силы англичан. Для разрешения задачи советское правительство предполагало в 1927 году объявить «самостоятельной республикой» маленький кусочек Курдистана, находящийся на советской территории, чтобы этим путем привлечь на сторону советов симпатии остальных курдских племен. Однако, проект встретил сопротивление со стороны Наркоминдела, опасавшегося обострить отношения с турецким и персидским правительствами. Пришлось принять другой план: обрабатывать курдские племена нелегальным путем. Для этой цели необходимо было тщательно изучить состояние племен, познакомиться с вождями, насадить в Курдистане агентуру ГПУ и постепенно подготовлять племена к заключению тайного союза с нами на случай выступления против враждующей с СССР стороны.

Центром работы был назначен Соудж-Булак.

Одновременно Минасьяну было поручено освещать экономическую и политическую жизнь Азербейджанской провинции, изучать пути сообщения и экономического проникновения англичан в этот район Персии.

У нас были сведения о готовившейся прокладке дороги из Тавриза в Трапезунд, а с другой стороны, англичане уже строили дорогу из Ирака к Урмийскому озеру и создавали флотилию на озере. Советские торговые учреждения были сильно обеспокоены этими приготовлениями. Азербейджанская провинция могла стать экономически независимой от советской России, найдя другие пути для вывоза товаров в Европу. С потерей же экономического влияния, мы, естественно, рисковали потерять и политическое влияние.

ГЛАВА XI

Работа ОГПУ в Тегеране

Вернувшись в Тегеран, я узнал, что за время моего отсутствия агент № 10 завербовал шифровальщика при Совете Министров Персии. Шифровальщик был обозначен № 33. Это было очень кстати, потому что как раз в это время начались торговые переговоры в Москве между Караханом и персидским послом Али-Гули-ханом. Благодаря услугам шифровальщика Совета Министров, мы имели возможность получать все инструкции, посылавшиеся персидским правительством своему представителю в Москве. Мы знали, по каким пунктам Персия готова уступить в крайнем случае, а из ответных телеграмм Али-Гули-хана узнавали его подлинное мнение о различных пунктах проекта.

Эти сведения сослужили колоссальную службу нашему послу в Тегеране, который в беседах с Министром Двора Теймурташем, знал все его карты так хорошо, словно держал их в собственных руках.

Насколько хорошо было поставлено перехватывание шифрованных телеграмм персидского правительства, можно судить по следующему случаю: однажды полпред Давтьян, вернувшись от министра Теймурташа, вызвал меня и сообщил, что ему удалось убедить Теймурташа на некоторые уступки. Теймурташ обещал в тот же день послать соответственные инструкции Али-Гули-хану в Москву. Не будучи уверен,

сдержит ли Теймурташ обещание, Давтьян просил достать телеграмму, которую отправит Теймурташ. Полчаса спустя после беседы, копия телеграммы была в наших руках. Давтьян убедился, что Теймурташ выполнил обещание.

*
*   *

Вернусь назад, ко времени, когда полпредом в Персии был Юренев. Приехав из Тавриза, я не застал торгпреда Гольдберга. Юренев, находившийся с ним не в ладах, настоял на его отозвании в Москву. Вслед за Гольдбергом начались увольнения его сторонников из хозяйственных учреждений. На место Гольдберга приехал Буду Мдивани, бывший до этого торгпредом в Париже.

Мдивани играл крупную политическую роль на Кавказе, был личным другом Ленина и Сталина, но в 1923 году оказался на стороне Троцкого. Чтобы лишить его возможности вести пропаганду среди кавказских коммунистов, у которых он пользовался большой популярностью, его выслали в Париж на должность торгпреда. В торговых операциях он, конечно, ничего не смыслил, да и не интересовался ими. К своему назначению сначала в Париж, потом в Персию, он относился, как к ссылке.

Вместе с ним приехал на должность советника посольства Гамбаров, бывший председатель совнаркома в Абхазии, хороший партийный работник, но не дипломат. В Тегеране он занимался больше спорами о китайской революции, чем дипломатической работой.

После отъезда Гольдберга склока в Тегеране временно притихла. Однако, полпред Юренев был не такой человек, чтобы жить без склоки. Маленького роста, большим умом не блещущий, но хитрый, он ловко лавировал среди подводных камней внутрипартийных споров, знал в совершенстве искусство интриги, широко его применял и в мире разного рода закулисных комбинаций чувствовал себя, как рыба в воде.

В Персии он поочередно выживал своих подчиненных, предпочитая убрать их прежде, чем они сами затеют против него борьбу.

В Наркоминделе, несмотря на его ловкость и дружбу с Литвиновым, к Юреневу относились все-таки недоброжелательно. Недоброжелательство было вызвано двумя крупными ошибками, допущенными им в дипломатической работе. Во-первых, во время переворота в Тегеране, в 1925 году, в результате которого Риза-хан провозгласил себя шахом, Юренев, не зная какой позиции держаться, выехал на три дня в провинцию и возвратился в Тегеран, когда все было кончено. Вторая ошибка была серьезнее. После ликвидации восстания арабского шейха Хейзала на юге Персии, Юренев сообщил в Москву, что шейх сдался персидскому правительству не потому, что был разбит в боях, а потому, что его к этому вынудили англичане. Англичане же, оказав услугу Риза-хану, получили от него обещание бороться по вступлении на персидский престол против советской власти и содействовать распространению английского влияния в Персии. В частности, Риза-хан, будто бы, обещал пригласить в персидскую армию английских инструкторов, призвать английских советников для управления страной, закупать военное снаряжение в Англии и пр., и пр. Юренев настолько был уверен в существовании такого договора (так называемого Ахвазского соглашения), что поручил резиденту ОГПУ Казасу и военному атташе Бобрищеву достать во что бы то ни стало текст договора.

Бобрищев действительно достал договор, и Юренев послал его в Москву. Но там вышел конфуз. Договор оказался поддельным. Вместо благодарности, Юренев получил нагоняй.

Кстати, о военном атташе Бобрищеве. Человек лет 55-ти, старый холостяк, полковник царской армии, он был одним из первых офицеров, перешедших на сторону революции. Несмотря на то, что он в коммунистическую партию не вступил, Ленин в начале

революции предлагал ему принять на себя организацию красной армии. До назначения в Персию, Бобрищев работал в Финляндии, но там организованная им агентура с треском провалилась. Его перебросили в Персию, но трудно предположить, что он вел здесь серьезную работу.

Он настолько конспирировался, что даже ГПУ не знало, чем он занимается. Все его секреты, однако, скоро стали нам известны, благодаря тому, что он принял к себе машинисткой жену моего секретного сотрудника Мая. Перепечатывая его бумаги, машинистка снимала лишнюю копию и через мужа передавала нам. По этим материалам мы установили, что Бобрищев завербовал к себе на службу всех шифровальщиков главного штаба Персии, благодаря чему знал не только дислокацию персидской армии, но был в курсе всех изменений в составе армии и ее передвижений. Не успел, однако, Бобрищев наладить работу, как с ним случилось несчастье. Мои сотрудники донесли, что один из агентов Бобрищева болтает в городе о своей работе и отношениях с военным атташе, и что о болтовне уже известно персидской полиции. Я предупредил Бобрищева и просил его быть осторожнее. Бобрищев отрицал свою связь с болтуном. Спустя несколько дней, персидская полиция арестовала болтливого агента и вместе с ним трех шифровальщиков военного штаба. После суда шифровальщики были расстреляны. Как потом выяснилось, агент связи имел сожительницу, которая из ревности донесла на него и на всех агентов Бобрищева, свидания с которыми он устраивал на ее квартире. После такого провала, Юренев предложил военному атташе выехать в Москву. Бобрищев отказывался до тех пор, пока на одном из приемов в военном министерстве персы демонстративно отказались подать ему руку. После такого позора Бобрищеву ничего не оставалось, как уехать. На его место приехал начальник разведывательного отдела кавказской армии Маликов. Бобрищев же был сначала назначен в Грецию, потом на-

значение отменили и оставили его работать при разведывательном управлении в Москве.

Работой III Интернационала в Персии ведал генеральный консул в Тегеране Владислав Платт. К этой работе я не имел касательства и только получал от Платта информацию, которую доставляли ему местные члены Иранской коммунистической партии. Особенно ему помогал местный коммунист Казнев, служивший в советском торговом учреждении «Шарк». Он имел родственников и друзей среди членов партии Муссават и, выпытывая у них сведения, передавал нам. Другим коммунистом, оказывавшем помощь нашей работе, был перс-учитель в советской школе в Тегеране.

Летом 1927 года из Пехлеви, Гилянской провинции, начали поступать сведения о склоке, возникшей там среди советских работников. Виновником недоразумений был Образцов, заведующий рыбными промыслами на персидском побережьи.

Старый коммунист Образцов вел такую хищническую эксплоатацию промыслов, что ему позавидовал бы любой капиталист. Не довольствуясь работой на советских промыслах, он начал подкупать чиновников, управлявших персидскими промыслами. Получая взятки, те саботировали ловлю, и промысла начинали терпеть колоссальные убытки. Тогда вмешивалось Тегеранское полпредство и предлагало персидскому правительству передать промысла в руки Образцова, который-де легко обеспечит их прибыльность. Благодаря такой политике, Образцов захватил в свои руки все персидское побережье Каспийского моря.

Но кроме этой внешней политики, Образцов вел и внутреннюю. Руководителями на промыслах он назначил своих людей, вызванных специально из России. Персидских рабочих, которые должны были по кодексу труда работать 8 часов, он заставлял работать 14 часов и платил мизерное жалование. Большую часть прибыли, получаемой от такой жестокой «экономии», старый коммунист клал в свой личный карман.

Все безобразия благополучно сходили ему с рук, так как со всем начальством в Москве, начиная с председателя Высшего Совета Народного Хозяйства Куйбышева и кончая мелкими чиновниками, он поддерживал наилучшие отношения и засыпал их подарками из Персии. По подсчетам резидента ОГПУ в Пехлеви, Образцов отправил высшим должностным лицам в Москву подарков на сумму не меньше 10 тысяч долларов. Не забывал он также и свое тегеранское начальство, систематически подкармливая полпреда и торгпреда икрой и рыбой. Полпред и торгпред, естественно, поддерживали его гнусную политику.

Образцов вдруг почувствовал, что резидентом ГПУ Ефимовым и консулом Сычевым ведется работа против него. Решив напасть первый, он обратился к Юреневу с просьбой убрать работников ГПУ и консула, так как-де они мешают ему работать. С той же почтой я получил донесение Ефимова о проделках Образцова, при чем к письму были приложены фотографии документов, доказывавшие присвоение Образцовым казенных денег.

Юренев вызвал меня и сообщил о склоке, происходящей в Пехлеви. Он предложил мне откомандировать резидента ГПУ и заявил, что снимает с должности консула Сычева, так как, по его мнению, необходимо всячески облегчить работу Образцова, так много сделавшего для советской России. Разговор происходил за завтраком, и Юренев, уплетая присланную Образцовым икру, естественно не мог иначе рассуждать.

Я предложил ему вызвать Образцова и Ефимова в Тегеран для расследования дела. Юренев со мною согласился.

Объяснение происходило с глазу на глаз между Юреневым, мною и Образцовым. Выслушав Образцова, рисовавшего себя чистым, как снег, я молча вынул фотографии его расписок в получении взяток и при нем передал Юреневу. Юренев очень смутился, не знал, как быть и, наконец, повысив голос, предло-

жил Образцову, чтобы «этого больше не было». Инцидент этим был исчерпан. Несмотря на мои неоднократные представления в Москву, ГПУ не могло настоять на снятии Образцова. Тем временем он, увидев во мне тоже начальство, начал засыпать меня икрой и рыбой.

Воспользовавшись приездом Ефимова, который до того времени подчинялся бакинскому ГПУ, я написал с его согласия в Баку и добился его перевода в мое непосредственное подчинение.

Ефимов был узкий специалист своего дела. Не вдаваясь в политику и нисколько не разбираясь в политических вопросах, он с увлечением занимался разведкой и контр-разведкой. Особенно хорошо он организовал агентуру ГПУ внутри мусульманской партии Муссават, представители которой в Гилянской провинции вели революционную работу в советском Азербейджане. Письма представителя муссаватистов Ахунд-Заде и доктора Ахундова к своим сторонникам в Баку и в бакинской провинции и их переписка с главарями партии заграницей, неизменно попадали в руки Ефимова и давали ГПУ подробные сведения о состоянии этой организации.

Не забывал Ефимов также и русскую эмиграцию. Он завербовал для работы в ГПУ полковника царской армии Джавахова и заставил его связаться с руководителями антибольшевистской организации «Братство Русской Правды». Братство не только приняло Джавахова в члены, но назначило его руководителем антибольшевистской работы в этом районе. Систематически бакинское ГПУ составляло письма для Джавахова, тот подписывал их и отправлял на имя Братства, а полученные ответы, за подписью братьев № 1 и № 9, передавал в наше распоряжение.

Бакинское ГПУ старалось заставить Братство Русской Правды связать Джавахова с какой нибудь иностранной державой, чтобы та оказала ему помощь в поднятии восстания в Азербейджане. Братство отвечало, что оно ведет кое с кем переговоры, но пока

безуспешно. Ефимов, кроме того, заставлял Джавахова писать членам Братства, проживавшим в разных городах Персии (например, полковнику Грязнову в Мешеде). Из получавшихся ответов ГПУ осведомлялось о деятельности «братьев».

Всю агитационную литературу Братство Русской Правды направляло на имя Джавахова, а тот передавал ее нам.

Для того, чтобы Джавахов мог лучше вести работу, ГПУ отпустило ему средства на открытие гостиницы в Реште. В этой гостинице он предоставлял помещение для собраний русских эмигрантов и муссаватистов. Дела и планы этих организаций были видны нам, как на ладони.

Секретный агент Ефимова в Реште состоял шифровальщиком при штабе Северной Бригады Персии и адъютантом командующего бригадой. От него мы получали тексты всех телеграмм, циркулировавших между командующим бригадой и главным штабом в Тегеране.

Выслушав доклад Ефимова, я пришел к заключению, что Джавахова можно использовать более рационально и предложил Ефимову командировать его в Тегеран. Я хотел связать его с английским посольством и таким образом получить некоторые данные о работе англичан на Кавказе.

Через неделю Джавахов приехал в Тегеран, связался с местной русской эмиграцией, принявшей его с большим почетом, как закаленного борца против большевиков. Он сделал доклад о положении в Гилянской провинции, а местные руководители «Братства» в свою очередь сделали ему доклад о состоянии организации. В ту же ночь Джавахов передал эти сведения мне.

Насколько хорошо был принят Джавахов русской эмиграцией в Тегеране, настолько же плохо кончилось его попытка связаться с англичанами.

Английский военный атташе Фрезер отказался принять его до наведения о нем справок. Впоследствии

из перехваченного донесения английского консула в Реште на имя посла в Тегеране, мы узнали, что англичане считают Джавахова большевистским агентом. Попытки подослать Джавахова к англичанам пришлось прекратить. Но Джавахов, насколько знаю, до сих пор служит ГПУ в Персии, пользуясь полным доверием муссаватистов и русской эмиграции. За свою работу он вначале получал 80 долларов в месяц. За проявленное усердие и успехи жалование затем было повышено до 150 долларов в месяц.

Мною было приказано Ефимову найти возможность получать переписку английского и турецкого консулов в Реште и были указаны пути, какими он может этого достичь. Наконец, он должен был также освещать политическую и экономическую жизнь Гилянской провинции и настроения местных жителей. По нашим сведениям, население было недовольно властями и готовилось к революционным выступлениям.

ГЛАВА XII.

Секретная корреспонденция иностранных миссий

В Тегеране разыгралась новая склока. Участниками ее с одной стороны были тот же полпред Юренев, а с другой — советник посольства Гамбаров, первый секретарь Славуцкий и генеральный консул Платт. Спор разгорелся из-за китайской революции. На собрании ячейки Юренев выступил с речью о политике Центрального Комитета партии и Коминтерна в китайском вопросе. Отход Фенг-Ю-Сяна от советской России и Чан-Кай-Ши от Гоминдана знаменовал, по его мнению, полный провал нашей политики в Китае и стоил СССР громадных денег, так как вся Фенг-Ю-Сяновская экспедиция была снаряжена на советские деньги. Гамбаров резко обвинил Юренева в пораженчестве, в троцкизме и в других смертных грехах. Его поддержали Славуцкий и Платт. Аудитория молчала. На следующий день после собрания началась открытая война. Оба лагеря лихорадочно вербовали сторонников. Юренев, воспользовавшись тем, что персидское правительство разрешило открыть советское консульство в Сеистане, предложил Платту поехать туда. Цель была двоякая: избавиться от противника и насолить ему понижением по службе. В Москву полетели доносы. Наркоминдел отозвал Гамбарова, а через некоторое время уехал и Юренев.

Торгпред Мдивани, по убеждению троцкист, открытого участия в борьбе не принимал, подзуживая

стороны из-за кулис, и ухмыляясь в кулак, глядя, как дерутся между собой «ортодоксальные марксисты».

На место Платта генеральным консулом в Тегеран приехал Байман, бывший заместитель управделами Наркоминдела. У нас с ним сразу установился тесный контакт. Насколько Платт старался держаться в стороне от нас, настолько Байман старался согласовать с ГПУ каждое дело. Генеральное консульство в Тегеране превратилось фактически в отдел ГПУ. Вся работа консульства проходила под нашим контролем и по нашим заданиям. Лица, желавшие выехать в СССР, заполняли анкеты в консульстве, но виза им выдавалась только тогда, когда мы, проверив анкету, не встречали возражений. Восстановление в советском гражданстве также предварительно разрешалось ГПУ. Ничего исключительного в этом не было. Такой порядок существует во всех советских консульствах заграницей.

Среди многочисленных посетителей консул и секретарь высматривали полезных и ценных для ГПУ людей, знакомили нас под тем или другим предлогом, или просто сами вербовали их для службы в ГПУ.

Как я уже упоминал, связь с местной коммунистической организацией поддерживало консульство. Однажды, консул Байман пришел ко мне и сообщил, что в Тегеран приехал специальный представитель Коминтерна для связи с персидскими коммунистами и руководства революционной работой Персии. Этот представитель привез письма из Москвы с просьбой к полпреду и консулу оказывать ему содействие и помощь в работе и просил познакомить его со мной, чтобы я помог ему на первых порах ориентироваться.

Наша встреча произошла на другой день в помещении консульства. Это было в августе 1927 года. Представителем Коминтерна оказался молодой человек, лет 30-ти, татарин по национальности. В Тегеран он приехал под видом члена научного общества и остановился на частной квартире в городе. Он уже успел познакомиться с руководителями коммунистиче-

ской партии и нашел всю организацию в хаотическом состоянии. Нужно было полностью реорганизовать ее: пусть она будет малочисленна, зато вполне надежна. По его сведениям, партия была наполнена агентами персидской полиции. Моя помощь должна была заключаться в том, чтобы устанавливать провокаторов, обличать их и очищать от них партию. Кроме того, я должен был указать надежных людей в других провинциях Персии, которым можно было бы поручить организацию коммунистических ячеек. Коминтерн особенно интересовался районом Абдана, где находятся промысла и заводы англо-персидской нефтяной компании и где сконцентрировано около 10-ти тысяч рабочих. Взамен этого, мне был обещан информационный материал, который представитель Коминтерна будет получать от персидских коммунистов, и разрешалось использовать любого из членов иранской коммунистической партии для работы ГПУ, если в этом встретится надобность.

Наконец, представитель Коминтерна желал ознакомиться с положением местной армянской рабочей партии и вообще с жизнью армянской колонии.

Дело в том, что, как я упоминал выше, мой агент № 3 — Орбельяни — был одновременно одним из лидеров армянской рабочей партии. Через него ГПУ фактически руководило этой группой. Благодаря влиянию Орбельяни, группа послала заявление в Коминтерн с просьбой переименовать ее в коммунистическую партию и слить с персидской коммунистической партией, являющейся секцией III Интернационала. Коминтерн принял просьбу, но прежде чем решить, просил своего представителя на месте выяснить социальный состав и политическую физиономию группы. Я обещал сделать все, что в моих силах. Связью между нами должен был служить генеральный консул Байман.

Армянская рабочая партия, однако, вызывала в Москве второстепенный интерес. Гораздо больше внимания привлекала к себе армянская партия дашнакцутюн. Я в свое время говорил, что вся переписка

руководителей партии нами перехватывалась. Москва считала это недостаточным. По мнению Москвы, члены партии были слишком решительными людьми, и могли не только начать индивидуальный террор против советских вождей, но в случае военного столкновения СССР с иностранными державами, могли, благодаря своей численности, организованности и хорошей связи послужить серьезным орудием в руках противника на кавказском фронте. Чтобы предотвратить такую возможность, ГПУ получило задание разложить партию дашнакцутюн, отколоть низы от верхов и перетянуть их на советскую сторону. Для выполнения этого плана мы завербовали в Тегеране одного из старых членов партии, доктора Газарьяна, бывшего долгое время членом ЦК, и уговорили его издавать газету на армянском языке. Доктор развивал в газете идею поддержки советской Армении, разлагал своими статьями партию дашнаков и отрывал от нее рядовых членов. Его бывшее положение в партии и личный авторитет способствовали тому, что многие рядовые члены партии дашнаков последовали его примеру и начали переходить на сторону советской власти.

Газарьян издавал свою газету «Гахапар» в течение двух лет. За эту работу он был принят врачем в советскую больницу, а дочь его была пристроена в одно из советских хозяйственных учреждений. Кроме того, за редактирование газеты ему платили 100 долларов в месяц.

Газета рассылалась в агитационных целях даром и приносила ежемесячно дефицит в 300 долларов, поэтому было решено в конце 1927 года ее закрыть, тем более, что к этому времени авторитет Газарьяна в партии упал до нуля.

Для обработки общественного мнения армян служил также Комитет помощи Армении (Хок). Эта организация возникла после землетрясения в Советской Армении. Целью ее была организация материальной помощи пострадавшим, но постепенно деятельность

ее перешла на политическую почву: развитие идеи поддержки советской Армении среди армянского населения заграницей. Председателем комитета в Персии был избран Каро Минасьян, личный врач шейха Хейзала, или шейха из Мухаммеры, как называют его англичане в официальной переписке. Каро Минасьян, руководя комитетом по нашим указаниям, давал нам также сведения о шейхе Хейзале.

После поражения и сдачи на милость персидского правительства, шейх Хейзал с одним из сыновей был водворен на жительство в Тегеране и находился под постоянным наблюдением персидской полиции. Его имущество на персидской территории было конфисковано, и владения разграблены. Из перехваченных докладов английского посланника в Тегеране Клайва и его предшественника, поверенного в делах Никольсона, мы знали, что шейх Хейзал обращался с протестами к персидскому правительству и копии протестов направлял в английскую миссию с просьбой помочь ему вернуть имущество. Английский посланник, пересылая эти просьбы в Лондон, просил поддержать их перед персидским правительством, но хлопоты его остались безрезультатными. Каро Минасьян сообщал, что Хейзал страдает глазной болезнью и просится в Германию для лечения, однако, персидское правительство не разрешает ему выехать, боясь, что он вновь появится в раоне Хузистана и поднимет восстание.

* * *

Пока шла работа по разложению армянской эмиграции, я поручил агенту № 10 изучить пути следования секретной корреспонденции иностранных миссий в Тегеране и наиболее важных персидских министерств, главным образом Министерства Иностранных Дел и Военного Министерства. Изучение путей и подготовка к добыче документов продолжалась четыре месяца. Наконец, в сентябре 1927 года вопрос был разрешен. Первой почтой, которую перехватил агент № 10, была

турецкая почта. Для советского правительства это было очень кстати. В то время курдский вопрос настолько осложнился, что мы ожидали разрыва дипломатических отношений между Турцией и Персией. Почта заключала в себе донесения турецкого военного атташе с подробными сведениями о событиях в Курдистане. На основании этого доклада и сведений, почерпнутых из переписки дашнаков, перехваченной ГПУ в Тавризе, Наркоминдел ознакомился с действительным положением на турецко-персидской границе и выступил мирным посредником между двумя странами, ссора которых была в то время не в интересах советского правительства.

Постепенно мы начали перехватывать и документы остальных иностранных миссий. Наиболее интересными, конечно, были доклады английских консулов в Персии посланнику в Тегеране. Консула аккуратно и систематически доносили раз в две недели, а то и каждую неделю о политическом и экономическом положении своего района. Их доклады ценились нами гораздо больше, чем доклады наших собственных консулов, так как были достовернее и добросовестнее составлены. Английские консула в Исфагани, Ширазе и Кермане подробно писали о настроениях населения, возбужденного декретом о «шапках Пехлеви». Из донесений консулов в Кермане и в Мешеде мы узнавали о подробностях борьбы между персидским правительством и вождем белуджей Дост-Магомет-ханом. Ширазский консул Чик подробно освещал экономическое положение своего района, в частности нефтяной рынок. Об английской нефти мы получали также сведения из донесений английского консула в Авхазе. О движении курдов подробно сообщали донесения английских консулов в Тавризе и Керманшахе. Таким образом, помимо донесений от собственных агентов, которых мы имели приблизительно в тех же районах, мы получали все сведения, которыми располагало английское посольство в Тегеране, и ими контролировали работу агентов ГПУ.

Вторыми по интересу шли доклады бельгийского посланника в Тегеране. Это был, видимо, очень усидчивый и трудолюбивый работник, подробно передававший в Брюссель обо всем, что он видел и слышал. Судя по его письмам, он был в прекрасных отношениях с французским посланником, осведомлялся у него по разным вопросам и полученные сведения аккуратно сообщал в Брюссель. Его работа носила исключительно дипломатический характер. Советский посол Давтьян, читая его доклады, пополнял свои знания и всегда с нетерпением ожидал их, проходя при их помощи «курс дипломатического самообразования». Доклады других миссий — французской, голландской, чехо-словацкой, японской, американской, польской и немецкой — были менее интересны. Немцы в отправке почты были осторожнее всех. Они вкладывали запечатанные пакеты в металлическую трубку со специальным замком, затем упаковывали трубку в бумагу и запечатывали. Однако, это их мало спасало...

Также аккуратно поступала в наши руки почта персидского правительства. В первую очередь нас интересовала, конечно, почта Министерства Иностранных Дел. Нужно сказать, впрочем, в ней мы редко находили что нибудь ценное. Персидское правительство ограничивалось отправкой своим посланникам очередных циркуляров и всевозможных финансовых отчетов. Лишь последнее время начали посылаться информационные бюллетени, но и они особого интереса не представляли, так как все, что в них сообщалось, мы узнавали раньше. Интересной для нас была только переписка персидского Министерства Иностранных Дел с персидским представителем в Ираке. Дело в том, что до 1927 года, дипломатических сношений между Персией и Ираком не существовало и только после упорных настояний со стороны Ирака, персидское правительство послало в Багдад уполномоченного для ведения переговоров. О ходе переговоров ГПУ узнавало из шифрованных телеграмм, доставлявшихся нам агентом № 33, шифровальщиком при Со-

вете Министров. Доклады персидского представителя полны были ценными сведениями о шиитах и сунитах в Ираке, о курдах, об айсорах и т. д.

Почта военного министерства представляла чисто военный характер. ГПУ аккуратно фотографировало ежемесячные сводки о состоянии армии, о снаряжении, о комплектовании и пр., и пр.

Более полной информации о персидских делах нельзя было желать. Стоило это сравнительно дешево (мы платили по 1 и по 2 доллара за каждый перехваченный и доставленный резиденту ГПУ пакет), а устроено было в высшей степени просто.

Дипломатическими курьерами иностранные миссии в Персии почти не пользуются. Отправкой и доставкой дипломатической корреспонденции ведает персидская государственная почта. Каждый вечер видный почтовый чиновник Министерства доставлял нам сданные ему для отправки или прибывшие в Персию пакеты. Мы вскрывали их, фотографировали документы, запечатывали и утром возвращали на почту. Пакеты следовали дальше по назначению, ни в ком не вызывая подозрения. Помню, как-то германский посланник Шуленбург, встретил полпреда Давтьяна на рауте, жаловался ему на дороговизну персидской почты. Давтьян отнесся к его жалобам с вполне понятным сочувствием: всего несколько часов назад, он читал доставленную мною копию доклада Шуленбурга на Вильгельмштрассе.

Чиновник Министерства, любезно доставлявший нам чужую почту, иногда за одну ночь зарабатывал до 50 долларов.

Агент № 10 за организацию этой работы, помимо жалования, получил единовременно две тысячи долларов.

Вследствие увеличения работы, мне прислали из Москвы в помощь Макарьяна, сотрудника ГПУ. В Тегеране он занял официальную должность делопроизводителя полпредства. Вместе с собой он привез специальную машинистку из ГПУ.

ГЛАВА XIII.

Перемены в полпредстве

Когда Юренев и Гамбаров уехали, поверенным в делах остался первый секретарь посольства Славуцкий, очень талантливый молодой человек. Он прослужил в Персии около пяти лет, знал язык и обычаи страны и, к тому же, хорошо говорил по французски. В Персии у него было много друзей, особенно среди депутатов Парламента и журналистов, которых он широко оплачивал из сумм посольства за помещение в газетах благоприятных для СССР статей.

Особенно старался редактор тегеранской газеты «Шефагэ Сурх» Фарухи, всецело находившийся на иждивении советского посольства. Во время советско-персидских переговоров, он ежедневно по заказу писал статьи о взаимной выгодности торгового соглашения. Затем он совершил поездку в Москву и, вернувшись, начал ежедневно помещать статьи о виденном им в СССР, под заголовком «из Тегерана в Москву». Статьи длились до тех пор, пока Риза-шах на одном из приемов журналистов, не обратился к Фарухи с фразой: «Довольно, Фарухи, писать о Москве, ведь я знаю, ты давно доехал до нея». Со следующего дня статьи о путешествии Фарухи прекратились.

Работа по подкупу печати велась исключительно полпредством. Представители ГПУ в эту отрасль не вмешивались. Славуцкий пробыл поверенным в делах

два месяца. Затем из Москвы приехал новый посол Давтьян и новый советник Логановский.

Давтьян в 1922 году был начальником Иностранного Отдела ГПУ, и оттуда перешел на работу в Наркоминдел. Поддерживает его и толкает по службе Карахан. До приезда в Персию он был советником посольства в Париже, и в Персии впервые попал на самостоятельную роль. Это аккуратный, трудолюбивый чиновник, боящийся проявить в чем либо инициативу, запрашивающий по самым незначительным вопросам разрешения Москвы.

Логановский был до 1925 года помощником Трилиссера в Иностранном отделе ГПУ, а затем также перешел в Наркоминдел. В противовес Давтьяну, это был решительный и властолюбивый человек, добившийся к 32 годам двух орденов Красного Знамени и поста советника посольства. По национальности поляк, очень хитрый, скрытный и выдержанный, он представлял настоящий тип чекиста.

Вслед за приездом нового посла, я начал готовиться к отъезду в район Керманшаха. Поездкой в Керманшах нужно было разрешить следующие три задачи:

1) Организовать работу ГПУ в Керманшахском районе. Район населен курдскими племенами, которые систематически восстают против персидского правительства. Нас интересовали причины волнений и возможность использовать их в наших интересах.

2) Организовать агентуру в Ираке. По поступавшим к нам сведениям, англичане устроили на территории Ирака авиационную и техническую базу, которая могла угрожать Кавказу в случае столкновения с СССР. В особенности ГПУ беспокоилось за бакинские нефтяные промысла, которые могли быть разорены воздушным налетом. Военным атташе в Тегеране было вычислено, что для полета из Багдада в Баку и обратно нужно 7 часов, что является сущим пустяком при нынешней технике. Надо было выяснить силы англичан в этом районе и их намерения.

Кроме того, желательно было связаться с арабскими племенами в Ираке и подготовить почву для возможного их использования в случае столкновения с Англией.

3) Наконец, нас интересовала разработка англичанами ханикенских нефтяных промыслов. Расположенные у самой границы, они представляли угрозу конкурренции с бакинской нефтью на персидском рынке.

Со мной поехал заместитель председателя нефтесиндиката Вагнер, чтобы придать поездке торговый характер. Мой единоличный приезд в этот район мог вызвать подозрения у персидской администрации.

Советским консулом в Керманшахе был Лозоватский, тот самый начальник Особого отдела, который принимал у меня дела ГПУ в Бухаре в 1922 году, а его секретарем некто Алхазов, также туркестанский работник (настоящая фамилия его Аллахвадов). В 1922 году он работал в Особом отделе на Памире, затем переехал в Ташкент, служил в Информационном Отделе ГПУ и был командирован оттуда в Академию Восточных языков в Москву. По окончании Академии, ГПУ командировало его на службу в Наркоминдел. Должность секретаря консульства в Керманшахе была его первым шагом на дипломатическом поприще. Таким образом, оба дипломата в Керманшахе оказались бывшими сотрудниками ГПУ. Мне не трудно было с ними сговориться. Ведение технической работы я поручил Алхазову, а общее руководство Лозоватскому. Оба должны были организовать агентуру ГПУ в Керманшахском районе и попытаться протянуть сеть до Багдада.

Не прошло месяца, как сказались результаты работы Лозоватского и Алхазова. Они завербовали керманшахского купца, связанного торговлей с Багдадом. Разъезжая между этими двумя пунктами, купец доставлял ГПУ собранные сведения и намечал для вербовки агентов в Багдаде. В курдском районе Алхазову удалось связаться в городе Сенне с влиятель-

ным курдским шейхом Низаметдином, который подробно осведомлял нас о деятельности курдских племен этого района, связи их с курдами в Ираке и с курдским комитетом. Наконец, они же организовали агентуру в районе Луристана, где в то время происходило восстание против персидского правительства в связи с проведением шоссейной дороги от Авхаза на Тегеран. Восставшие луры пользовались помощью правителя Пуштекуха, территория которого граничила с Ираком. Имелись предположения, что восстание поддерживается иракским правительством, т. е. англичанами, с целью оказать давление на персидское правительство, так как в то время шли переговоры об англо-персидском договоре.

Вернувшись в Тегеран, я получил еще одну возможность организовать агентуру в Ираке. С советского Кавказа приехали персидские консулы в Эривани и Нахичевани. Одновременно с их приездом я получил телеграмму от Тифлисского ГПУ с извещением, что эти лица, будучи персидскими консулами в СССР, находились в связи с ГПУ и предлагали свои услуги ГПУ по возвращении на родину. Для связи с ними Тифлис сообщал пароль и явки.

Установив связь с персидскими консулами, я предложил им добиваться в Министерстве Иностранных Дел назначения в Ирак или в Индию. Оба выполнили данное поручение. Эриванский консул получил назначение персидским консулом в Моссул, а нахичеванский — в Ханекен. Обоим перед выездом к месту назначения мною были даны инструкции. Свои донесения они должны были пересылать через персидского дипломатического курьера. Таким образом, участие ГПУ в разведывательной работе в зоне английского влияния было скрыто. В случае провала, англичане должны были думать, что работа велась для персов.

Консулам было выдано жалование за три месяца вперед, по 150 долларов в месяц, и на расходы по 50 долларов в месяц.

Ханекенский консул работал лучше Моссульского; он систематически сообщал ГПУ о движении работ на промыслах «Ханикен Ойль Компани».

* * *

В середине 1927 года, после обысков, произведенных китайской полицией в советских консульствах в Шанхае и Кантоне, пришла циркулярная телеграмма для полпредства, торгпредства, Разведупра и ГПУ с предписанием просмотреть все архивы этих учреждений и уничтожить документы, которые могли бы компрометировать работу советской власти заграницей. Полпредство и торгпредство немедленно приступили к разбору архивов. Отобрали колоссальные кипы бумаг, подлежавших сожжению. Целую неделю эти бумаги жгли во дворе полпредства. Пламя поднималось так высоко, что городское управление, думая, уж не пожар ли в советском полпредстве, хотело прислать пожарных.

ГПУ получило более строгое распоряжение. Москва предписывала уничтожить вообще весь архив и впредь сохранять переписку только за последний месяц, но и ее предлагалось хранить в таком виде и в таких условиях, чтобы в случае налета на посольство, можно было немедленно уничтожить весь компрометирующий материал. По этой спешке можно было заключить, насколько велика была паника в Москве. Ждали нападения и обыска в посольстве даже в такой стране, как Персия, которая, в общем, дружественно относилась к советской России. Нападения ожидали каждый день. На мое предложение отправить архивы в Москву, Москва ответила категорическим приказом немедленно сжечь все, что имеется . . .

Жгли бумаги торгпредство и другие советские хозяйственные учреждения. Интересный способ разбора и уничтожения секретных бумаг изобрел бывший председатель нефте-синдиката в Тегеране Ланцов. Это был отменный пьяница, напивавшийся до безобразия. Ста-

рый член партии и рабочий, кроме всего прочего, был нечист на руку и, как потом оказалось, ухитрялся получать два жалованья в месяц, не говоря о других художествах. В это время в Тегеране же находился член Правления Нефтесиндиката из Баку, он же член ВЦИК-а. Оба молодца решили совместно разбирать бумаги Нефтесиндиката и уничтожить все, могущее компрометировать советское правительство. Прежде чем приступить к делу, они решили подкрепиться коньяком. Часа через два после начала разборки архивов, сотрудники Нефтесиндиката, привлеченные возней и собачьим лаем в кабинете директора, вбежали туда и остановились на пороге, как вкопанные, пораженные невероятным зрелищем: на полу лежали разбросанные дела и пустые бутылки. Ланцов с Ларионовым ползали по полу на четвереньках, вырывали зубами бумаги из дел и лаяли друг на друга. Сперва все были удивлены, а потом недоразумение разъяснилось просто. Начальство, напившись, играло в собачки...

Через некоторое время Ланцов был отозван в Баку и назначен членом Центральной Контрольной Комиссии Закавказской ЦК партии. Он охраняет теперь партию от разложения.

*

* *

Вслед за первым циркуляром, из Москвы пришел второй. Сотрудникам полпредства и консульств категорически запрещалось вступать в какие либо сношения с членами местных коммунистических партий. Мне пришлось прекратить встречи с представителем Коминтерна, начавшим налаживать кое-какие связи в Тегеране и пытавшимся перебросить работу в другие провинции. Прекратив личную связь, я все же поддерживал с ним отношения через агента № 3 и находился в курсе его деятельности.

Вскоре состоялся нелегальный съезд коммунистических партий Персии и Турции. Съезд собрался в городе Урмии на персидской территории. По оконча-

нии его представитель Коминтерна уехал в Москву, а его место занял секретарь Иранской коммунистической партии Гасанов, ездивший затем представителем иранских коммунистов на IX пленум Коминтерна. Из Москвы он вернулся окончательно утвержденный в должности эмиссара III Интернационала. Мы относились к Гасанову недоверчиво, так как имели серьезные основания подозревать его в связи с персидской полицией. После его назначения, я прервал отношения с членами иранской коммунистической партии.

Полпред Давтьян, получив циркуляр о прекращении связи с местными коммунистами, до смерти перепугался и велел не впускать на порог полпредства ни одного персидского коммуниста.

В своем паническом рвении он до того перестарался, что когда в день годовщины революции 7 ноября 1927 года, в посольство явилась делегация от персидских рабочих-печатников с поздравлением, испуганный Давтьян вызвал меня и предложил немедленно выпроводить делегацию за ворота, чтобы она не могла «компрометировать его перед другими гостями», представителями буржуазного и капиталистического мира, собравшимися в тот день в полпредстве.

Бывали, впрочем, случаи, когда Давтьян превозмогал страх и шел на риск. Помню, в январе 1928 года Гасанов, секретарь Иранской коммунистической партии, только что утвержденный представителем III Интернационала в Персии, вернулся в Тегеран. Давтьян два раза принял его в полпредстве у себя в кабинете. Правда, встречи происходили поздно ночью, когда весь город спал, Гасанов входил в полпредство не через главные ворота, а через боковую калитку, находившуюся при моей квартире, и ключ от которой был только у меня . . .

Вместе с Давтьяном из Москвы были присланы, или вернее высланы, несколько коммунистов-оппозиционеров, сочувствовавших Троцкому. Их разместили на должности в разных советских хозяйственных учреждениях. Оппозиционная группа, возглавлявшаяся

торгпредом Мдивани, усилилась и начала оживленно вербовать сторонников среди советских служащих. Я получил распоряжение из Москвы установить наблюдение за коммунистами-оппозиционерами и принять меры к пресечению их деятельности. Для этого мне предписывалось войти в связь с секретарем коммунистической ячейки Цейтлиным, присланным на эту должность специально из Центрального комитета партии. Цейтлин был мелким чиновником, малокультурным и необразованным, хваставшимся при каждом удобном и неудобном случае тем, что он когда-то месяца два был маляром. а потому принадлежит к подлинному пролетариату, на самом же деле был шкурником, карьеристом и выдвинулся в секретари ячейки исключительно благодаря хорошо привешенному языку и умению во всем соглашаться с линией Центрального Комитета. Цейтлин каждые 3—4 месяца ездил в Москву, то по болезни, то для доклада, при чем из Тегерана всегда выезжал с несколькими наполненными до верха чемоданами, прекрасно одетый, а возвращался обратно в старой пролетарской форме. Советским гражданам не разрешалось провозить в СССР много заграничных вещей. Цейтлин, присланный в Тегеран для наблюдения за чистотой нравов, находил, однако, способы ладить с таможней.

У советского читателя тип Цейтлина едва ли вызовет особое отвращение. Таких людей, как он, в российском аппарате коммунистической партии не менее 90%. Это результаты партийной политики за последние годы. Аппаратом управляет сейчас Сталин и через него давит и сокрушает всякую свободную мысль, в чьей бы голове она ни появилась. Это не новость. Верную характеристику партийного аппарата, превратившегося окончательно в скопище партийных чиновников, дал Троцкий уже в 1923 году. Цейтлин был типичным представителем этого обнаглевшего, безидейного партийного чиновничества.

Пришлось связаться с ним для наблюдения и охранения чистоты партийной доктрины от ересей.

Из этой связи ничего не вышло. Цейтлин понял наше сотрудничество иначе. Он пожелал использовать агентуру ГПУ не в целях выявления идеологических уклонов, но вообще для слежки за частной жизнью членов партии. Я следовать за ним отказался. После первой его попытки в этом направлении, я ему напомнил о его собственном поведении, и между нами мгновенно произошел разрыв. Сотрудничество прекратилось.

Первое время после приезда полпреда и советника все было мирно в посольстве. Но первый секретарь Славуцкий, остававшийся поверенным в делах и надеявшийся получить должность советника, не мог стерпеть обиды и начал войну против советника Логановского. Снова возникла склока. К Логановскому присоединился Цейтлин. Славуцкий для укрепления позиции сошелся с торгпредом Мдивани. Через месяц вся партийная ячейка разделилась на два лагеря. Из личных отношений выросли политические. Бедный Славуцкий, хороший чиновник, не имевший не только оппозиционной, но и вообще никакой идеологии, оказался зачисленным в «троцкисты».

Как раз в это время началась дискуссия перед 15-м партийным съездом. На спорах выступали обе группы, сталинцы и оппозиционеры, и в результате ячейка постановила . . . исключить из партии Мдивани, торгпреда СССР в Персии, вместе со всеми его единомышленниками. Я отправил доклад в ОГПУ с предложением немедленно отозвать Мдивани. Две недели спустя, Мдивани был вызван в Москву и отстранен от должности.

*

*   *

Конец страницы 145 и страницы 146—148, касающиеся деятельности г-на Хоштария, выпущены по требованию г-на Хоштария, наложившего в порядке предварительного судебного производства временный арест (einstweilige Verfügung) на эти страницы.

ГЛАВА XIV

Бегство секретаря Сталина

В начале января 1928 года я собирался объехать районы южной Персии и лично проверить работу ГПУ, когда внезапно пришла телеграмма о том, что из советского Туркестана бежали в Персию два крупных коммуниста — Бажанов и Максимов.

Бажанов работал в Москве в секретариате Сталина, но был откомандирован в Асхабад в Туркестане за сочувствие оппозиции. В Асхабаде он занимал должность Управляющего делами Центрального Комитета партии Туркменистана и мог при бегстве захватить важные документы. Предлагалось обнаружить его местопребывание и немедленно сообщить в Москву.

Через несколько дней я получил телеграмму от резидента ГПУ в Мешеде Лагорского (настоящая его фамилия Бродский) с извещением, что Бажанов и Максимов появились в Мешеде. Я немедленно телеграфировал в Москву. В ответ из Москвы пришел приказ: «ликвидировать» Бажанова, служившего в секретариате Сталина и знавшего секретные сведения о деятельности Политбюро. Так как резидент ГПУ в Мешеде бездействует, то мне предлагалось немедленно выехать в Мешед и лично, в кратчайший срок, организовать убийство Бажанова, пока он не успел никому разгласить служебных тайн. С такой же просьбой обратился ко мне полномочный представитель ГПУ в

Туркестане Бельский, которого особенно волновало то, что побег Бажанова был совершен с подведомственной ему территории.

Получив обе телеграммы, я посоветывался с полпредом Давтьяном. Мы решили, что «ликвидация» должна быть произведена немедленно. Вылетев на аэроплане из Тегерана, я к вечеру был в Мешеде.

В ту же ночь я передал приказ из Москвы Лагорскому и генеральному консулу СССР Дубсону. В беседе с ними выяснилось следующее: В ночь на 1 января 1928 года Бажанов и Максимов отправились якобы на охоту, вышли из Асхабада и, незаметно перейдя персидскую границу, оказались в пограничном городке Людфабаде. Председатель Туркменского ГПУ Каруцкий, узнав об этом, немедленно отдал приказ во что бы то ни стало перехватить беглецов на персидской территории и доставить их живыми в Асхабад. Для этой цели через границу была пропущена, под видом контрабандистов, группа туркмен с обещанием крупного вознаграждения в случае быстрого и удачного выполнения приказа. Но туркмены опоздали. Беглецы успели выехать из Людфабада. Тогда резидент ГПУ Пашаев, занимавший внешне скромную должность агента в бюро персидских перевозок в Бажгиране, получил приказ перехватить беглецов в дороге и ликвидировать их собственными средствами. Пашаев выехал в Кучан, куда должны были прибыть беглецы. Оа приехал во время, но узнал, что Бажанов и Максимов выезжают из Кучана в Мешед. Благодаря своему званию агента по перевозкам и личным знакомствам, Пашаев устроился в одном автомобиле с беглецами и выехал в Мешед, надеясь по дороге выполнить приказ. Ему это не удалось, так как при Бажанове и Максимове неотлучно находились персидские конвоиры.

Приехав в Мешед, Бажанов и Максимов остановились в гостинице. Пашаев отправился в советское консульство и доложил обо всем Лагорскому. Оба решили действовать совместно. В тот же вечер один

из агентов ГПУ, некто Колтухчев, заведующий советским клубом в Мешеде, вооруженный револьвером «наган» прокрался на балкон гостиницы, где остановились беглецы и намеревался выстрелом через окно прикончить их. Однако, и тут нас постигла неудача. Охранявшие Бажанова и Максимова агенты персидской полиции схватили Колтухчева, арестовали и, обнаружив у него наган, препроводили в тюрьму. В тюрьме он признался, что убийство ему было поручено ГПУ. Встревоженные персы, опасаясь вторичного покушения, перевели беглецов из гостиницы в полицейское управление, где охрана была надежнее. Тем временем из Асхабада были специально присланы шесть человек с поручением во что бы то ни стало прикончить беглецов.

В таком положении я застал дело по приезде в Мешед.

На следующий день, я, как атташе посольства, сделал с консулом визит губернатору, с которым мы были знакомы еще в Керманшахе. Свой приезд я объяснил недоразумениями в деле вывоза персидских товаров в СССР и необходимостью расследовать этот вопрос. Однако, губернатор, как, впрочем, и вся персидская администрация, прекрасно знали о занимаемом мною положении и немедленно приняли соответствующие меры. Когда я, выехав из губернаторского дома, намеренно проехал мимо полицейского управления, то нашел его густо окруженным полицейскими чинами. Видя настороженность персидских властей, я решил дать им немного успокоиться. Консулу и местному резиденту ГПУ я предложил пока ничего не предпринимать, а присланных из Асхабада людей отослать обратно в СССР.

Прошло несколько дней. За это время мы старались выяснить, что собираются персы делать с беглецами, и связались с нашим агентом, арестованным персами и помещенным в полицейском участке, где сидели Бажанов и Максимов. Затем был выработан следующий план: — решили переслать через надежную

связь порцию цианистого калия нашему арестованному агенту, который затем должен был найти возможность в тюрьме угостить им Бажанова и Максимова. Однако, в тот же день из Москвы пришла телеграмма, отменявшая приказ о «ликвидации» и предлагавшая мне произвести ревизию мешедской резидентуры ГПУ. Выяснилось, что Бажанов по своей работе в Москве, никаких особенных тайн не знал, и, стало быть, его разоблачения не могли представлять опасности...

При ревизии оказалось, что Лагорский в течение 8-ми месяцев не вел абсолютно никакой работы, растерял всю агентурную сеть и дошел до того в своем бездействии, что даже не отчитывался перед Москвой в денежных суммах.

Пользуясь пребыванием в Мешеде, я решил съездить в Асхабад для разрешения некоторых вопросов, связанных с пограничной разведкой. В Асхабаде я имел с Каруцким долгую беседу. Прежде всего, конечно, мы обсудили дело Бажанова и Максимова. Я сообщил о распоряжении Москвы и сказал, что больше этим делом не интересуюсь. Но Каруцкий показал свежую телеграмму от Бельского из Ташкента, где предлагалось, вопреки распоряжению Москвы, во что бы то ни стало довести дело до конца. На мой отказ предоставить для выполнения этого приказа силы мешедской резидентуры, он рассказал мне свой секрет.

Видя полную бездеятельность Лагорского и пользуясь ею, Каруцкий организовал в Хоросане собственную агентуру, которая, по его словам, осведомляет его о деятельности англичан в Хоросане лучше, чем это делал Лагорский из Мешеда. Для посылки агентов он использовал следующий способ. Снабжая агента ложными сведениями, он пропускал его в Персию, куда тот являлся в качестве перебежчика. В Мешеде «перебежчик» связывался с эмиграцией и, по ее рекомендации, устанавливал сношения с тогдашним атташе в Мешеде майором Уйлером.

Уйлер, вербуя агентов ГПУ, посылал их обратно в Туркестан за сбором интересовавших его сведений.

Таким образом, как передавал Каруцкий, вся агентурная сеть английского атташе фактически состояла из агентов ГПУ. Но этого было мало. Каруцкий завербовал в ГПУ сына одного из известнейших агентов в Мешеде, туркмена Джабар, и получал от него все сведения, какие отец доставал для англичан.

В способах своей работы Каруцкий не стеснялся. Англичане посадили в Людфабаде перса, который рассылал оттуда агентов по всей территории советского Туркестана. Каруцкий, переодев группу пограничных красноармейцев в туркменскую одежду, велел им перейти границу и доставить ему этого агента живым. Ночью переодетые красноармейцы перешли границу, захватили английского агента в постели, завернули его в простыню и, избив до полусмерти, привезли в Асхабадское ГПУ. Сейчас он сидит в подвале ГПУ, но Каруцкий не может допросить его, так как не имеет переводчика, знающего персидский язык. Воспользовавшись моим приездом, он просил меня помочь ему в допросе. Я согласился. Каруцкий велел привести арестованного. Допрашивали мы его в течение часа. Он сознался, что был связан с персидской полицией, но связь с англичанами отрицал. После допроса Каруцкий водворил его обратно в тюрьму, но, по дальнейшим моим сведениям, он затем был освобожден и отправлен в Персию, откуда должен был давать сведения для Асхабадского ГПУ.

Вернувшись из Асхабада в Мешед, я узнал, что Бажанов и Максимов отправлены персидскими властями в сторону Дуздаба, на индийскую границу. С первым аэропланом я вернулся в Тегеран.

Дело Бажанова, однако, этим не кончилось. Ташкентское ГПУ телеграфно просило полпреда Давтьяна оказать содействие в убийстве Бажанова. Советский консул в Сейстане Платт тем временем сообщил, что Бажанов и Максимов поселились в Дуздабе и что, если нужно принять меры к их «ликвидации», то он имеет в своем распоряжении все нужные средства.

Бельский, полпред ГПУ в Ташкенте, послал Платту 5 тысяч долларов на расходы, необходимые для убийства Бажанова. Советский консул в Сеистане немедленно выехал в Дуздаб для личного руководства убийством. Однако, ничего ему не удалось, так как его приезд в Дуздаб и появление в консульском автомобиле близ дома, где проживали беглецы, заставили персидское правительство скорее отправить беглецов в Индию. Они оба теперь благополучно проживают в Париже . . .

ГЛАВА XV

Организация ОГПУ в южной Персии

В Тегеране я нашел почту из Москвы с приказом приступить к чистке всех советских учреждений в Персии. Тут же прилагался список лиц, подлежавших увольнению. Список состоял приблизительно из 100 человек и был составлен в ГПУ на основании агентурных донесений моего предшественника. Сведения были совершенно непроверены, и среди лиц, которых предстояло выбросить на улицу, находились люди абсолютно преданные советской власти или же относившиеся к ней вполне лойяльно и честно выполнявшие свою работу. Я сообщил в Москву о своих соображениях, но получил ответ, что список уже утвержден Центральным Комитетом партии и потому никаким изменениям не подлежит.

Насколько небрежно был составлен список, можно судить по тому, что в него попали некоторые из моих секретных агентов и, наконец, люди, которые никогда у нас не работали, но служили у частных персидских лиц. Для производства «чистки» была образована комиссия в составе советника посольства Логановского, генерального консулаВаймана, секретаря партийной ячейки Цейтлина и моего помощника Макарьяна. Чистка началась в феврале 1928 года и продолжалась три месяца. Многие из уволенных вернулись в СССР, но часть не пожелала ехать и начала обосновываться

в Персии. Это были первые ласточки «невозвращенства» — движения, которое затем быстро начало разрастаться и которое, благодаря диктаторским и бюрократическим мерам управления в СССР, несомненно в ближайшем будущем примет широкие размеры.

*
* *

Перехватывание иностранной дипломатической почты в Тегеране тем временем все более развивалось. Мы получали уже не только почту, которую отправляли иностранные миссии из Тегерана, но и почту, которая приходила в Тегеран. Количество доставляемых пакетов доходило в месяц до 500—600 штук. Оплату агентам, доставлявшим нужную почту, мы производили поштучно — по 2 доллара за английские и персидские пакеты и по 1 доллару за остальные. Для экономии времени, мы стали фотографировать почту аппаратом системы Лейтц, присланным из Москвы. Лента аппарата вмещала 36 снимков. Ленты отправлялись в Москву в непроявленном виде, чтобы в случае, если оне будут обнаружены по дороге и вскрыты, снимки могли сами самой уничтожиться.

Организационную работу на севере и западе Персии я считал законченной. Мне оставалоь организовать работу ГПУ на юге Персии и в Индии. Для этой цели в марте 1928 года я выехал из Тегерана на юг Персии по маршруту: Тегеран—Исфагань—Шираз—Бендер-Бушир—Авхаз—Султан—Абад—Тегеран. На всем юге у нас совершенно отсутствовала агентура ГПУ и нужно было строить ее заново. Кроме того, после 6-го конгресса Коминтерна и недавних решений ЦК ВКП на эти районы было обращено особенное внимание. Нужно было в случае нападения империалистических держав на СССР, использовать здесь агентуру в целях организации восстаний и разведки. Задача заключалась в изучении племен южных провинций и в вербовке влиятельных вождей, которых в

случае войны можно было бы подкупить и направить против англичан на дезорганизацию военного тыла и разрушения нефтяных промыслов Англо-Першен Ойль Ко и подъездных путей к ним. Это было основной задачей. Разрушив нефтяную базу англичан на юге Персии, мы существенно затрудняли снабжение нефтью британского флота.

Кроме того, нас беспокоили переговоры о заключении англо-персидского договора. Правда, переговоры находились в затяжном состоянии, но нужно было торопиться, чтобы помешать их успешному завершению. Отношения между Персией и Англией несколько обострились в связи с претензиями персов на остров Бахрейн в Персидском заливе, объявивший себя под покровительством Англии. Между англичанами и персами стояли в то время и другие неразрешенные вопросы: 1. вопрос о признании Ирака Персией; 2. о разрешении английскому воздушному флоту перелета через персидскую территорию в Индию с установкой аэродромов и складов на персидской территории; и, наконец, 3. вопрос о продлении концессий англо-персидской нефтяной компании и Империаль Банка в Персии, выпускавшего персидские кредитные билеты. Эти вопросы выдвигала персидская сторона. Англичане, в свою очередь ставили вопрос о персидском долге Великобритании и о возмещении расходов, произведенных англичанами во время оккупации Персии в 1918 году.

Персы желали получить обратно остров Бахрейн. За признание Ирака они требовали привиллегий для своих подданных в этой стране, где они насчитываются сотнями тысяч, и присоединения куска территории в районе Ханикена, где англичанами недавно были обнаружены нефтяные месторождения. По вопросу о продлении нефтяной концессии, персы хотели увеличить получаемый казной процент с прибыли (до того времени персидское правительство получало 16% с прибылей компании). Концессию же банка персы желали совершенно ликвидировать и, организовав свой

собственный государственный банк, передать ему функции и доходы английского банка.

Между прочим, министр двора Теймурташ подробно излагал тогда план аннулирования эмиссионных операций англо-банка. Для этого персидское правительство хотело приступить к выпуску казначейских билетов, которые вытеснили бы английские банкноты.

Переговоры вел английский посол в Тегеране Клайв и персидский министр двора Теймурташ. Некоторые вопросы разрешались в Лондоне, между тамошним персидским послом и Форейн-Оффисом. О переговорах в Тегеране мы были в курсе, благодаря откровенным беседам Теймурташа с советским послом и получаемой из Москвы документальной информации, почерпнутой из докладов Клайва. О лондонских переговорах мы знали из перехватываемых телеграмм персидского посла в Лондоне и его донесений в Министерство Иностранных Дел Персии.

Советское посольство в Тегеране, естественно, оказывало всяческое давление на персов, чтобы помешать соглашению с англичанами. Давтьян указывал, что о. Бахрейн явится морской базой англичан в случае столкновения Англии с Персией; что с устройством английских авио-площадок и складов для нефтепродуктов, фактически вся южная Персия перейдет под влияние Англии, что, наконец, бессмысленно отдавать концессии англичанам в Южной Персии за гроши, когда советская Россия, взявшая концессию на семнанскую нефть, платит персам треть своих доходов. В это время началось восстание племени луров на юго-западе Персии и белуджей под предводительством белуджского вождя Дост-Магомет-хана. Советский посол доказывал Теймурташу, что восстание организовано англичанами с целью оказать давление на персидское правительство и вынудить на подписание договора.

Во время поездки на юг Персии, я должен был изучить все эти вопросы на месте.

Выехал я на юг с двумя агрономами, специалиста-

ми по хлопку: один ехал с научной целью, а другой для инструктирования провинциальных отделений Хлопкома. Первой нашей остановкой был Кум.

Это священный персидский город, центр персидского духовенства, находившегося в оппозиции к правительству за проводимые светские реформы. По сведениям ГПУ, Кумское духовенство поддерживало связь с духовенством священных городов Неджафа и Кербалы в Ираке. Работа в Куме представляла поэтому для ГПУ существенный интерес. Ее вел местный агент Хлопкома и, надо сказать, весьма умело. Благодаря прекрасному знанию персидского языка и большим деловым связям, он глубоко проник в жизнь местного духовенства. Поручив ему продолжать работу по наблюдению за духовенством и за разростающимся восстанием луров, мы выехали дальше в Исфагань.

Поехали мы не прямо, а по старой окольной дороге через Кашан. Этот город, когда-то торговый центр средней Персии, постепенно вымирает, вследствие отсутствия воды и множества знаменитых кашанских скорпионов. Жизнь поддерживается исключительно ковровым производством. Не найдя ничего интересного в этом городе, мы переночевали и на следующее утро продолжали путь.

Советским консулом в Исфагани был мой старый знакомый Кржеминский, переведенный сюда из Мешеда. Работу ГПУ вел один из агентов Бюроперса Струдзюмов. Он, собственно, ничего еще не сделал, так как только что приехал в Исфагань, был слишком молод и неопытен. Единственным информатором ГПУ в Исфагани был сотрудник советского банка Челидзе. Грузин по национальности, он сумел близко сойтись с грузинской колонией, расположенной в местечке Феридан и насчитывающей около 3-х тысяч человек. Главари колонии были связаны с вождями соседних племен, в частности с бахтиарскими племенами. Челидзе использовал эти связи и накопил довольно богатый информационный материал.

Исфагань интересовала нас, как центр, к которому тяготели бахтиарские племена, наиболее сильные и смелые в Персии, всегда игравшие большую роль в ее истории.

Работу в Исфагани я распределил следующим образом: консулу Кржеминскому поручил изучение племен и установление связи с их вождями, а Струдзюмову — организацию агентуры для всестороннего освещания жизни в городе Исфагани.

Из Исфагани мы проехали в Шираз, где советским консулом был Батманов. Батманов до того был консулом в Авхазе, присылал нам оттуда информационный материал и, получив назначение в Шираз, претендовал на звание представителя ГПУ в этом районе.

Такое желание было вызвано отнюдь не страстью к нашей работе. Представительство ГПУ давало ему возможность получать деньги, дополнительные ассигновки и освобождало от присутствия специального нашего представителя, который, освещая район, одновременно сообщал бы нам и о деятельности самого консула. Секретарем консульства был некто Эйнгорн, бывший сотрудник Туркестанского ГПУ, работавший в 1923 году вместе со мной в Ташкенте. Наконец, в Ширазе же находился один из моих тегеранских агентов Ергемлидзе, командированный сюда в качестве сотрудника вновь организованного отделения торгового общества «Шарк». Информационная работа консульства никуда не годилась. Единственное, что заслуживало внимание, это перехват переписки местного отдела англо-персидской нефтяной компании с центром. Настолько слабо была поставлена информационная работа, что о волнениях в Ширазе в конце 1927 и начале 1928 года мы сначала подробно узнавали из перехваченных донесений английского консула в Ширазе и лишь после этого получали общие сведения от нашего консула. Работу ГПУ я поручил секретарю консульства Эйнгорну, научив его одновре-

менно способу вскрывания пакетов, и выехал дальше в Бендер-Бушир.

С нами поехал также Эйнгорн. По дороге в Бушир мы остановились в городе Казеруне, где посетили местного помещика Сардар Низама, информатора советского консульства. Переночевав у него, мы на следующий день приехали в Бендер-Бушир.

В Бушире я получил телеграмму от полпреда Давтьяна с сообщением, что в Луристане неизвестными убит командующий войсками. Давтьян просит меня не ехать в этот район, дабы не дать персам возможности говорить о возможном нашем участии в этом убийстве. Опасаясь, что такие разговоры могут вызвать политические осложнения, он настаивает на моем возвращении в Тегеран.

В Бендер-Бушире мы пробыли несколько дне. За это время я изучил вопрос нелегального проезда и контрабандного провоза товаров из Бушира в соседние страны. Это было нужно для подготовки возможности тайной переброски людей из Персии в Индию и Ирак. Работу в Бендер-Буширском районе я также поручил Эйнгорну.

Вернувшись в Шираз, мы проехали в Иезд. Иездские жители занимаются производством шелковых тканей. Оказалось, что нитки для выработки тканей привозятся, главным образом, из Бомбея, где иездское купечество имеет отделения своих контор. Мы тотчас выработали план вербовки иездских крупных купцов, через которых можно было бы посылать агентов ГПУ в Бомбей, под видом торговых служащих. Осуществление плана я поручил представителю общества «Шарк» в Иезде, Иванову.

Из Иезда, через Исфагань, мы вернулись в Тегеран. Послав в Москву обстоятельный доклад о поездке на юг Персии и о возможностях, которые там открываются, я просил, в виду более, чем годичного пребывания в Персии, разрешения выехать в Москву с личным докладом, а затем в отпуск.

В это время, т. е. в апреле 1928 года, в Тегеране загорелось здание советского банка. Пожар был быстро ликвидирован. Удалось вынести все ценное из банка, но, однако, при разборе бумаг оказалось, что из несгораемых шкафов банка исчезли акции банка, взятые у Хоштария, ценностью в полтора миллиона рублей. В пропаже акций заподозрели нескольких служащих банка. Председатель банка обвинял в краже секретаря Аралова, с которым у него были личные счеты. Для меня мотив обвинения был ясен: Аралов был агентом ГПУ и знал много о личной жизни председателя банка Мерца. Тем не менее, по требованию Мерца, секретарь банка был выслан в Москву, якобы с поручением, а вслед ему полетели телеграммы Давтьяна и председателя банка с просьбой арестовать его и допросить о пропаже хоштариевских акций. Однако, расследование раскрыло игру Мерца, и Давтьяну был объявлен выговор от Центральной Контрольной Комиссии.

В конце апреля я получил телеграмму от Трилиссера, разрешавшую мне выехать с докладом в Москву. 6 мая я уехал из Тегерана, оставив своим техническим заместителем Макарьяна и поручив наблюдение за ним советнику полпредства Логановскому.

Проездом в Москву, я остановился в Баку, где имел беседу с тогдашним заместителем председателя Азербейджанского Чека Морозом. Год спустя этот Мороз вместе с другими ответственными работниками ГПУ был приговорен к 7-ми годам тюремного заключения за то, что незаконно расстрелял бакинского рабочего в подвалах ГПУ. Убийство обнаружилось вследствие склоки, вспыхнувшей среди ответственных партийных работников бакинской организации.

Мороз очень интересовался Джаваховым, работой Братства Русской Правды в Персии и просил доложить об этом деле в Москве. Он сообщил, что по его инициативе на границе с Персией им посажены агенты ГПУ, с поручением играть роль повстанцев и

дезинформировать центр Братства Русской Правды. Эти же агенты вливаются в настоящие повстанческие отряды, оперирующие в районе Ардебиля, и дают возможность ГПУ настигать повстанцев и уничтожать их. Я обещал Морозу сделать доклад в Москве в Контрразведывательном отделении ГПУ и о результатах сообщить ему.

ГЛАВА XVI

Восточный сектор ОГПУ в Москве.

Приехав в Москву, я явился в тот же день к Трилиссеру и был принят очень приветливо. Вообще нужно сказать, он ко мне относился чрезвычайно хорошо и, будучи о моих способностях высокого мнения, всегда поручал мне наиболее рискованные дела по Иностранному отделу. Назначили день для доклада о положении дел в Персии и о дальнейших планах. Доклад состоялся через несколько дней в присутствии Трилиссера и начальника восточного сектора Триандофилова. Было решено признать работу в Персии удовлетворительной и принять меры для дальнейшего развития деятельности ГПУ в Индии и Ираке. Тут же была мною представлена смета на работу в этих странах, требовавшая ежемесячного расхода в 5 тысяч долларов. Смету утвердили. Трилиссер предложил мне двухмесячный отпуск, по окончании которого я должен был снова выехать в Персию.

После отпуска, проведенного в Туркестане, я вернулся в Москву. К этому времени, начали поступать на меня доносы от моего заместителя в Персии. Не обращая на них внимание, Трилиссер предложил мне готовиться к выезду. В начале августа пришла телеграмма из Тегерана, с сообщением, что агент № 3 (Орбельяни), которому велено выехать в Москву, не может выехать, так как растратил около двух тысяч долларов.

Начали выяснить подробности его биографии по анкетам и другим материалам, которые имелись в достаточном количестве, так как этот агент работал для ГПУ в течение пяти лет. Оказалось, что до работы у нас он работал в Английском банке в Персии, где также совершил растрату, подделал чек для покрытия растраты и был выгнан англичанами со службы.

Трилиссер предложил мне немедленно отправиться в Тегеран для расследования и улажения дела, так как существовала опасность, что Орбельяни, оставшись в Персии, может выдать всю известную ему агентуру.

Получив персидскую визу и купив железнодорожный билет, я собирался ехать, когда пришла новая телеграмма от полпреда Давтьяна с просьбой задержать меня в Москве. Давтьян приехал через неделю и сообщил, что в Тегеране поднялась против меня склока, руководимая секретарем ячейки Цейтлиным и поддерживаемая моим помощником. Давтьян поэтому считал, что было бы целесообразнее послать, вместо меня, другого резидента. Трилиссер вынужден был согласиться с ним, отменил мое назначение, но посылать нового резидента ГПУ отказался. Вызвав Триандофилова и меня, он сообщил, что решил организовать в Персии нелегальную резидентуру ГПУ, совершенно обособленную от полпредства и других советских организаций. Необходимо перейти на методы нелегальной работы возможно скорее, так как только таким способом работники ГПУ могут быть избавлены от тех склок, которые неизбежно возникают во всех заграничных учреждениях. Нелегальным резидентом в Персию должен был ехать начальник Восточного сектора Триандофилов. Ему придавалось несколько помощников. При полпредстве оставлялся официальный представитель ГПУ для облегчения связи нелегального резидента с Москвой и для маскировки нелегальной резидентуры. На эту должность, по моей рекомендации, наметили секретаря Керманшахского консульства Алхазова. Моего помощника Макарьяна решено было немедленно отозвать из Тегерана. Мне

же поручили помочь Триандофилову подготовиться к выезду в Персию и после его отъезда принять в заведывание Восточный сектор.

Опасения относительно Орбельяни не оправдались. После настойчивых требований, он приехал, наконец, в Москву и, уволенный за растрату из Иностранного Отдела, поступил на работу в Восточный отдел ГПУ, где находится и поныне...

После четырехлетнего пребывания заграницей, я вновь вернулся на работу в Центральный аппарат Иностраного Отдела ГПУ. Восточный сектор предоставляет соединение двух отделов: Восточного — руководящего работой на всем Ближнем и Среднем Востоке, и Англо-американского, руководящего работой в Англии и Америке. Соединение было произведено потому, что в работе на Востоке всегда приходилось сталкиваться с англичанами, а потому необходимо было находиться в курсе дел английской метрополии. Америка же была дана английскому сектору, как страна, родственная Англии, в которой еще не была развернута настоящая работа.

До меня Восточным сектором руководил Триандофилов, с которым я работал в 1921 году, а англоамериканским ведал некто Мельцер. Триандофилов, по национальности грек, член партии с 1917 года, идейный коммунист, пользовался колоссальным авторитетом в партийной среде, но больше вел партийную, чем чекистскую работу. Человек умный и сообразительный, он, хотя не имел практического опыта в разведывательной работе, однако, справлялся с ней довольно успешно, придумывая всевозможные хитроумные комбинации. Так, например, им была выдвинута идея использования для работы ГПУ армянского духовенства. Идея организации работы в арабских странах для поднятия восстаний в тылу у англичан, также принадлежала ему и т. д.

Мельцер, бывший до 1925 года резидентом ГПУ в Персии и работавший там под фамилией Борисовского, затем был под той же фамилией переведен в

Берлин. Несмотря на то, что он кончил академию Генерального Штаба, он был глуп и несообразителен до невероятности, но глупость свою оправдывал якобы нервной болезнью, развившейся на почве работы в ГПУ. По натуре же был шкурник и карьерист, каких трудно сыскать. Человек абсолютно безидейный, он всегда стоял на стороне сильных, как на службе, так и в партии. Прочтя утром передовицу газеты «Правда» и зарядившись на целый день высказанными там очередными мыслями, он разносил их по коридорам ГПУ, выдавая за свои. На службе, выслушивая соображения подчиненных по тому или иному вопросу, он немедленно докладывал их по начальству, также выдавая за свои. Материально он был вполне устроен, так как за время пребывания в Персии и Германии, сумел на долгие годы обеспечить себя всем необходимым.

Охарактеризую вкратце других сотрудников сектора.

Риольф, старый член партии, простой рабочий, выдвиженец, присланный для обучения в ГПУ. Как свежий человек, он с отвращением относился к методам провокации, которым пользовались в Иностранном отделе. Руководил он работой по Афганистану.

Кеворкьян, армянин по национальности, был исключен из партии в 1921 году за несогласие с новой экономической политикой. В 1923 году его командировали в Восточный институт в Москву, по окончании которого приняли на работу в ГПУ. Молодой парень, лет 24, он прекрасно разбирался во взаимоотношениях кавказских национальных партий: меньшевиков, дашнаков, муссаватистов, горцев и проч., и руководил работой по борьбе с ними в течение двух лет. Будучи политически вполне грамотным, он, однако, не имел собственной твердой платформы и колебался то влево к Троцкому, то вправо к Бухарину. Несдержанный по натуре, он часто вслух высказывал сомнения по поводу партийной линии, за что был причислен начальством к числу «неустойчивых». На заграничную работу его поэтому пускать не решались.

Эйнгорн, еврей, лет 28-и, член партии с 1918 года,

старый партийный работник, имел большие личные связи в партии. До ГПУ, где служил недавно, он участвовал долгое время в подпольной работе Коминтерна в Германии, Австрии и Польше. Он больше интересовался партийными делами, чем прямой службой. Руководя работой в Персии и Индии, он порученного ему дела не знал. Зато от него мы узнавали интимную сторону жизни руководителей партии и все новости, которые не опубликовывались.

Аксельрод, еврей, 30 лет от роду, работал до 1927 года в Наркоминделе, откуда был командирован в Иемен, Геджас и провел там пять лет. Окончив Восточный институт и имея пятилетнюю практику в Аравии, он считался в СССР одним из лучших знатоков арабского языка. Кроме арабского, он владел также немецким, французским, итальянским и английским. Одновременно с работой в ГПУ, занимался журналистикой и состоял членом общества востоковедения. Не имея практического стажа по работе в ГПУ, если не считать Аравии, где он вел разведку добровольно, он не пользовался большим авторитетом в секторе. Руководил он работой ГПУ в арабских странах, где, собственно, еще не было ничего организовано. Вся деятельность его пока заключалась в переводе на русский язык арабских материалов и их обработке.

Работой по Турции руководил сам Триандофилов, считавший себя специалистом по Турции, так как в свое время проработал там около года.

Делопроизводительница Бортновская, жена заместителя начальника разведупра Бортновского, вела техническую работу сектора. От нея мы узнавали новости из Разведупра, где она имела массу друзей.

Приняв сектор, я занялся подготовкой Триандофилова к организации нелегальной резидентуры в Персии и разработкой задач, которые перед ней стояли.

Однажды меня вызвал Трилиссер и спросил — знаю ли я, кто такой Мясников. Я сказал, что лично его не знаю, но слышал, что он является одним из активных членов так называемой «рабочей оппозиции».

Трилиссер рассказал мне следующее: Мясников за свою оппозиционную деятельность был выслан на Кавказ, затем переведен в советскую Армению и работал там в Эривани в финансовом ведомстве. После октябрьских торжеств администрация финансового управления заметила, что Мясников перестал являться на службу, и сообщила об этом в армянское ГПУ. Начались розыски. Выяснилось, что Мясников бежал через пограничный пункт Джульфу в Персию. Ныне, по сведениям Тифлисского отдела ГПУ, Мясников находится в Тавризе, где, по распоряжению персидских властей, его арестовали и содержат в местном полицейском управлении. Центральный Комитет партии отдал распоряжение во что бы то ни стало вывести Мясникова из Персии и доставить живым в Москву. Приказ велено выполнить Тифлисскому ГПУ, однако, он, Трилиссер, сомневается, что тифлисские чекисты сумеют это сделать, и просит меня помочь им. В Москве находится председатель Грузинского Чека Берия, с которым он уже сговорился о моем участии. Я же, связавшись с Берия и условившись о деталях, должен немедленно выехать в Тифлис и дальше в Персию для выполнения поручения. Трилиссер несколько раз подчеркнул, что Мясникова нужно доставить во что бы то ни стало живым. Получив приказ, я в тот же день встретился с Берия в гостиннице «Селект», и на следующий день мы вместе выехали в Тифлис.

Берия я знал раньше, но мало. За трехдневное совместное путешествие мне пришлось познакомиться с ним ближе. В Тифлисе, будучи председателем Грузчека, он одновременно занимал должности заместителя полномочного представителя ОГПУ в Закавказье и народного комиссара внутренних дел Грузии. В аппарате ГПУ о нем ходили целые легенды. Он с 1922 года выживал всех полномочных представителей ГПУ, которые по тем или другим причинам восставали против него. Как раз перед своим приездом в Москву, он подрался с полномочным представителем

ГПУ в Закавказье Павлуновским, имевшим колоссальное влияние в Москве и, несмотря на его могущественные связи, добился его отозвания из Тифлиса и назначения на его место некоего Кауля, совершенно бесцветной фигуры. Конечно, Берия мог держаться так долго на своем посту не благодаря личным способностям, а вследствие личной близости к Орджоникидзе, нынешнему председателю ЦКК и РКИ.

В дороге мы беседовали исключительно на партийные темы, так как в то время только что обнаружились первые попытки правых уклонистов выступить против Центрального Комитета. Полагая, что такой крупный работник, как Берия, получавший по положению все стенографические отчеты Политбюро для ознакомления, должен хорошо разбираться в вопросах партийной и внутренней политики, я заговорил с ним на эти темы, но оказалось, что это политически абсолютно безграмотный человек: он интересовался тифлисскими уличными происшествиями больше, чем событиями всесоюзного масштаба.

Приехали мы в Тифлис вечером и в ту же ночь, в 11 часов, созвали совещание по делу об увозе Мясникова из Персии. На заседании присутствовали: полномочный представитель ГПУ в Закавказье Кауль, сам Берия, начальник секретно-оперативной части ГПУ Лордкипанидзе и я. Остановлюсь на характеристике Лордкипанидзе.

В 1925 году он работал в Иностранном отделе ГПУ в Москве и был командирован в Париж для ведения работы среди грузинских меньшевиков. Тогда, после восстания в Грузии в 1924 году, эта работа носила ударный характер. Кипанидзе пробыл в Париже около 9-ти месяцев, организовал кое-какую агентуру, но не мог наладить правильной работы вследствие отсутствия политического опыта и кругозора. Кроме того, были сведения, что в Париже его расшифровали, и тем самым миссия его потеряла смысл. Его отозвали в Москву и командировали в Тифлис. Очень горячий по натуре, быстро увлекающийся, он

вечно предлагал ГПУ фантастические планы, от которых сам же через некоторое время открещивался.

Наше ночное заседание открыл Кауль, сообщивший, что Мясников находится в Тавризе и сидит в полицейском участке под строгой охраной персидской полиции. В помощь Минасьяну, резиденту ГПУ в Тавризе, послан из Тифлиса начальник Иностранного отделения ГПУ — Гульбис, с поручением принять меры для увоза Мясникова. Однако, принятые им меры пока ни к чему не привели. Необходимо выработать новый план.

Лордкипанидзе предложил организовать вооруженное нападение на тавризскую полицию, и, силой захватив Мясникова, увести его на автомобиле в СССР. На поставленный мною вопрос, пропустят ли автомобиль через границу персидские войска, он ответил, что для отвлечения внимания войск можно к этому времени завязать перестрелку между советскими и персидскими пограничниками. Берия сначала поддерживал геройский проект Кипанидзе, но время было позднее, его начинало клонить ко сну, и боеспособность его быстро падала. Мы обсудили все возможности, вплоть до подкупа начальника полиции Тавриза, который в то время приехал на лечение в Тифлис. Кауль и я молчали, слушая других. Наконец, когда спросили мое мнение, я ответил, что затрудняюсь, что либо сказать и предпочитаю выехать на место в Тавриз, где будет виднее, что можно предпринять и чего нельзя. Для этого мне нужен какой нибудь паспорт, с которым я мог бы незаметно пробраться в Персию. Заседание продолжалось до 4-х часов утра и тянулось бы дальше, если бы Кауля не вызвали к прямому проводу из Москвы. Кауль отлучился и, вернувшись с провода, сообщил, что Москва приказывает оставить Мясникова в покое. Все предыдущие распоряжения отменялись.

Мне ничего не оставалось, как выспаться и на следующий день выехать обратно в Москву. Впоследствии Мясников, выпущенный персидской полицией,

несколько раз сам обращался в советское консульство в Тавризе с просьбой разрешить ему вернуться в СССР. Однако, Москва учла, что своим бегством Мясников существенно подорвал тот авторитет, какой он имел среди небольшой группы приверженцев, и отказала ему в разрешении. Пусть продолжает сидеть заграницей. Мясников из Персии порбрался в Париж, где, кажется, сейчас и находится.

К моему возвращению в Москву вопрос об отъезде Триандофилова в Персию решился окончательно. Я принял дела всего Восточного сектора и начал руководить работой ГПУ на Ближнем и Среднем Востоке.

В дальнейшем я буду вести рассказ по странам, где мы работали непосредственно, но коснусь также и стран, с работой в которых нам приходилось сталкиваться по ходу нашей собственной работы.

Прежде чем приступись к этой части рассказа, я должен отметить, что находясь в Афганистане и Персии, я часто получал из Москвы подробные сведения о той стране, где работал. Так, будучи в Кабуле, я получал из Московского ГПУ подробную информацию о состоянии нашего воздушного флота в Афганистане (с такими, например, подробностями, как число и время полетов наших аэропланов над Кабулом), о передвижении иностранцев в Афганистане, о настроении племен Южного Афганистана и т. д. и т. д.

В Персию мне Москва присылала сведения о ходе переговоров англичан с персами и т. д.

Получая эти материалы, я в то время не знал, насколько они достоверны и откуда исходят. По приезде же в Москву и принятии руководства Восточным сектором, я узнал, что эти сведения черпались из докладов английских послов и военных атташе в Персии и Афганистане, при чем доклады получались ГПУ в фотографированном виде из европейского источника. В дальнейшем рассказе я буду приводить приблизительные тексты этих докладов английских послов. Приблизительные потому, что, к сожалению, копий у меня нет сейчас под рукой.

ГЛАВА XVII

Советская военная интервенция в Афганистане

После моего отъезда из Афганистана в 1926 году, моим преемником был назначен Скижали Вейс, работавший до того в Ташкенте. Он поехал в Афганистан на должность атташе полпредства, под фамилией Шмидта. Помощником к нему был придан некто Очаковский, работавший до того в Восточном отделе ОГПУ в Москве. Шмидт был моим преемником во всех отношениях: он не только принял всю агентуру, организованную мною, но так же, как я, продолжал борьбу с полпредом Старком. Борьба приняла при нем еще более резкий характер. Полпред Старк, не довольствуясь двумя женами, завел третью — жену шифровальщика полпредства Матвеева. На этой почве произошел скандал, закончившийся самоубийством первой жены Старка и выездом в Москву второй жены, Булановой, которая должна была к тому времени иметь ребенка от Старка. Старк остался в Кабуле благополучно проживать с третьей женой, Матвеевой. Склока дошла до того, что Москва послала в Кабул члена ЦКК Филлера для расследования дела. Филлер, разобрав склоку, постановил снять с работы Старка и Шмидта. Но Шмидт выехал в Москву, оставив своим заместителем Очаковского, а Старк продолжал сидеть в Кабуле.

Отъезд Шмидта произошел как раз в то время, когда в Кабуле ожидались грозные события. На юге

Афганистана восставшие племена упорно стремились к Кабулу. Афганскай эмир вынужден был бросить все войска в бой, чтобы задержать наступление. На севере Афганистана свирепствовал повстанческий вождь Бача-Саккау, отряды которого численно разростались. Положение Амануллы-хана становилось крайне затруднительным.

Москва тем временем обсуждала принципиальные вопросы и не знала, что делать. Необходимо было выяснить, какова позиция Амануллы по отношению к СССР после его поездки по Европе, что из себя представляет восстание южных племен, кем оно поддерживается, наконец, каковы планы Бача-Саккау, какова его политическая программа и настроения каких слоев афганского населения она отражает. Всех этих вопросов Кабульская резидентура не могла осветить, так как сама сошла на нет после отъезда Шмидта и разрыва связи. Приходилось разрешать эти важные вопросы по имевшимся в ГПУ иностранным материалам, в частности по докладам английского посольства в Кабуле Форейн Оффису... ГПУ искало во всех афганских событиях прежде всего руку англичан. Было приказано изучить все служебные доклады английского посольства в Кабуле и выяснить по ним, предвидели ли англичане эти события, и что заставляет их поддерживать повстанческое движение.

Весной 1928 года, Аманулла выехал из Кабула в путешествие по Европе. Одновременно с ним выехал в Индию и дальше в Англию английский посланник в Кабуле Хемфрис. Летом 1928 года поверенный в делах Англии в Кабуле писал Форейн Оффису, что экономическое положение Афганистана сильно ухудшается. С увеличением таможенных пошлин и с введением новой денежной системы началось обнищание населения. Цены на предметы потребления поднимаются, в населении растет недовольство правительством. Если Аманулла-хан продлит еще на несколько месяцев свое путешествие, указывал британский поверенный в делах, то в стране может появиться претендент на пре-

стол, который постарается взять в свои руки правление до приезда Амануллы. Британский поверенный в делах перечислял всех возможных претендентов на престол и их шансы. Говоря о родовитых фамилиях, Надир-хане, Мамад-Умархане и других, он не исключал предположения, что может появиться и какой нибудь никому неизвестный претендент, ибо Афганистан всегда был страной неожиданностей (с его точки зрения). Естественно, заключал он, советская власть поддержит такого неизвестного пролетария для внедрения советской власти в Афганистане.

Из этого доклада мы сделали вывод, что англичане предвидели восстание в Афганистане. В нашем распоряжении, кроме того, имелся отчет о приезде Амануллы-хана в Лондон, о беседах, которые он имел с тогдашним министром иностранных дел Чемберленом, и о переговорах афганского посланника в Лондоне с Министерством Иностранных дел. Этот отчет был послан Форейн-Оффисом в Кабул для того, чтобы ввести в курс дела тамошнее посольство на случай дальнейших переговоров по этим вопросам. В отчете текстуально приводились беседы Амануллы-хана с Чемберленом. Касаясь вопроса о племенах на независимой территории северо-западной Индии, Аманулла говорил, что, по его сведениям, англичане усиленно укрепляют этот район и постепенно подчиняют проживающие там племена. Он, повидимому, намекал, что эта территория до сих пор является спорной, и Афганистан в ней так же заинтересован, как и Англия. Чемберлен резко отвел вопрос, заявив, что говорить на эту тему надо не с ним, но с индийским правительством, и дав понять Аманулле, что с точки зрения Лондона вопрос о независимых племенах является не внешним, а внутренним делом Индии. Аманулла вынужден был согласиться и, таким образом, в первой же беседе сдал свои позиции, забыв о том, что независимые племена всегда являлись надежной охраной независимости Афганистана. Дальше переговоры затрагивали технические темы, в роде посылки афганской молодежи в

английские военные школы и проч. Наконец, афганцы подняли вопрос о снабжении Афганистана оружием, при чем указывали, что Англии выгодно вооружение и усиление Афганистана, так как Афганистан является естественным буфером между советской Россией и Индией. Вопрос об оружии был передан на рассмотрение Министерства Иностранных дел.

Аманулла-хан, осмотрев Европу, поехал в СССР. Советское правительство из кожи лезло, чтобы его обработать. Оказывавшиеся ему почести создавали невыгодное впечатление среди коммунистов рабочих, считавших неуместным чествование самодержавного монарха в советской социалистической стране. ГПУ пристроило к свите Амануллы-хана своих агентов, следивших за каждым шагом эмира и его свиты. В числе агентов был сын генерала Самойлова, устроенный лакеем при Аманулле-хане и доносивший в ГПУ о всем слышанном. Афганцы не стеснялись вести при нем разговоры, так как считали, что он не знает персидского языка. По их разговорам было видно, что пребывание в СССР их не очаровало.

Все эти сведения давали опасение полагать, что Аманулла, во время пребывания в Европе, изменил отношение к советам и склоняется в сторону западной ориентации.

Из СССР Аманулла поехал в Турцию, сопровождаемый представителем Разведупра, бывшим военным атташе в Кабуле Ринком, а из Турции, прямо через Кавказ, выехал в Афганистан. Проезд свиты Амануллы через Туркестан обошелся не без казусов. Два чемодана личного багажа Амануллы, в которых, по предположениям ГПУ, должна была находиться его канцелярия, исчезли. Однако, при вскрытии чемоданов, там оказались личные вещи Амануллы . . .

Вернувшись в Кабул, Аманулла немедленно созвал большую Джиргу (национальное собрание), которое должно было провести в жизнь все те «европейские» реформы, о которых в свое время писали газеты. При въезде в Кабул, Аманулла был встречен депутацией от

независимых племен, которая после приветствия немедленно спросила, как он разрешил вопрос об их территории в Лондоне. Аманулла не дал никакого ответа и отпустил делегацию ни с чем. Это был первый поворот в настроениях против Амануллы. Созвав Джиргу, Аманулла насильно заставил делегатов одеться в европейское платье и предложил им санкционировать привезенные из Европы реформы. Результаты Джирги окончательно восстановили против Амануллы афганские племена, понявшие, что эмир не только не защищал в Европе их территориальных прав, но намерен переменить коренным образом весь их быт и веру. Эти настроения вызвали восстание племен Шинвари и Хугияни на юге Афганистана, и этими же настроениями объяснялось вялое сопротивление, которое оказывали повстанцам войска Амануллы.

В разгаре борьбы Афганского правительства с повстанцами на юге, к северу от Кабула, в Кухистане, появился Бача-Саккау, сын Кабульского водовоза, дезертир афганской армии. Отряды его быстро начали обростать приверженцами. Пользуясь отсутствием войск в Кабуле, он произвел удачный налет на столицу и, после трехдневного боя, овладел городом. Аманулла успел бежать в Кандагар, ища поддержки у племени Дурани, из которого сам происходит. Бача-Саккау, заняв Кабул и кабульскую крепость-дворец, где находился брат эмира Инаятула-хан, провозгласил себя королем Афганистана.

В Москву доходили сведения, что Бача-Саккау в борьбе с Амануллой пользовался поддержкой англичан, снабжавших его оружием. Сообщали, что когда он занял Кабул, то, по его приказу, была учреждена специальная охрана английской миссии, что английская миссия относилась к нему с расположением и, наконец, что капитуляция Инаятулы-хана произошла при посредничестве и помощи английского посланника в Кабуле Хемфриса. Эти сведения заставляли думать, что Бача-Саккау был ставленником англичан.

После долгих споров между ГПУ и Наркоминде-

лом, восторжествовала точка зрения Наркоминдела. Представители ГПУ, опираясь на факты, доказывали, что Бача-Саккау, будучи сам выходцем из низов, опирается на крестьянство, интересы которого он защищает, и убеждали, что, поддержав его, можно постепенно «советизировать» Афганистан. Например, что могло быть красноречивее того факта, что почти весь кабинет министров Бача-Саккау состоял из крестьян, в большинстве неграмотных и малограмотных, но зато знавших нужды населения. Бача-Саккау немедленно после захвата власти снял все недоимки с крестьян за прошлые годы, начал отбирать земли у крупных помещиков и передавать их земледельцам, наконец, заменил весь аппарат старых чиновников новыми выходцами из народа. Этим и объяснялось, что Бача-Саккау до последнего дня своей власти пользовался популярностью и поддержкой афганского крестьянства.

Наркоминдел не возражал. Он утверждал, что Бача-Саккау опирается исключительно на население Северного Афганистана и потому неизбежно будет вести агрессивную политику против советов, стараясь распространить влияние на советский Туркестан. Аманулла же, опирающийся на южные племена Афганистана, естественно должен вести агрессивную политику против Индии. А самое главное, в Наркоминделе никто не верил, что Бача-Саккау долго удержится у власти.

Политбюро признало доводы Наркоминдела правильными и решило поддерживать эмира Амануллу, представителя помещиков и ханов, против «сына водовоза», пролетария Бача-Саккау.

Для того, чтобы выяснить положение и силы Амануллы, уполномоченный Наркоминдела в Ташкенте Соловьев вылетел на аэроплане в Кандагар.

ГПУ, ознакомившись с постановлением Политбюро о поддержке Амануллы, решило также послать к нему в Кандагар своего представителя с поручением выяснить положение, настроения племен, отношения с англичанами и, наконец, одновременно начать из Кан-

дагара разведывательную работу в Индии. Для поездки в Кандагар был намечен я. Однако, вскоре пришло известие, что Гератская провинция также занята войсками Бача-Саккау. Кандагар оказался отрезанным от нас.

Афганским посланником в Москве был в то время Гулам-Наби-хан, брат министра Иностранных дел Гулам-Джелани-хана. Он усиленно убеждал советское правительство активно поддержать Амануллу. Однако, осязательных результатов добился только сам Гулам-Джелани-хан, приехавший из Кандагара в Москву. После предварительных переговоров с Наркоминделом вопрос о вооруженной поддержке Амануллы был передан в Политбюро, и однажды ночью состоялось личное свидание между Сталиным, Гулам-Джелани-ханом и бывшим советским военным атташе в Кабуле Примаковым, находившимся в то время в Москве. На этом совещании было решено организовать ударную группу из красной армии, переодеть красноармейцев афганцами и перебросить их под руководством советского военного атташе (ныне военный атташе в Японии) в Афганистан, для похода на Кабул. Экспедицию политически должен был возглавлять московский посол Гулам-Наби-хан, пользовавшийся некоторым влиянием в Северном Афганистане.

Спустя несколько недель план был приведен в исполнение. Как передавали очевидцы, из пограничного города Термеза, рано утром поднялись советские аэропланы и, перелетев через Аму-Дарью, начали кружиться над афганским пограничным пунктом Патта-Гиссаром. Афганский пограничный пост выбежал, чтобы поглазеть на аэропланы, но пулеметным огнем с аэропланов все солдаты поста были перестреляны. Немедленно вслед за этим пехота, набранная из лучших команд Ташкента, начала спокойно переправляться через Аму-Дарью. Перейдя границу, эта группа войск, в числе 800 человек, вооруженная многочисленными пулеметами и несколькими орудиями, направилась на Мазари-Шериф. Высланные против нее правитель-

ственные войска были мгновенно рассеяны пулеметным и артиллерийским огнем. Последнее сопротивление было оказано в самом Мазари-Шерифе, но переодетые красноармейцы его также сломили, и город оказался в руках Гулам-Наби-хана, вернее, в руках Примакова, выступавшего в этом походе под видом турецкого офицера.

По приблизительным подсчетам на пути от границы до Мазари-Шерифа было перебито около 2-х тысяч афганцев. Появление Гулам-Наби-хана в Афганистане и взятие Мазари-Шерифа было настолько неожиданно и внезапно, что афганское правительство в Кабуле узнало о событиях только неделю спустя. Сторонники Бача-Саккау, в большинстве бухарские и туркменские эмигранты, начали стягиваться с юга к Мазари-Шерифу, чтобы не дать Гулам-Наби-хану идти дальше на Кабул. Гулам-Наби-хан объявил мобилизацию местного населения и двинул мобилизованных афганцев под руководством красноармейцев на Таш-Курган. Под Таш-Курганом враждебные силы встретились и вступили в бой. После шестичасового сражения армия Бача-Саккау разбежалась, потеряв около 3-х тысяч убитых. Советская экспедиция заняла Таш-Курган, собираясь двинуться одновременно на Ханабад и Гейбак.

Тем временем в Москве получилось известие, что Аманулла-хан, ради которого была предпринята советская экспедиция и чьим именем Гулам-Наби-хан занимал афганские города, бежал из Кандагара в Индию, отказавшись, таким образом, от борьбы с Бача-Саккау. Гулам-Наби-хан, потеряв возможность действовать именем Амануллы, должен был вернуться назад. По распоряжению из Москвы, советские войска спешно отступили и через три дня вступили обратно на советскую территорию.

Отозвание советских войск вызвано было также тем, что об их проникновении в Афганистан уже начали говорить не только в иностранных миссиях Кабула, но и в европейской печати. Благодаря спецотделу ГПУ,

расшифровывавшему перехваченные телеграммы иностранных дипломатов, мы видели, что о советском вооруженном походе на Кабул знали все и не одобряли его не только европейские державы, но даже такие добрые союзники СССР, как Турция и Персия. Вооруженная авантюра, предпринятая социалистическим правительством для восстановления афганской монархии, бесславно закончилась. После бегства Амануллы и ухода Гулам-Наби-хана из Афганистана, вся страна фактически перешла в руки Бача-Саккау. Из перехваченных телеграмм мы видели, что турецкое и персидское правительства склоняются к признанию Бача-Саккау королем Афганистана. Однако, советское правительство решило выждать и ничего больше не предпринимать, не выяснив предварительно мнения остальных держав.

В это время из берлинской резидентуры ГПУ пришло сообщение, что Надир-хан, бывший афганский посол в Париже, собирается ехать в Афганистан для руководства борьбою против Бача-Саккау. Надир-хан пользовался большим влиянием в Афганистане и поэтому мог быть сильным противником Бача-Саккау.

В Париже Надир-хан обратился в советское посольство за разрешением проехать через СССР. Ему ответили, что визы дать не могут, не запросив предварительно Москву. Надир-хан больше в посольство не обращался, но через месяц оказался на границе Афганистана с Индией.

Загорелась борьба между Надир-ханом и Бача-Саккау. Афганские представители в Москве просили поддержать Надир-хана. Наркоминдел обещал морально поддержать, исходя из прежней теории, что Надир-хан, имеющий своей базой южный Афганистан, неизбежно вступит в дальнейшем в конфликт с англичанами.

Надир-хан занял Кабул. Бача-Саккау со своими сторонниками был расстрелян. Дальнейшая история Афганистана всем известна, но хочу резюмировать

роль советского правительства в афганских делах за этот последний год.

Наркоминдел в вопросах афганской политики не имел никакой твердой линии и следовал в хвосте событий. Сталин со своей обычной «прямотой» решил разрубить узел внутренних афганских отношений ударом красноармейского кулака. Этим он окончательно скомпрометировал русское имя в Афганистане и социалистическую идею в СССР, красноречиво подтвердив обвинения СССР в красном империализме.

Работа ГПУ в Афганистане за этот период ни в чем не выявилась. Зато обнаружилось, что организация разведки через легальные резидентуры ГПУ при посольствах и торгпредствах в случае военных столкновений является нереальной, так как курьерская связь с Москвой прекратилась, а с занятием Кабула Бача-Саккау прервалась и телеграфная связь. Вследствие отсутствия информации, Политбюро перестало считаться в афганском вопросе с мнением ГПУ и всецело приняло точку зрения Наркоминдела, который, как я говорил выше, в конце концов, никакой точки зрения не имел.

ГЛАВА XVIII

Нелегальная резидентура ОГПУ в Персии

Осенью 1928 года, в то время, когда Триандофилов готовился к нелегальному въезду в Персию, было решено послать предварительно одного из его помощников в Тегеран с поручением организовать прикрытие для остальных членов группы. Решено было отправить Эйнгорна, благо документы для него были готовы. Приготовлены же они были крайне просто. Из Латвии приехал член латышской коммунистической партии Эдельштейн, оставшийся работать в Москве в Наркомторге. Эдельштейн подходил по приметам к Эйнгорну. Мы взяли паспорт Эдельштейна, заменили в лаборатории Иностранного Отдела ГПУ фотографическую карточку Эдельштейна карточкой Эйнгорна и поставили соответствующие транзитные визы. Паспорт для нового Эдельштейна-Эйнгорна был готов.

Эйнгорн выехал через Пехлеви в Тегеран в качестве латвийского подданного, взяв с собою десять тысяч долларов. Через месяц мы получили известие, что он открыл автомобильный гараж на главной улице Тегерана Лалезар. Тем временем секретарь советского консульства в Керманшахе Алхазов получил распоряжение приехать в Тегеран и занять должность атташе советского посольства. Алхазов должен был служить связью между нелегальной разидентурой ГПУ и Москвой и слегка вести разведывательную работу,

чтобы отвлечь подозрения от нелегальной резидентуры. Полпредство, и в том числе и сам Давтьян, не знали и не должны были знать о существовании нелегальной резидентуры ГПУ.

Подготовка Триандофилова к выезду в Персию несколько затянулась, так как он не знал ни одного иностранного языка, кроме греческого, и документы для него подыскать было трудно. Наконец, нашли греческий паспорт, отобранный у некоего гражданина Челикиди, проживавшего в Москве. Произведя с этим паспортом такую же операцию, как и с паспортом Эйнгорна, новоиспеченный двойник Челикиди выехал в Тегеран.

В Тегеране Триандофилов-Челикиди вступил компаньоном в гараж Эдельштейна. «Предприятие» начало работать. Впоследствии к этим двум был послан третий сотрудник Биренцвейг, поляк, лет 30-ти, приехавший в Персию с женой и ребенком по австрийскому паспорту. До своей поездки Биренцвейг работал в Иностранном отделе ГПУ в прибалтийском секторе. Вслед за Биренцвейгом мы отправили в Тегеран шоффера для связи, болгарина с болгарским паспортом, и, наконец, к этой же группе присоединился служивший в Тегеранском авто-транспорте советский гражданин Шатов, работавший до того агентом при легальной резидентуре ГПУ. Чтобы уйти от подозрений, Шатов учинил скандал своему начальству, а потом и полпреду. В скандал вмешалась персидская полиция. В ее присутствии Шатов разорвал свой советский паспорт и отказался от гражданства СССР. Блестяще разыграв эту комедию, он поступил шоффером в гараж Эдельштейна.

Нелегальная организация ГПУ была готова. В распоряжение гаража имелось несколько машин. На них агенты ГПУ разъезжали по всей Персии, знакомясь с обстановкой и собирая сведения, необходимые для ГПУ.

Эта секретная работа продолжалась до июля 1929 года. Члены организации настолько укрепили свое

положение в Тегеране, что к этому времени Эйнгорн-Эдельштейн мог уже выехать в Багдад. Основная задача была выполнена. Работа стала на рельсы, и теперь предстояло перебросить деятельность в Индию и в Ирак, куда Триандофилов должен был послать своих помощников. Центр организации оставался в Персии. Связь с Москвой, поддерживаемая через атташе Алхазова, не считалась удовлетворительной. Предполагалось организовать две новые, независимые друг от друга, линии связи. Первая заключалась в передаче сведений через советские пароходы, курсирующие между Баку и Пехлеви, на которых должен был находиться специальный агент ГПУ для связи, а вторая связь мыслилась в виде установки радиостанции-коротковолника, посредством которой можно было бы сноситься с Москвой по серьезным и срочным вопросам. Надо добавить, что в Москве, при Иностранном Отделе ОГПУ имеются специальные курсы радио-передачи и каждый уполномоченный Иностранного отдела должен пройти этот курс.

Весною 1929 года Эйнгорн встретился случайно в Тегеране с русским шоффером, которого он арестовал в 1920 году в бытность свою сотрудником Одесской Чека. Чтобы шоффер не выдал его, Эйнгорн подкупил его и принял на работу в гараж. Спустя некоторое время Эйнгорн выехал в Керманшах, где, благодаря связям с английским консульством, сумел получить визу в Багдад. Когда Эйнгорн в Багдаде присматривался к обстановке и изучал возможности для работы ГПУ, из Тегерана нам сообщили, что одесский знакомый Эйнгорна, в пьяном виде, рассказывает о прошлой и настоящей деятельности Эйнгорна. Боясь провала Эйнгорна на Иракской территории, мы немедленно послали ему телеграмму с требованием выехать обратно в Тегеран, а по возвращении в Тегеран вызвали в Москву.

Всю оставленную мной тайную агентуру ГПУ в Персии приняла легальная резидентура, т. е. Алхазов. Он продолжал руководить ею и получать те докумен-

ты, которые получались при мне. Макарьян был отозван и поставлен на работу в Иностранном Отделе ГПУ по руководству Персией.

Весною 1929 года резидент ГПУ в Пехлеви сообщил, что из Парижа приехал какой-то русский, кажется, по фамилии Веселовский, с большими деньгами и рекомендациями от Братства Русской Правды к Джавахову и к хану Нахичеванскому, одному из активных руководителей муссаватской партии. Парижане просили оказать ему всяческое содействие в работе против советской власти. Полковник Джавахов прилагал к донесению фотографии писем, которые этот русский отправлял в Европу. Из писем явствовало, что этого русского поддерживает какая-то богатая европейская группа. Он ставил себе задачей пробраться на советский Кавказ, организовать повстанческую группу и, в первую очередь, взорвать бакинский нефтепровод.

Бакинское ГПУ немедленно приняло меры. Сейчас же была организована из агентов ГПУ бандитская группа на персидской границе, куда Джавахов и препроводил приезжего, рекомендуя этих чекистов, как героев, восставших против советской власти. Этот русский был беспрепятственно пропущен через границу и соединился с отрядом ГПУ. Вместе с ними он разъезжал по всему Азербейджану, вербовал рекомендуемых ему чекистами людей и подготовлял взрыв бакинского нефтепровода.

До сентября 1929 года этот антисоветский деятель не был арестован, потому что ГПУ желало использовать его для завлечения более крупных лиц, которые могут, вслед за ним, явиться на Кавказ, и для выяснения, кто финансирует его, какие задачи ему ставят и какие связи на Кавказе имеют стоящие за ним люди.

* * *

В персидском Азербейджане все более укреплялась позиция армянской партии дашнакцутюн, несмотря на

усиленную анти-дашнакскую деятельность ГПУ и советского консульства в Тавризе. Особую ненависть советское правительство и ГПУ питали к армянскому архиепископу Нерсесу в Тавризе, активно помогавшему дашнакам. Архиепископ был опасен еще тем, что пользуясь большим авторитетом среди армянского населения и духовенства, мог быть выбран после смерти католикоса всех армян на его место. Резиденция католикоса, в таком случае, перешла бы из Советской Армении в другую страну, и советское правительство лишилось бы возможности влиять на армянскую церковь, а через нее и на армянский народ. Вследствие этих причин было решено во что бы то ни стало убрать архиепископа Нерсеса и заменить его лойальным к советской власти человеком.

Обдумывая этот план, ГПУ имело и другие цели. Армянский епископ в Исфагани являлся главой персидско-индийской епархии. Пост этот занимал архиепископ Месроп, человек очень старый, чрезвычайно культурный и образованный и ярый националист. Не вдаваясь в политику, он неустанно заботился о нуждах армянского народа. В 1928 году он объехал свою паству в Индии и собрал большие пожертвования в пользу советской Армении. Так как он собирал деньги для советской Армении, то его многие считали и считают советским агентом. Однако, повторяю, человек этот был абсолютно чужд всякой политики. Единственной его заботой было сохранение армянской нации, как таковой. Несмотря на его лояльное отношение к советской власти, ГПУ намеревалось заменить его другим лицом, которое могло бы продолжать его работу, но которого можно было бы использовать, как прикрытие для организации разведывательной работы в Индии.

В Иностранном отделе ГПУ очень долго думали над разрешением таврийской и индийской проблемы, и, наконец, выход был найден. Во Франции проживал архиерей Клтчян, в продолжение двух лет состоявший агентом ГПУ под № Г/58. Снабженный деньгами

на дорогу, Клтчян в конце 1928 года приехал в Москву и был принят мною. Я разъяснил ему, в чем дело. Клтчян предложил в ответ следующий план: он поедет в Эривань к католикосу, а католикос, под давлением ГПУ, посвятит его в сан епископа и затем назначит своим легатом в Персию, где он раньше проживал и где у него сохранилось много связей. Но у Клтчяна осталась во Франции сожительница. В качестве секретаря ГПУ даст ему одного из своих уполномоченных, который одновременно будет считаться женихом его сожительницы и тем прикрывать ее связь с епископом. Клтчян ручался, что, получив назначение в Персию, он сумеет добиться увольнения епископа Нерсеса из Тавриза. На место Нерсеса можно будет перебросить из Исфагани епископа Месропа, а он, Клтчян, займет пост главы индо-персидской епархии, и тогда организацию агентуры ГПУ в Индии можно считать обеспеченной.

Во время переговоров с ним и после, когда мы перешли к вопросу о вознаграждении, я вынес впечатление о Клтчяне, как о хорошем негодяе. От обыкновенных негодяев он отличался только тем, что был духовного звания и ценил свои труды дороже, чем другие. Клтчян получал от ГПУ 200 долларов в месяц. По последним сведениям, Клтчян выполнил первую часть программы: он добился архиепископского сана и сейчас состоит легатом католикоса всех армян в Тегеране. Посмотрим, что он будет делать дальше.

Организация нелегальной резидентуры ГПУ в Персии параллельно с легальной, на случай военных действий в Персии и разрыва официальной связи, осуществлена полностью. Персия является центром, откуда должна вестись работа на Индию и на Ирак, т. е. иначе говоря, — Тегеран по своим функциям стал походить на Берлин, являющийся, как известно, центром для работы ГПУ во всей Европе.

Заканчивая главу о Персии, я хотел прибавить несколько слов о Мешеде. Резидент ГПУ Лагорский

отозван за бездеятельность. На его место назначен некто Чернобыльский, которого Москва также сняла, заподозрив его в сочувствии к троцкизму. Теперь резидентом ГПУ в Мешеде состоит Куцен, бывший сотрудник Дальне-Восточного Сектора ГПУ в Москве, работающий под фамилией Нейбур и занимающий должность секретаря совконсульства.

ГЛАВА XIX.

Китай. — Ирак

Работой на Дальнем Востоке руководил соседний с нами Дальне-Восточный Сектор. Начальником его был д-р Фортунатов. В ведении сектора находились: Китай, Япония, Корея, Монголия и Западный Китай.

Фортунатов, старый революционер, бежал из России при царизме, проживал на берегах Тихого Океана и потому считался знатоком Дальнего Востока. По профессии он был врачем, однако, практики, видимо, не имел. Под его начальством в ГПУ работал его сын, прекрасно владевший китайским и английским языками.

Одним из главных помощников д-ра Фортунатова был Илья Герт. Герт работал до 1925 года в Мешеде, в качестве представителя военной разведки и был отозван за склоку с секретарем ячейки партии (Герт хотел его убить, подговорив на убийство одного из своих секретных агентов). После этой истории, он некоторое время слонялся без дела, затем в 1927 году был принят в ГПУ и потом назначен резидентом в Ангору. В Ангоре он пробыл 9 месяцев и в середине 1929 года был отозван, вследствие сокращения финансовой сметы Иностранного отдела ОГПУ. Между прочим, благодар тому же сокращению расходов, пришлось отозвать резидентов ГПУ в Греции, Западном Китае и отказаться от услуг многих второстепенных

секретных агентов. Очень важно помнить, что работа Иностранного отдела ГПУ зависит, главным образом, от количества валюты, которая ему отпускается советской казной.

Приехавшего из Ангоры Герта перевели в Дальневосточный сектор ОГПУ и поручили вести разведку в Монголии. Помня о старой связи с нашим сектором, Герт часто заходил к нам и рассказывал о Дальневосточных делах.

Весной 1929 года пришла телеграмма из Харбина от резидента ГПУ Этингона с извещением, что китайская полиция совершила внезапный налет на советское генеральное консульство в Харбине, захватила важные документы у военного атташе и арестовала представителей подпольной коммунистической партии в Харбине, собравшихся в советском консульстве для обсуждения вопросов о китайской революции. Телеграмма страшно взволновала ГПУ. О захваченных у военного атташе документах особенно не беспокоились, так как после знаменитого письма Зиновьева вообще всякий документ можно было объявить фальшивым, но негодовали на военного представителя, не успевшего своевременно уничтожить бумаг. Главную же тревогу вызывала судьба арестованных крупных деятелей подпольной коммунистической организации в Китае.

Вслед за тем мукденские власти захватили Восточно-Китайскую железную дорогу. Образовалось нечто вроде военного фронта без объявления войны.

Прежде чем начались военные действия, начала действовать агентура ГПУ в Китае. Почти ежедневно эшелоны, направляемые с китайскими войсками на границу, сходили с рельс и рушились под откосы, взрывались склады с оружием и снарядами. По рассказам Герта, особенно много секретных сотрудников ГПУ было среди харбинских эмигрантов. Ловкие агенты заводили порученные им воинские части в засаду, где их уничтожала красная армия. Насколько велики и многообразны были возможности ГПУ в Ки-

тае, можно судить по разговору, который Начальник Иностранного отдела Трилиссер имел с заведующим Дальневосточным сектором. Разговор происходил при мне, в конце августа 1929 года. Д-р Фортунатов просил разрешения послать резиденту ГПУ в Китае 5 тысяч долларов на приобретение радиостанции и взрывчатых веществ. Трилиссер спросил, сколько места могут занять нужные материалы. Оказалось, не больше трех-четырех чемоданов. Тогда Трилиссер заявил, что в виду необходимости экономить валюту, нужные материалы (радио-станция и взрывчатые вещества) будут переброшены в Китай из СССР в готовом виде. Благодаря наличной связи, тайная доставка четырех чемоданов через границу в зону военных действий была сущим пустяком.

Когда вспыхнул Восточно-Китайский конфликт, Дальневосточный сектор нелегально отправил в Китай сына Фортунатова. Затем и Герт начал готовиться к отъезду в Харбин. Его снабдили персидским паспортом на фамилию Исхакова. Паспорт же достало контр-разведывательное отделение ГПУ в Москве очень просто. Один из секретарей персидского консульства в Москве состоял секретным агентом ГПУ. На основании подложной справки одного из городских управлений о том, что такой-то гражданин является персидским подданным (справка составлялась Специальным отделом ГПУ), секретарь персидского посольства выдал паспорт. В лаборатории Иностранного отдела ГПУ заменили карточку на паспорте фотографией лица, для которого предназначался паспорт. Персидский секретарь, в конце концов, сам не знал, кому выдал паспорт. С паспортом, состряпанным таким образом, Герт должен был ехать в Америку и оттуда, через Японию в Китай. Ему поручено было принять руководство над имевшейся в Харбине нелегальной агентурой ГПУ и приступить к систематическому разрушению в тылу у китайцев железных дорог, мостов и арсеналов. В июне Герт выехал из Москвы в Берлин и, обменяв свой паспорт в Берлинском персидском

консульстве на новый, замел следы пребывания в Москве. Получив на этом паспорте визу на проезд через СССР в Японию, он оттуда пробрался в Китай. Вслед за Гертом предполагалась отправка в Китай других лиц, но не знаю, чем она кончилась, так как в тому времени я выехал из Москвы и только заграницей узнал о восстановлении прав советского правительства на Восточно-Китайской железной дороге.

В 1917 году, объявив советскую власть в России, большевики провозгласили лозунг освобождения угнетенных народностей Востока, ликвидации неравноправных договоров, заключенных царским правительством, и возвращения восточным государствам всего, что награбила у них царская Россия. Капитуляционные права России на Востоке были аннулированы, долги Персии и Китая царской России были списаны со счетов. Революционная политика проводилась на деле.

Но с 1925 года начался поворот в этой политике бескорыстия. В 1925 году советская власть силой захватила часть афганской территории (остров Урта-Тугай). В 1927 — советское правительство отказалось уступить персам Пехлевийский порт, несмотря на их бесспорные права. Спор окончился тем, что, признав юридические права персов на порт, советское правительство фактически сохранило его за собой. В начале 1928 года советское правительство пыталось, посредством переодетых красноармейцев, оккупировать Северный Афганистан. Наконец, в 1929 году для сохранения своих привиллегий в Китае, от которых оно само торжественно отказалось, советское правительство бросило против Китая красную армию и до тла разорило оккупированные области.

По вопросу о событиях в Китае среди сотрудников ГПУ шла горячая дискуссия. Часть сотрудников стояла за немедленное объявление войны Китаю и занятие Харбина красными войсками, но другая часть, не забывшая социалистической программы партии, резко осуждала политику правительства, доказывая, что ки-

тайцы поступили правильно, так как, по справедливости, советское правительство должно было еще в 1924 году уступить китайцам права на дорогу. Спор зашел в теоретические дебри и дошел до начальства. Партийные верхи немедленно осудили обе точки зрения. Империалистические вожделения первых были подведены под категорию «правого уклона», а социалистическая критика вторых под категорию «левого уклона». Держаться же надо было линии, которую проводил Сталин, и которая якобы была «настоящей Ленинской». Всякое отступление осуждалось и строго каралось.

* * *

Еще осенью 1925 года из Москвы в Багдад был послан от ГПУ некто Султанов. До этого он работал в Турции, где проживала его семья. При выезде, его снабдили 3000 долларов, явкой и паролями, по которым в дальнейшем должны были встречаться с ним агенты ГПУ. Через Персию он выехал в Ирак. Но с того момента, как он перешел Иракскую границу у Ханикена, след его вдруг пропал. Попытки найти его и установить с ним связь ни к чему не приводили. Султанов канул в воду. Весной 1929 года он внезапно очутился в Константинополе и явился к Минскому, легальному резиденту ГПУ. Оказалось, что после перехода границы он был арестован англичанами и просидел в тюрьме около полутора лет, затем был освобожден, но уже никак не мог установить связи с ГПУ. Только в начале 1929 года ему удалось нелегально перейти иракскую границу вблизи Моссула и попасть в Турцию. За время своего пребывания в Ираке он ничего не сделал и никаких связей не имел. 3000 долларов он давно израсходовал и, прося у Минского денег, предлагал переехать вместе с семьей в Сирию и «продолжать» там работу ГПУ. На запрос Минского, как с ним быть, Иностранный отдел ГПУ велел прекратить всякие разговоры с Султановым, так

как подозревал, что Султанова подослали англичане. Минский приказ выполнил, и дальнейшей судьбой Султанова ГПУ не интересовалось.

Приблизительно в августе 1928 года, Иностранный отдел ГПУ получил из Тегерана доклад Логановского, в котором советник посольства сообщал, что в Персию приехал секретарь министра общественных работ Ирака и через советское консульство в Керманшахе связался с полпредством в Тегеране. К докладу прилагалась стенографическая запись беседы первого секретаря полпреда Заславского с секретарем иракского министра. Секретарь сообщал, что в Ираке имеется арабская народно-революционная партия, пользующаяся большими симпатиями среди иракской интеллигенции. Организация существует несколько лет и успела пустить прочные корни среди городского населения и среди племен. В организацию входят несколько иракских министров и, по словам секретаря, сам король Файсал знает о ее существовании и сочувствует ей. Партия ставит перед собой задачу добиться полной независимости Ирака и образования самостоятельного национального правительства. Для осуществления этой цели нужно прежде всего изгнать из Ирака английских представителей. К советскому правительству партия обращается за моральной поддержкой, полагая, что советы, естественно, должны сочувствовать всякому освободительному движению. Представитель партии просил разрешения послать десяток молодых людей, членов партии, в СССР для обучения военному делу и хотел заручиться обещанием, что, в случае надобности, партии разрешат закупить в СССР оружие для организации восстания в Ираке.

Логановский, пересылая эти сведения, сообщил, что представитель партии не просил никакой материальной поддержки и что у него лично создалось впечатление о партии, как о серьезной организации. Указывая в своем докладе о революционных и разведывательных возможностях в Ираке, Логановский

просил инструкций. Он хотел возможно скорее договориться с секретарем министра, ожидавшим ответа.

ГПУ, тщательно обсудив доклад Иракского представителя, обратило внимание на то, что он, говоря о влиятельных лицах Ирака, не назвал ни одной фамилии. Опасаясь провокации, мы решили предварительно выяснить в Ираке состав партии, ее влияние и программу. Задача эта была поручена нелегальной резидентуре ГПУ в Персии и советскому консулу в Керманшахе. Эйнгорн-Эдельштейн выехал в Ирак именно с целью непосредственно ознакомиться с этой революционной партией, но задача его не удалась вследствие спешного отозвания в Тегеран. Керманшахское же консульство передало поручение своей агентуре, но до моего отъезда из Москвы, т. е. до ноября 1929 года, подробных донесений из Ирака не поступало.

После занятия Турцией в 1918 году Урмийского района, населяющие этот район айсоры вынуждены были с боем отступить на территорию Ирака и отдаться под покровительство англичан. Первые годы положение их было сносное, так как англичане организовали из айсоров полки и, опираясь на них, поддерживали порядок среди иракских племен. С восстановлением в Ираке спокойствия, айсоров разоружили и перевели на положение крестьян, но бездомных и безземельных, так как дома и земли их остались на границах Турции и Персии. Естественно, айсоров потянуло на родину. Много раз айсорские делегации обращались к персидскому и турецкому правительствам с просьбой разрешить вернуться в родные села. Правительства отказывали. Часть айсоров перешла в СССР, и в Москве при Центральном Комитете партии организовалось даже особое Бюро по ассирийским делам. Из Ирака в СССР приезжали ходоки, ведшие переговоры о переселении всего ассирийского народа в советскую Россию. Многие из айсоров заражались в Москве революционными идеями, возвращаясь в Ирак, пропагандировали их. Главари партии поддерживали отношения

с советским правительством через Лозоватского, советского консула в Керманшахе. Ежемесячно ЦК партии Азбархуни посылал Лозоватскому пакет для ЦК ВКП, а Лозоватский переотправлял его с дипломатической почтой в Москву. Работой среди айсоров руководила ассирийская секция при III интернационале, и ГПУ не вмешивалось в эту работу.

Цели партии Азбархуни заключались в организации военных ячеек из айсоров, состоящих на военной службе у англичан и в использовании этих ячеек, когда наступит благоприятная обстановка для вооруженного выступления.

*
* *

В середине 1929 года в Армению приехал из Харбина армянский епископ. В Харбине он скомпрометировал себя тем, что был обнаружен в одной из гостиниц в обществе женщин и в нетрезвом виде. Во избежание скандала, его попросили выехать из Китая. Приехав в Эривань, он получил назначение на пост начальника армянской Епархии в Ираке. Перед отъездом в Ирак с ним имел подробную беседу председатель армянского ГПУ Маркарьян, окончательно завербовавший его и отобравший у него подписку о том, что он будет евсти разведку в Ираке по заданиям ГПУ. Прислав подписку епископа в Москву, Маркарьян просил Иностранный отдел ГПУ формулировать наши задачи в Ираке. Инструкции немедленно были мною посланы. Епископ, снабженный из кассы ГПУ несколькими тысячами долларов на организационные расходы, выехал в Ирак для управления своей паствой.

Из всего сказанного видно, что работа ГПУ в Ираке до конца 1929 года не была организована систематически, но велась от случая к случаю. Основной недостаток ее заключался в том, что Москва никак не могла устроить поездку в Багдад специального резидента ГПУ, который бы на месте начал систематическую деятельность.

ГЛАВА XX

Германия. — Франция. — Америка

Прежде чем перейти к деятельности ГПУ в арабских странах, я хотел бы сказать немного о работе ГПУ в Берлине, откуда по инициативе резидента ГПУ, д-ра Гольденштейна, велась самостоятельная работа в восточных странах.

Гольденштейн, по кличке «Александр» или «Доктор», по национальности еврей, является одним из самых старых и заслуженных сотрудников ИНО ГПУ. До 1924 года он работал на Балканах и был очень близок с македонскими революционными деятелями, среди которых и сейчас пользуется большим авторитетом. Свою связь с Балканами он не порвал даже после взрыва Софийского собора, что по слухам, ходившим в ГПУ, было делом его рук. В Константинополе он поддерживал связь с Балканами через болгарина Николаева, работавшего до 1929 года в Константинополе. Гольденштейн, видимо, и из Берлина продолжал руководить работой на Балканах: в 1929 году, по его просьбе, Николаев был переведен из Константинополя в Берлин.

Гольденштейн, достигнув 45 лет, женился на молодой женщине и в последнее время было заметно, что работать он устал и хочет уйти на покой. Несколько раз он ставил вопрос о своем отозвании, но только осенью 1929 года получил разрешение выехать в

Москву. Трилиссер собирался назначить его своим помощником. Однако, приезд Гольденштейна в Москву совпал с уходом Трилиссера из ГПУ, и дальнейшая его судьба мне неизвестна.

В Берлине его заменил Самсонов, бывший секретарь партийной ячейки ИНО. Это тупой, малограмотный человек, которого командировали на ответственную должность временно, чтобы убрать с партийной работы в ГПУ.

Гольденштейн, до перевода в Берлин, был резидентом ГПУ в Константинополе и руководил работой ГПУ на всем Ближнем Востоке. Переехав в Берлин, «Доктор» не мог расстаться со своим прошлым и при всяком удобном случае пытался распространить работу ГПУ из Берлина на Восток.

Берлинская резидентура ГПУ является крупнейшей резидентурой в Европе. Из Берлина осуществляется руководство работой ГПУ не только в Германии, но также во Франции и в Англии. Резидент ГПУ во Франции подчиняется берлинскому резиденту, а в Англии во время перерыва дипломатических отношений не было официального резидента ГПУ, и оставшаяся агентурная сеть поддерживала связь непосредственно с Берлином.

Бюджет ГПУ в Берлине составлял в 1928 году 25 тысяч долларов в месяц, но в 1929 году был сокращен до 17-ти тысяч. Помню, когда я спросил приехавшего в Москву Гольденштейна — куда вы тратите так много денег — он мне ответил, что, помимо содержания агентурной сети ГПУ, ему приходится снабжать деньгами некоторые партийные организации. Из этого я заключил, что ГПУ в Берлине имело тесную связь с германской коммунистической партией и поддерживало ее материально. Вследствие того, что Берлинская резидентура ГПУ вела свою работу на Востоке, нам приходилось часто сноситься с ней по восточным вопросам.

О собственной деятельности берлинского ГПУ я сведений не имею (они от нас держались в секрете),

но о работе на Востоке берлинское ГПУ осведомляло меня по должности начальника Восточного сектора.

В Берлине ГПУ обрабатывало местную мусульманскую колонию, большинство которой состоит из индусов. Особенное значение придавалось ахмедийской секции, подпавшей, по предположениям ГПУ, под полное влияние английской Интеллидженс Сервис.

Помощником Гольденштейна по восточной работе был индус Фаруки, носивший № А/18 и работавший раньше в Константинополе, откуда, по настоянию «Доктора», был переброшен в Берлин. Через Фаруки вербовались агенты ГПУ для посылки в страны Востока. Так, например, зимою 1929 года Фаруки отправил из Берлина двух агентов в Бенгалию (Индия) и одного в провинцию Пенджаб (Индия). Он же вел переговоры с одним из братьев Али (руководителями мусульманского движения в Индии), приехавшим в Берлин, и уговаривал его посетить Москву. Али, в конце концов, от этой поездки отказался.

Фаруки вел также деятельную работу среди афганских кругов в Берлине. Во время междоусобной войны в Афганистане, Гольденштейн сообщил, что Фаруки может установить связь с Надир-ханом, проживавшем в Париже. Иностранный отдел ОГПУ интересовался отношением Надир-хана к событиям в Афганистане и его связями с английским правительством. Москва поручила «Доктору» выяснить подробно действия и намерения Надир-хана.

Сведения о положении в Геджасе и Сирии получал тот же Фаруки, пользуясь для этой цели связями с арабскими деятелями.

Несмотря на крупную роль, которую играл Фаруки в берлинской резидентуре, Москва относилась к нему с подозрением. Подозрения вызывались противоречивыми сведениями, содержавшимися в его обширных и частых докладах. Иностранный отдел ОГПУ решил снять его из Берлина и перебросить на работу в Афганистан. Этому воспротивился Гольденштейн, и ГПУ, считаясь с его мнением, временно решение отме-

нило. Перед моим отъездом из Москвы, осенью 1929 года, Фаруки продолжал работать в Берлине.

Фаруки в своих докладах всегда подробно характеризовал восточных деятелей, приезжавших в Берлин или поселявшихся в Берлине. Почти все, по его словам, были английскими агентами, но спустя два-три месяца он об этом забывал и сам ... вербовал некоторых из этих лиц для работы ГПУ.

Первые сведения о неблагонадежности вождя индийских коммунистов Роя были получены от Фаруки. Сперва он высказал предположение, что жена Роя, англичанка, может быть связана с английской разведкой. Подозрение постепенно перешло в уверенность. В Москве начали относиться к Рою с недоверием и, наконец, совершенно отстранили его от политической деятельности.

Конечно, «восточная работа» берлинского ГПУ является лишь маленькой частью той обширной деятельности, которой «Доктор» руководил вообще в Германии. Резидентура ГПУ в Берлине, повторяю, является руководящим центром для всей Европы.

*

*   *

Агенты ГПУ, работавшие внутри партии дашнаков, муссаватистов и грузинских меньшевиков и перехватываемые ГПУ документы все чаще указывали, что центром этих организаций является Париж. Необходимо было перенести часть работы по Востоку в Париж. Особенно настаивало на этом кавказское ГПУ, требовавшее от Москвы усиления работы в этом направлении.

В 1925 году Москва вызвала из Тифлиса чекиста Лордкипанидзе и направила его в Париж с поручением проникнуть в центр кавказских антисоветских организаций. Кипанидзе пробыл в Париже около 9-ти месяцев, успел за это время установить кое-какие связи, однако, затем, провалился при вербовке одного из агентов и вынужден был, «законсервировав» агентур-

ную сеть, срочно уехать в Москву. Москва никем его не заменяла, так как не могла подыскать другого подходящего человека, да и вопрос о национальных кавказских партиях стоял уже не так остро, как это было после грузинского восстания в 1924 году.

В 1929 году, в связи с оживлением деятельности дашнаков в Турции, частыми наездами лидера грузинских меньшевиков Сосико Мдивани в Константинополь и возрастающим интересом польской дипломатии к муссаватистам и грузинским меньшевикам, в ГПУ вновь был поставлен вопрос о посылке специального эмиссара в Париж для освещения деятельности этих партий. Кандидатом был выдвинут сотрудник Иностранного отдела ГПУ Кеворкьян, руководивший в Москве разведкой в кавказских партиях в течение нескольких лет. Однако, его кандидатура скоро отпала, так как нашли более целесообразным сунуть его секретарем к епископу Катчяну и отправить в Персию.

Другого кандидата Москва не могла найти и предложила тифлисскому ГПУ командировать своего собственного сотрудника для проникновения в руководящий центр кавказской эмиграции, образовавшийся в Париже. Такой сотрудник подыскивался Тифлисом и должен был выехать в Париж в конце 1929 года.

Весной 1929 года начальник англо-американского сектора Иностранного отдела Мельцер был командирован из Москвы в Ташкент для организации иностранного отделения при полномочном представительстве ГПУ в Средней Азии. Вследствие его отъезда мне пришлось на несколько месяцев принять дела этого сектора. В числе материалов, поступавших из-заграницы, мое внимание обратила переписка председателя Совета русских послов Гирса с бывшими представителями царской России в других государствах. Агенты ГПУ перехватывали и направляли в Москву доклады бывшего русского поверенного в делах в Лондоне Саблина и бывшего русского финансового агента в Северной Америке Угета. Как раз в это время Саблин в своих докладах подробно описывал предвыборную

компанию, которая велась в Англии, и анализировал шансы английских партий. Он уже предвидел победу рабочей партии, выступившей на выборах с лозунгами прекращения безработицы в Англии и восстановления дипломатических сношений с советской Россией. Доклады Саблина представляли чрезвычайный интерес для советского правительства. Мы имели распоряжение посылать копии их непосредственно Сталину, Рыкову, Чичерину, Ворошилову и Молотову. На победу рабочей партии советское правительство возлагало большие надежды. В Москве были уверены, что с приходом к власти Макдональда не только возобновятся прерванные дипломатические сношения, но будут получены и большие кредиты в Англии.

Резидент ГПУ во Франции находится в подчинении берлинского резидента ГПУ. Вся почта ГПУ из Парижа отправляется через дипкурьеров в Берлин. Там же концентрируются донесения агентов ГПУ из Англии и из всех концов Германии, а затем направляются в Москву.

У полуоффициального представителя ГПУ при советском полпредстве в Париже имелся помощник по экономической части, присланный в Париж в конце 1928 года на официальную должность сотрудника парижского отделения Нефтесиндиката.

После бегства Беседовского Иностранный отдел ГПУ, опасаясь разоблачений бывшего советника посольства, приказал всем ответственным сотрудникам ГПУ в Париже выехать в Москву, а агентурную сеть «законсервировать» с таким расчетом, чтобы вновь назначенный резидент ГПУ, неизвестный Беседовскому, мог с нею связаться.

В Москве работой ГПУ во Франции руководит Центрально-Европейский сектор, во главе которого стоит помощник начальника Иностранного Отдела Горб. Это человек лет 35, состоявший до 1919 года в партии левых эсеров, а затем перешедший в коммунистическую партию. До 1927 года Горб был резидентом ГПУ в Берлине, под кличкой «Михаил» и считался

поэтому знатоком европейских дел. Тщедушный физически и морально, он никакой ценности собой не представляет и держится на своем посту лишь потому, что беспрекословно выполняет распоряжения начальства.

Непосредственно работой во Франции руководит некая Зархи, разведенная жена Сокольникова, советского посла в Лондоне. По его рекомендации, ее приняли в ГПУ и назначили на работу во Франции, так как она знает французский язык и мечтает попасть в Париж. Нужно сказать, что, за редкими исключениями, для руководства работой ГПУ в какой нибудь стране всегда назначают сотрудника того сектора, который заведует в Москве этой страной. Зархи поэтому очередная кандидатка для назначения в Париж.

Политической разведке во Франции не придается большого значения, но ГПУ внимательно следит за ее отношениями с Прибалтийскими странами. Зато очень интересуется Францией Разведывательное управление штаба красной армии, уверенное, что Франция систематически снабжает прибалтийские и балканские государства оружием и военным снаряжением. Советские шпионы заняты выяснением новейших технических изобретений, в частности авиационных, так как, по мнению военных кругов СССР, авиационная техника наиболее развита во Франции. Кроме официального представителя, в лице военного атташе при посольстве, Разведупр имеет во Франции широкую тайную агентуру, руководимую людьми, специально присланными из Москвы для добычи нужных советскому штабу сведений.

*

*   *

С точки зрения политической разведки, Соединенные Штаты Америки до 1926 года большого интереса для Советской России не представляли. Но в 1926 году, в связи с развитием торговых отношений с Америкой и надеждой, что Вашингтон, наконец, признает советское правительство, ГПУ решило послать в Аме-

рику представителя для изучения американского общественного мнения и для наблюдения за торговыми сделками, заключаемыми Армторгом.

Первым резидентом ГПУ в Америке был некто Чацкий, пробывший там до 1929 года. В 1929 году он вернулся в Москву и в настоящее время заведует Англо-Американским сектором в Иностранном отделе ГПУ.

Так как советского дипломатического представительства в Америке нет, то Чацкий поехал в качестве сотрудника Амторга. Его задачей в Америке было ознакомиться с отношением правительства Соединенных Штатов к СССР и попытаться воздействовать на американских общественных деятелей, а, если возможно, и на членов правительства, в смысле склонения их к оффициальному признанию советского правительства.

Успел ли Чацкий в своих заданиях, мне трудно сказать, но по его приезде в Москву он заслужил похвалу начальства, и я слышал, что он сделал в Америке огромную работу.

Постоянным источником сведений ГПУ о деятельности американского правительства были доклады английского посла в Вашингтоне. Нужно сказать, что в распоряжении Иностранного отдела ГПУ имелись доклады почти всех английских представителей заграницей (послов, акредитованных при иностранных правительствах и верховных комиссаров в странах британского протектората). В этом мне пришлось убеждаться неоднократно. Английские дипломаты, сами того не зная, оказывали не раз советскому правительству ценные услуги своими подробными докладами в Форейн Оффис. В связи с событиями в Афганистане и Персии, я часто получал задания составить сводку по тому или другому вопросу «по английским данным». Я заходил в Архив Иностранного отдела ГПУ и брал донесения источника B/3, систематически передававшего нам донесения английских по-

слов в Форейн Оффис. Накопившиеся к 1929 году донесения британских дипломатов занимали в ГПУ целый большой шкаф. Среди них я находил донесения послов почти во всех странах света и отбирал из них те, которые касались интересовавшей меня страны.

Полезным источником, служившим нам для ознакомления с внутренним положением в Соединенных Штатах являлся также представитель старого русского министерства финансов Угет, систематически и подробно докладывавший об экономическом и политическом положении страны в письмах к бывшему царскому дипломату Гирсу, в Париж. Копия этих докладов регулярно поступали в ГПУ.

Если ГПУ сравнительно мало обращало внимания на Америку, то зато в работе Коминтерна Америка занимала исключительно важное место. Почти все представители III Интернационала путешествуют заграницей с американскими паспортами, открывающими им доступ во все страны и позволяющими вести коммунистическую работу, не навлекая на себя подозрений. Я упоминал о том, что заведующий международной связью III Интернационала Пятницкий считал наиболее легким и удобным путем секретно отправить коммуниста Роя в Индию через Америку с американским паспортом. С таким же уважением к американским паспортам относился и сам Бухарин, бывший в то время председателем Коминтерна. В 1927 году в кабинете начальника ИНО Трилиссера собрались както: резидент ГПУ в Германии Гольденштейн, помощник Трилиссера Вележев и я. Обсуждался вопрос о посылке в Ирак работников ГПУ. В это время к Трилиссеру приехал Бухарин и вошел в кабинет. На вопрос Бухарина, не помешал ли он нам, Трилиссер ответил, что, наоборот, мы обсуждаем вопрос о нелегальной посылке работников ГПУ в восточные страны и с удовольствием выслушали бы мнение Бухарина о способах отправки. Бухарин ответил, что с техникой секретных отправок он мало знаком, — это дело Пятницкого, но в Коминтерне считают, что наилучшая га-

рантия при поездках коммунистов заграницу, это американские паспорта.

В начале 1929 года я начал испытывать разочарование в рабсте и поделился своими настроениями с некоторыми из товарищей, в том числе с моим бывшим секретным агентом в Тегеране Майем, занимавшем в то время должность директора отдела Ближнего Востока в Наркомторге. Когда я высказал ему, что хотел бы перейти из ГПУ на другую работу, он сообщил мне, что в скором времени Наркомторг отправляет торговых представителей в Северную и Южную Америку. В аппарате торговых представительств оставлено по одному месту в распоряжение Коминтерна. Сам Май собирается ехать в Северную Америку. Если я хочу перейти на работу в Коминтерн, то он поможет мне сговориться с Коминтерном через представителя персидской коммунистической партии Султан-Заде, а затем мне уже будет не трудно ехать представителем Коминтерна в Южную Америку. Я поблагодарил за предложение, но просил дать время подумать.

На место Чацкого ГПУ подыскивало кандидата для назначения тайным резидентом в Америку, но до моего отъезда из Москвы, т. е. до октября 1929 года, такой кандидат не был намечен.

ГЛАВА XXI

Палестина. — Геджас и Иемен

Иностранный отдел ОГПУ давно интересовался Палестиной. Эта страна представлялась нам пунктом, откуда можно вести разведывательную и революционную работу во всех арабских странах, для чего, по всем данным, можно было с успехом использовать еврейскую коммунистическую партию. Однако, поступившие в распоряжение ГПУ документы свидетельствовали, что англичане чрезвычайно осторожно относятся к палестинским гражданам. Почти с каждой почтой в Москву приходили копии циркуляров английского паспортного бюро, рассылаемых консульским представителям заграницей со списками палестинских граждан, которые хотя и имеют английские паспорта, но не могут быть допущены на территорию английских доминионов. По отношению некоторых лиц прямо требовалось, в случае их появления в английских консульствах, отбирать у них паспорта и сообщать в паспортное бюро.

Эти сведения заставили ГПУ воздержаться от широкого использования палестинских коммунистов.

Но если Москва вела себя в этом вопросе осторожно, то на местах агенты ГПУ действовали с большей смелостью. Первым резидентом ГПУ, связанным с Палестиной, был «Доктор» Гольденштейн. Собственно, на связях с Палестиной и с Балканскими странами,

куда он тайно перебрасывал оружие, он и составил себе карьеру. Македонские революционные группы все время снабжались оружием через Гольденштейна, который закупал военные припасы в Германии и тайно переправлял в Македонию.

Будучи резидентом ГПУ в Константинополе, он укрепил связь с Палестиной и продолжал затем поддерживать ее из Берлина.

Фамилии секретных агентов ГПУ в Палестине мне неизвестны. Все они проходили у нас под номерами и условными кличками. Но в своем последнем докладе Гольденштейн сообщал, что в Палестине (главным образом в Яффе) у него имеется четыре агента. Им ежемесячно посылается 1000 долларов в виде жалования и на расходы по собиранию информационного материала.

Палестинская агентура поддерживала связь с Берлином, но ОГПУ считало руководство Палестиной из Берлина нецелесообразным и заставило Гольденштейна передать все связи нелегальному резиденту ГПУ в Константинополе, Блюмкину. Одновременно велено было проверить агентуру с точки зрения ее преданности и целесообразности ее сохранения.

Была попытка организовать работу в Палестине и по другой линии. В 1926 году приехали из Палестины в Москву три члена партии сионистов и установили связь с ГПУ.

В беседах с Иностранным отделом ОГПУ сионисты указывали на разногласия палестинского еврейства с англичанами и просили ГПУ помочь им добиться государственной независимости Палестины. Они просили снабдить их оружием и денежными средствами для ведения пропаганды. Советское правительство очень заинтересовалось предложением, однако, пока шли переговоры, ГПУ получило сведения о том, что привезшие предложение три сиониста являются английскими агентами и подосланы с целью спровоцировать и скомпрометировать советское правительство. Так как фактических улик против этих лиц не имелось, то Ино-

странный отдел ГПУ просто прекратил с ними сношения и предложил им выехать из СССР.

Подобная провокация однажды уже имела место. В 1928 году в Москве состоялся шестой конгресс Коминтерна. От индийской коммунистической партии на конгресс приехали три индуса, при чем двое из них проехали нелегально через Персию. Проездом через Тегеран, они обратились за помощью к полпредству и резиденту ОГПУ, которые помогли им пробраться дальше в Москву. Перед окончанием конгресса из контр-разведывательного отдела сообщили, что все трое индусов подозреваются в тайной связи с англичанами и подосланы со специальной миссией информирования англичан о решениях VI конгресса. Индусам дали возможность досидеть ко конца конгресса, а затем арестовали и поместили во внутреннюю тюрьму ОГПУ. На допросе двое из них признались в связях с англичанами.

*

* *

В 1928 году Москва командировала в Константинополь Якова Блюмкина на должность нелегального резидента ГПУ на всем Ближнем Востоке. Одной из основных его задач была организация агентуры ГПУ в Палестине и выяснение создавшегося в Палестине положения. Особенно интересовал Москву вопрос об отношении палестинских евреев к англичанам и внутренние арабо-еврейские отношения. Блюмкин побывал в Палестине, завербовал там для работы в ГПУ бухарского еврея Исхакова и еще одного еврея, содержавшего в Яффе пекарню и ею прикрывавшего свою работу, но воздержался от установления связи с местными коммунистами до более близкого с ними ознакомления.

Агенты Блюмкина направляли свои донесения в Бейрут, к тамошнему агенту ГПУ, а тот уже от себя пересылал их Блюмкину в Константинополь.

Вспыхнувшее в 1929 году кровавое столкновение между евреями и арабами застигло врасплох советское

правительство. Коминтерн немедленно занялся обсуждением событий. Непосредственно вслед затем Политбюро вынесло решение ни в коем случае не поддерживать борющиеся стороны и, пользуясь их столкновением, попытаться объединить арабскую и еврейскую коммунистические партии в Палестине, до того времени существовавшие отдельно. Объединенные партии должны были национальную проблему заменить классовой и совместно объявить войну еврейской и арабской буржуазии, главным же образом английскому империализму.

Агентура Блюмкина донесла о волнениях тогда, когда они приняли широкий характер, и не успела предупредить о них своевременно. Присланный агентом из Яффы доклад о столкновениях давал общие места. Это отчасти поколебало положение Блюмкина, находившегося в Москве и пользовавшегося в то время влиянием на решения ближневосточных вопросов. В октябре 1929 года, когда я занял место Блюмкина в Константинополе, мне было поручено тщательно изучить все классовые и национальные взаимоотношения в Палестине и выяснить на кого — на евреев или на арабов — советы могут сделать ставку в Палестине, в случае возникновения войны с Англией. Это было крайне важно потому, что Палестине, расположенной на берегу Красного моря, Москва придавала большое военно-стратегическое значение.

В период волнений в Палестине Коминтерн энергично развил свою деятельность. Срочно были отправлены агенты-пропагандисты для руководства местными коммунистическими партиями и для проведения в жизнь решений Коминтерна по палестинскому вопросу. Агенты III Интернационала отправлялись из СССР преимущественно под видом членов враждебных советскому режиму еврейских партий, высылаемых в административном порядке из СССР. Между прочим, один из таких агентов ехал со мной на пароходе «Чичерин» из Одессы в Константинополь, куда мы прибыли 27 октября 1929 года, и благополучно просле-

довал через Константинополь в Яффу. Вместе с ним ехала под видом его жены работница Коминтерна. Я знал этого агента еще по Туркестану, и поэтому нам незачем было скрываться друг от друга. Но все-таки он не хотел сказать мне, под какой фамилией он путешествует на этот раз. По его рассказам, из Москвы выехали вместе с ним в Палестину еще 4 человека, но те поехали через Берлин.

* * *

В Геджасе и Иемене ГПУ не вело никакой работы до приезда туда советского посла Хакимова. В 1925 году, будучи связан с ГПУ по работе в Мешеде, Хакимов начал вести в Геджасе информационную работу. Одновременно с ним в Геджас прибыли секретарь Хакимова, Моисей Аксельрод, и представитель Наркомторга Белкин. Аксельрод и Белкин добровольно, на свой риск и страх, начали сперва в Геджасе, а затем в Иемене агентурную работу. Видя их рвение, ГПУ назначило Аксельрода, переехавшего вскоре из Геджаса в Иемен, своим специальным представителем.

Аксельрод, говоривший на всех европейских языках и хорошо знавший арабский, сумел связаться с видными сотрудниками Имама Яхья, но в виду отсутствия разведывательного опыта, не мог в достаточной степени использовать эти связи. Из Иемена Аксельрод вел работу в Эритрее и даже посылал иногда своих агентов в Египет.

В 1927 году Аксельрод возвратился в Москву. Агентуру ГПУ принял Белкин, не имевший такой научной подготовки, как Аксельрод, зато обладавший большим практическим опытом. Работа при нем начала принимать чисто разведывательный характер. Помимо освещения деятельности правительства имама Яхьи, он в последнее время окружил сетью своих агентов неофициального представителя англичан, проживающего в Санаа под видом купца.

Получаемые сведения Белкин отправляет непосред-

ственно в Москву, пользуясь для связи с ГПУ советскими пароходами, заходящими в Иемен. Особенно часто служит этим целям пароход «Коммунист».

В конце 1928 года приехал в Иемен искать помощи один из шейхов южного побережья Персидского залива, владения которого занял его соперник, поддерживаемый англичанами. Белкин вошел с ним в связь и получил от него письмо к советскому правительству. Шейх просил оказать материальную поддержку для возвращения отнятых у него владений, взамен чего предлагал распространить советские товары на своей территории, закупить оружие в СССР и пригласить советских военных инструкторов для своей армии. Предложение было обсуждено в Наркоминделе, и Белкин получил приказ пригласить Шейха для переговоров в СССР.

Работа в Геджасе и Иемене не носила систематического характера. Отправляясь резидентом ГПУ на Ближний Восток, я получил поручение организовать ее по типу резидентур ГПУ в других странах.

ГЛАВА XXII

Турция

До 1929 года в Турции была только легальная резидентура ГПУ при советском генеральном консульстве в Константинополе. Резидентом ГПУ был Минский, официально числившийся атташе консульства. До назначения в Константинополь, он работал в Китае (вице-консулом и резидентом ГПУ в Шанхае), но провалил свою агентурную сеть. Китайская полиция, уличив его в шпионаже, произвела обыск в советском консульстве, и Минский вынужден был уехать из Китая.

Помощником Минского в Константинополе для работы среди кавказских антисоветских партий, т. е. среди грузинских меньшевиков, дашнаков, муссаватистов, горцев и проч. был некто Гришин. Кроме того, в аппарате ГПУ работали жена Минского (шифровальщица) и две женщины, Эльза и Лидия, выполнявшие работу переводчиц и служившие связью между резидентом и секретными агентами-осведомителями.

В начале 1929 года Минского отозвали в Москву по болезни. Его заменил Этингон, приехавший в Константинополь на должность атташе консульства под фамилией Наумова. До назначения в Константинополь Этингон был резидентом ГПУ в Харбине, но был скомпрометирован после налета китайской полиции на Харбинское консульство и вынужден выехать в Москву.

Вместе с Этингоном приехал, в качестве помощника по экономической линии, некто Бржезовский, работав-

ший до того в Иностранном Отделе ГПУ. Бржезовский устроился в константинопольском торгпредстве на должность заведующего плановым отделом. К этому времени выяснилась необходимость заменить также и Гришина, так как из доклада Минского было видно, что он чересчур неосторожно вел себя в Константинополе. На его место тифлисское ГПУ назначило некоего Кикодзе, бывшего начальника уголовного розыска в Батуме, доказавшего свою преданность советской власти активной борьбой с повстанцами в Грузии в 1924 году. Гришин же был переведен резидентом ГПУ в Тавриз на оффициальную должность делопроизводителя в совконсульстве на место Минасьяна.

Связь с Москвой константинопольская резидентура держала иначе, чем другие резидентуры. На пароходе «Ильич», курсирующем между Одессой и Константинополем, разъезжал специальный агент ГПУ для связи. Все материалы фотографировались в Константинополе при помощи аппаратов Лейтца, и пленки в непроявленном виде отправлялись через агента связи в Москву. Такой способ гарантировал почту от провала, так как в случае нападения или обыска, агенту связи достаточно было открыть коробку, чтобы на испорченных светом пленках исчезли все следы.

Агентурная сеть в Константинополе была опытна и хорошо поставлена. Ее организовал еще в 1925 году резидент ГПУ Гольденштейн, переведенный затем на ту же должность в Берлин. Благодаря широко поставленной агентуре, к нам попадала вся переписка Украинской организации, представитель которой находился в Константинополе, протоколы заседаний и вся переписка партий муссаватистов, горцев и других национальных антисоветских групп, организовавших заграничное бюро. Из этой переписки мы видели, что эти группы объединяются только для того, чтобы на следующий день вновь разделиться и вести свою собственную политику. Опасности для СССР они, конечно, не представляли, но любопытно было следить за их внутренними распрями. Особенно большие трения,

судя по перехваченным документам, происходили в среде азербейджанцев, объявлявших даже таких лидеров, как Топчибашев, изменниками делу пантюркизма. Из перехваченной переписки мы знали, что дашнакская партия была против объединения кавказских партий в одну конфедерацию, боясь быть съеденной тюркскими группировками. Агент, доставлявший нам эти документы, числился под № 87 и являлся одним из активных деятелей Заграничного бюро военных антибольшевистских партий.

Из Японского посольства в Константинополе мы получали расшифрованные телеграммы, благодаря агенту в охране посольства. Мы требовали, чтобы он достал для нас шифр посольства, но он боялся сам вскрыть несгораемый шкаф и предлагал нам прислать специалиста-взломщика, которого он ночью, в часы своего дежурства, пропустит в комнату, где стоит несгораемый шкаф, и даст ему возможность сделать все, что тот найдет нужным. Таких специалистов в ГПУ при Специальном отделе имелось два человека. Это были профессиональные воры-взломщики, состоявшие на службе ГПУ для выполнения «деликатных» поручений. На требование прислать одного из них в Константинополь, Специальный отдел ответил, что оба взломщика сейчас заняты в Прибалтийском крае; по возвращении одного из них командируют в Константинополь.

За французскими делами мы следили по копиям докладов французского военного атташе в Константинополе, аккуратно доставлявшимся нам раз в две недели. В своих докладах военный атташе подробно описывал состояние турецкой армии, положение на турецко-сирийской границе, а также касался стран сопредельных с Турцией, ставя нас, таким образом, в курс всех событий военного характера в Аравии и отчасти на Балканах.

Особенно ценили в Москве перехватывавшиеся нами доклады австрийского посланника в Константи-

нополе. Они содержали точные и подробные описания всех событий в Турции. По ним было видно, что их писал человек, хорошо знающий Восток и понимающий свои задачи. Так как Австрия дипломатического представителя в Персии и Афганистане не имела, то ее посланник в Турции одновременно наблюдал за событиями и в этих странах и сообщал о своих наблюдениях в Вену. Его доклады поэтому ставили нас в курс дел не только Турции, но также Персии и Афганистана. В 1929 году мы узнали из его доклада, что австрийское правительство намерено назначить особого представителя в Персию. Посланник рекомендовал на эту должность проживающего в Тегеране австрийского подданного Графа, женатого на персидской армянке и имевшего в Персии большие связи. Мы немедленно навели справки о Графе и, узнав, что по сведениям резидентуры ГПУ в Персии, он является агентом англичан, приняли меры к недопущению его на пост представителя Австрии.

Резидентура ГПУ в Константинополе имела всю переписку патриарха армянской церкви в Турции Нарояна. Это давало нам возможность узнавать настроения армянских епископов и армянского населения во всех странах. Замечая в письмах сочувственные к Советам настроения, мы затем приступали к вербовке намеченных лиц.

Вообще должен сказать, с начала 1929 года Иностранный Отдел ГПУ принял прямые меры к использованию армянского духовенства в разведывательных целях заграницей. Председателю ГПУ Армении Макарьяну было поручено выяснить пригодных к работе епископов в Эривани и, вербуя их на службу ГПУ, стараться устраивать их назначение заграницу. Именно таким образом, как я уже писал, было произведено назначение начальника Армянской епархии в Багдаде. Заграницей применялись другие способы. Архиерей Басмачьян в Константинополе был, например, завербован следующим образом. Католикос армян в Эммиадзине захотел посвятить Басмачьяна в 1929 году

в епископы и вызвал его в Эривань. Резидент ОГПУ в Константинополе Этингон, учтя полезность Басмачьяна для работы ГПУ, предложил советскому консулу отказать ему в визе. Одновременно агентура ГПУ начала зондировать почву, обещая Басмачьяну визу, если он согласится, вернувшись в Константинополь после посвящения в епископский сан, давать сведения для ГПУ. Басмачьян, страстно мечтавший об епископской мантии, согласился. От него отобрали подписку в том, что он обязуется добровольно быть агентом ГПУ, а затем мгновенно выдали визу в СССР. По приезде в Эривань, Басмачьяна детально обработал председатель армянского ГПУ — Макарьян. Свежеиспеченный епископ вернулся в Константинополь и теперь работает в качестве секретного сотрудника ГПУ.

Этим в настоящее время исчерпываются главные силы легальной резидентуры ГПУ в Константинополе. Конечно, имеется еще десяток мелких агентов, осведомляющих ГПУ о всевозможных происшествиях в Турции, но их трудно учесть, да большого интереса они и не представляют.

До 1930 года резиденты ГПУ в Турции имели распоряжение не вести работы против турецкого правительства. Распоряжение было вызвано двумя причинами. Во-первых, Советское правительство считало Турцию дружественной державой, с которой, пожалуй, даже можно обмениваться информацией. Действительно, представители турецкой разведки и полиции неоднократно предлагали советским представителям вести совместную работу. В последний раз такое предложение было сделано в начале 1929 года. О нем было доложено самому Менжинскому, но он отклонил предложение, мотивировав отказ тем, что турки едва ли обладают ценными сведениями, а если и обладают, то ценные оставят для себя, а нам сообщат чепуху. Ради этого бессмысленно раскрывать перед ними методы работы ГПУ. Но, передавая отказ, советское правительство выразило готовность, в случае получения сведений о чьей либо деятельности во вред турец-

ким государственным интересам, передавать сведения в распоряжение турецкого правительства.

Случаи такой «дружеской информации» имели место, впрочем, и в других восточных странах. Так, например, в Персии, во время курдского восстания в 1927 году, из копий писем партии дашнаков в Тавризе и их представителя Мурадьяна в Курдистане мы узнали, что партия дашнаков поддерживает тесную связь с восставшими, помогая им оружием и людьми. В письмах, кроме того, имелись сведения, компрометировавшие армянского архиепископа в Тавризе Нерсеса, под которого ГПУ давно вело подкоп. Полпред в Тегеране Давтьян, желая ухудшить отношение персидского правительства к дашнакам и, в частности, с целью добиться высылки архиепископа Нерсеса, передал эти материалы министру двора Теймурташу и одновременно сообщил их турецкому посольству. Турки энергично поддержали Давтьяна, прекрасно понимая, что без помощи дашнаков, курды едва-ли могут серьезно сопротивляться турецким регулярным войскам.

В результате этих представлений, персидское правительство распорядилось произвести в Тавризе обыски и аресты среди дашнаков, установило за ними наблюдение и, в конце концов, свело деятельность дашнаков почти на нет. Об этом мы узнали из писем Ишханьяна, представителя дашнаков в Азербейджане, адресованных Центральному комитету партии в Париже.

Второй причиной, почему ОГПУ воздерживалось от работы против турок, было желание создать в Константинополе базу для работы на всем Ближнем Востоке. Трилиссер считал, что если не трогать турок, а вести работу на территории других держав, то турки будут смотреть на эту работу сквозь пальцы. Такую жертву следовало принести, чтобы иметь возможность беспрепятственно вести работу в Сирии, Палестине, Египте и т. д.

Дружеское отношение к Турции, однако, не мешало

Специальному отделу ГПУ в Москве перехватывать и расшифровывать турецкие телеграммы. Так, например, во время войны между афганским эмиром Амануллой и Бача-Саккау ГПУ имело все телеграммы, посылавшиеся турецким и персидским посольствами в Кабуле своим министрам и ответы министров. Следует, кстати, отметить, что именно этим способом советское правительство узнало о намерении турок и персов начать переговоры с Бача-Саккау о признании и затем само начало вести двусмысленную политику по отношению к Аманулле.

Вследствие указанных соображений, ГПУ до 1928 года не имело своего представителя в Ангоре. В 1928 году пришлось его назначить, потому что часть иностранных миссий переехала из Константинополя в Ангору. Первым легальным представителем ГПУ в Турции был Илья Герт, проработавший в Ангоре до конца 1928 года, а затем нелегально отправленный в Китай.

С 1928 года в Турции, как и в других странах, ГПУ решило перейти на методы нелегальной работы. Для начала послали человека в Константинополь с поручением организовать «прикрытие» и облегчить приезд дальнейших работников ГПУ. В начале 1928 года в Константинополь выехал сотрудник Иностранного Отдела, родственник по жене Логинова, помощника Трилиссера. С Москвой он переписывался под кличкой «Рид» через легального резидента ГПУ при советском консульстве.

Приехав в Турцию, Рид открыл сперва самостоятельное комиссионное бюро в Константинополе, а затем присоединился в качестве компаньона к одной немецкой конторе. Так как Рид хорошо говорит по английски, то его снабдили американским паспортом, взятым из «лаборатории» Коминтерна. В одном из своих донесений, осенью 1929 года, Рид писал, что прекрасно устроился и настолько американизировался, что считается своим человеком в американской колонии Стамбула и еженедельно участвует в устраиваемых американцами обедах. Тут же он сообщал, что по

американским законам, каждый американский гражданин должен в течение пяти лет хоть один раз возвратиться в Америку, а так как по его паспорту значится, что он уже четыре года пребывает заграницей, то Рид для возобновления паспорта просит разрешения выехать в Америку. Этой поездкой он, кстати, надеется добиться представительства некоторых американских фирм и окончательно закрепить свое положение в Турции. Поездка Риду была разрешена. Он благополучно съездил в Америку и вернулся в Турцию в ноябре 1929 года, привезя с собой представительство некоторых военных и авиационных заводов Америки. С этими рекомендациями Рид до сих пор путешествует по Балканским странам, якобы для получения заказов, на самом же деле вербуя агентов для ГПУ и собирая сведения.

* * *

В середине 1928 года в Турцию был командирован Яков Блюмкин. Бывший левый эсер, прославившийся в 1918 году убийством германского посла в Москве графа Мирбаха, Блюмкин был в своем роде знаменитостью. Среди членов Коллегии ГПУ он пользовался большим влиянием, благодаря своей успешной деятельности в Монголии. В Константинополь его отправили с колоссальными полномочиями и поручением организовать нелегальную агентуру ГПУ в Сирии, Палестине, Геджасе и Египте. В виде аванса ему было выдано на руки 25 тысяч долларов. Поехал он в Турцию по фальшивому персидскому паспорту, под фамилией Султан-Заде.

Блюмкин путешествовал по восточным странам до июня 1929 года и вернулся в Москву. Что он делал на Ближнем Востоке, никто из сотрудников Иностранного отдела не знал, так как он переписывался непосредственно с Трилиссером (каждый резидент имеет право особо серьезные и важные донесения адресовать непосредственно начальнику Иностранного отдела, и

эти донесения не всегда попадают в аппарат Отдела) ... Блюмкина встретили с большим почетом. В его распоряжение предоставили автомобиль и беседы он вел только с начальниками отделов ГПУ. Сам Менжинский пожелал выслушать его и пригласил на обед. Блюмкин в то же время сделал доклад о положении на Ближнем Востоке некоторым членам Центрального Комитета, при чем особенно интересовался его работой секретарь Коминтерна Молотов.

Наконец, после торжественных и лестных приемов, Блюмкину было предложено вернуться на Ближний Восток и провести в жизнь все намеченные им планы. Планы же эти заключались в следующем: в каждой из стран Ближнего Востока посадить резидента ГПУ, а в Константинополе и Египте старших резидентов ГПУ, которые в то же время были бы его заместителями. Сам же Блюмкин будет разъезжать по всем этим странам, контролировать и направлять работу резидентов и выискивать новые возможности.

Блюмкин так размечтался, что предлагал включить в сферу своей деятельности и Ирак, и Персию, и Индию. Трилиссер соглашался. Блюмкину тогда вообще ни в чем не отказывали и возлагали на него громадные надежды.

Однако, угар триумфа прошел. Блюмкин начал подбирать сотрудников для стран, в которых должен был работать. И тут, естественно, ему пришлось связаться с аппаратом Иностранного отдела.

Среди рядовых сотрудников Иностранного отдела Блюмкин пользовался неважной репутацией. Правда, все признавали его ум и энергию, но зато все знали его, как большого хвастуна, краснобая и любителя приврать.

Явившись в Восточный сектор, Блюмкин рассказал, что он побывал в Бейруте, Дамаске, Яффе, Александрии и Каире и показал фотографии, изображавшие его в Яффе с известными евреями и в Египте у пирамид. Однако, на требования рассказать подробно о

сделанной работе, он от ответов уклонялся, ссылаясь на то, что уже сделал подробный доклад Трилиссеру.

Заметив, что я не особенно доверяю его рассказам, Блюмкин решил, что называется, подкупить меня. Он сказал, что Трилиссер поручил ему выбрать лучших сотрудников ГПУ; если я согласен работать с ним, то он с удовольствием возьмет меня в Константинополь на должность своего заместителя. Я ответил, что никогда никуда не прошусь и что мое назначение зависит от Трилиссера. Через несколько дней Трилиссер сам повторил предложение в присутствии Блюмкина. Я заметил, что мне, как армянину, вряд ли удобно ехать в Турцию и напомнил, что мне уже однажды было отказано в такой поездке. Трилиссер сказал, что подумает, но на следующий день опять вызвал меня и уже наедине сказал, что, детально ознакомившись с докладами Блюмкина и не особенно им доверяя, он просит меня поехать, чтобы прибрать к рукам всю работу, сделанную Блюмкиным на Востоке, а затем он Блюмкина отзовет, и руководителем работы останусь я. Я дал согласие.

Совместно с Блюмкиным мы начали подбирать сотрудников. Прежде всего приняли некую Ирину Петровну, бывшую жену какого-то министра Дальне-восточного правительства, которая должна была ехать в Константинополь в качестве жены Блюмкина. По профессии она была художницей, и Блюмкин предполагал ее использовать для связи между Константинополем и арабскими странами. Затем с нами должен был ехать еврей-инженер, намеченный для работы в Палестине. Он собирался организовать автомобильный гараж и, пользуясь авто-машинами, разъезжать по всей стране и организовывать агентуру. Наконец, из аппарата ГПУ нам назначили для работы в Египте сотрудника Аксельрода.

В течение этого времени я часто бывал у Блюмкина, жившего в Денежном переулке на квартире у народного комиссара просвещения Луначарского. Заводя со мной беседы на политические темы, он старался

выявить мое отношение к троцкизму. На этой почве мы однажды рассорились. Я в резкой форме осуждал троцкистов. На следующий день после ссоры, Блюмкин пошел к Трилиссеру и заявил, что отказывается от моего сотрудничества, так как полагает, что я к нему приставлен в качестве политического комиссара. Разговор происходил при мне. Так как я со своей стороны тоже отказался сотрудничать с Блюмкиным, отставка моя была принята, и Трилиссер предложил мне ехать самостоятельно в Индию для организации резидентуры ГПУ.

Это было в конце августа 1929 года. Блюмкин продолжал без меня вести приготовления к отъезду. Тем временем началась чистка и проверка коммунистической партии. В первую очередь подлежали проверке коммунисты ОГПУ и, в частности, уезжавшие в заграничную командировку. Многие из сотрудников Иностранного отдела поговаривали о необходимости выступить против Блюмкина и требовать его исключения из партии, как человека чуждого рабочей психологии. Блюмкин, конечно, слышал об этом и старался уклониться от чистки. Однако, два-три раза пропустив собрания, он все же был вынужден явиться. Очень хорошо помню этот день. В клуб ОГПУ явились на чистку почти все сотрудники Иностранного отдела и многие сотрудники других отделов.

В президиуме сидят члены Центральной Контрольной Комиссии Сольц, Караваев и Филлер. К ним подсаживается Трилиссер. Вызывают Блюмкина. Блюмкин выходит на трибуну и рассказывает свою биографию. Несмотря на всегдашнюю самоуверенность он явно смущен и часто запинается в речи. После него немедленно выступает Трилиссер и характеризует Блюмкина, как одного из преданнейших партии и революции работников. Слушатели, растерянные выступлением Трилиссера, молчат. Комиссия выносит постановление: считать Блюмкина «проверенным».

Спустя несколько дней после чистки, я ждал очереди в приемной Трилиссера, когда вдруг вошла со-

трудница Иностранного отдела Лиза Горская и обратилась с просьбой пропустить ее вне очереди. У нее небольшое, но важное и срочное дело. У Трилиссера она задержалась около часу. На следующий день сотрудник Восточного отдела Минский, отозвав меня в сторону, сообщил, что Блюмкин арестован. Арест произвели ночью сотрудники Оперативного отдела во главе с казначеем Иностранного отдела Ключаревым. Причина ареста неизвестна.

За разъяснением я обратился к Горбу, помощнику Трилисера, и тот рассказал следующее:

Блюмкин в Константинополе связался с Троцким. Троцкий пользовался этой связью для посылки писем своим приверженцам в СССР через секретную почту ГПУ. Когда Блюмкин выехал в СССР, он поручил ему переговоры с Карлом Радеком и с другими троцкистами. Блюмкин это выполнил. Сожительствуя с сотрудницей Иностранного отдела Горской, он рассказал ей о своих связях с Троцким, пытаясь завербовать и ее для работы на Троцкого. Горская сделала вид, что согласилась, но на следующий день донесла обо всем Трилиссеру. Ключарев затем мне рассказал, что он вместе с комиссарами из Оперативного отдела в час ночи подъехал к квартире Блюмкина, который как раз в это время отъезжал на автомобиле вместе с Горской. Поняв, что приехали за ним, Блюмкин приказал шофферу гнать полным ходом. Из автомобиля ГПУ было сделано несколько выстрелов вдогонку. Блюмкин велел шофферу остановиться, обернулся к Горской и сказал: «Лиза, это ты меня предала». Сойдя с автомобиля, он обратился к подоспевшим агентам ГПУ: «Не стреляйте, товарищи, я сдаюсь».

Блюмкина препроводили во внутреннюю тюрьму ГПУ, а дело его передали в Секретный отдел. Дело Блюмкина вел помощник начальника Секретного Отдела Агранов.

На следующий день после ареста, Трилиссер передал мне дневник Блюмкина, найденный при обыске.

Дневник начинался с 25-й страницы и содержал подробный отчет о финансовом и деловом положении резидентуры ГПУ на Ближнем Востоке. По оставшимся нескольким строчкам, можно было судить, что первая часть дневника была посвящена отношениям с Троцким. Дневник был адресован Трилиссеру. Видимо, Блюмкин успел раскаяться в измене Центральному комитету партии и незадолго до ареста написал покаянный доклад.

Минский потом признался, что еще из Турции он доносил в Москву о деятельности Блюмкина, жившего совершенно неподобающим образом. До него регулярно доходили сведения, что Блюмкин, разъезжая на советских пароходах, ведет пропаганду среди команд в пользу Троцкого. Все эти доклады Минский посылал непосредственно на имя Трилиссера. Этим и объяснялись сомнения Трилиссера в самый расцвет славы Блюмкина. В Константинополе я получил сообщение, что Блюмкин расстрелян. Блюмкин был известен под кличкой «Живой». Весть пришла в таком виде: «Живой — помер», а вслед затем пришли и подробности. Как сотрудник ГПУ, Блюмкин был расстрелян без суда, по постановлению Коллегии ГПУ. На Коллегии Ягода стоял за расстрел, Трилиссер — против, Менжинский колебался. Однако, под давлением Политбюро, т. е. Сталина, ЦК утвердил приговор, и Блюмкина «ликвидировали».

Что представлял собой Блюмкин? В сущности молодой человек лет 30-ти, он с 18-ти летнего возраста был захвачен революционной волной. Убийство Мирбаха возвело его в чин вождя левых эсеров. Чрезвычайно начитанный и образованный, он был авантюристом по натуре и, собственно говоря, не был предан идейно ни одной партии, членом которых он попеременно состоял. К политической работе относился как к тотализатору.

Последняя ставка на Троцкого его погубила.

ГЛАВА XXIII

Высылка Троцкого

Троцкий жил в Алма-Ата в Семиреченской области, под тщательным надзором местного ГПУ, в еженедельных сводках сообщавшего в Москву о его деятельности. В начале 1929 года в Москве распространились слухи, будто Троцкий сильно болен и находится при смерти, а Центральный Комитет не дает ему возможности лечиться. Многие говорили, что Сталин нарочно держит Троцкого в Семиречьи, где нет врачей, чтобы скорее уморить его и избавиться таким образом от опаснейшего конкуррента на власть. Вместе с тем, сводки ГПУ указывали, что сторонников Троцкого становится все больше и больше. Посещение ими Алма-Аты приняло характер паломничества в Мекку. Вопрос был поставлен на обсуждение в Политбюро и оно решило выслать Троцкого заграницу. После долгих переговоров, турецкое правительство согласилось принять Троцкого. Проведение постановления в жизнь было поручено агентам ГПУ. Охранявшие Троцкого чекисты стали за это время ярыми сторонниками Троцкого и вместе с сыном Троцкого пытались оказать сопротивление ГПУ и не дать возможности увезти «опального вождя». Сын Троцкого даже начал драться. Однако, это не остановило сотрудников ГПУ и Троцкого почти на руках вынесли из дома и доставили на пароход, шедший в Константинополь.

Приехавшему в Константинополь Троцкому с семьей отвели на первое время помещение в советском консульстве. Одновременно, резидент ГПУ в Константинополе Минский получил распоряжение тщательно наблюдать за Троцким, но быть с ним любезным и помочь ему устроиться в Турции по его личному желанию.

Во исполнение инструкции, Минский хотел представиться Троцкому, но Троцкий не принял его и поручил сыну вести все переговоры. Этот сын, довольно наглый молодой человек, забыл, что он сам не Троцкий, а всего только его сын, и пытался говорить с Минским в повелительном тоне. Минский его осаживал, но ежедневно получал десятки требований, исходивших якобы от Троцкого.

Консульство предложило Троцкому подыскать себе другое помещение. Троцкий долго не соглашался, но, наконец, уступил при условии, что ему будет найдено помещение удобное и безопасное от возможных покушений со стороны белой эмиграции. Минский пустил на розыски помещения почти всю свою агентуру. В течение месяца Троцкому было предложено около 20-ти квартир, но от всех он отказывался под разными предлогами. Наконец, стало ясно, что Троцкий не желает покидать консульство и хочет выиграть время. Минский начинал терять терпение. Между ним и сыном Троцкого происходили жестокие схватки. В конце концов, Минский настоял на своем. Троцкий выехал из советского консульства. Теперь он живет на острове Принкипо под охраной и наблюдением турецкой полиции и тайных агентов ГПУ.

Кроме задачи устроить Троцкого на жительство, перед ГПУ стоял вопрос о наблюдении за деятельностью Троцкого. Для этой цели Минский использовал агента, работающего оффициально в одном из советских хозяйственных учреждений в Турции. Этот агент, бывший офицер, знакомый с семьей Троцкого по Москве, якобы возобновил свое знакомство с Троцким и, посещая его, передавал резиденту ГПУ разные

сведения. В конце 1929 года этот агент женился на сотруднице связи при ГПУ некоей Эльзе.

Константинопольская резидентура ГПУ организовала также пересмотр писем, прибывающих по турецкой почте на имя Троцкого. Несколько таких писем при мне получено было в Москве. Они носили оффициальный характер. Некоторые издатели и журналисты обращались к Троцкому с вопросами или предложениями. Впоследствии было решено таких писем не задерживать. а пропускать их Троцкому.

После ареста Блюмкина, Минский рассказывал, что при встречах с сыном Троцкого, он часто удивлялся его осведомленности о делах в советском консульстве. Так, например, Троцкий всегда знал, когда резидент ГПУ отправляет почту в Москву и когда почта прибывает из Москвы. В то время Минский не мог догадаться, откуда это могло быть известно Троцкому, но теперь вспоминает, что Блюмкин всегда старался узнать за несколько дней об отправке курьеров в Москву и, повидимому, сообщал Троцкому. Из допроса Блюмкина, между прочим, выяснилось, что он должен был вести в Москве переговоры с Радеком. Первое время после ареста Блюмкина, все думали, что его выдал Радек. Это недоразумение рассеял секретарь ЦКК Ярославский, выступивший на одном из собраний ГПУ с обвинением Радека в двуличности.

Оказывается, Радек, отказавшись от троцкистских взглядов, все же ничего не сообщил ни в Центральный Комитет партии, ни в ГПУ о посещении Блюмкина. После ареста Блюмкина, Радек был вызван в Центральный Комитет и подтвердил показания Блюмкина, сообщив при этом, что на предложения Троцкого, переданные через Блюмкина, он ответил отказом.

Весной 1929 года в ГПУ поступила просьба сына Троцкого разрешить ему приехать в СССР за женой. Мы передали просьбу в Центральный Комитет партии, откуда получился отрицательный ответ. Отказ мотивировался тем, что сын Троцкого может приехать под предлогом личных дел, а в действительности

начнет, вероятно, устанавливать связь с троцкистами. Поэтому было благоразумно предложено невестке Троцкого, без помощи мужа, самой выехать в Константинополь.

После высылки Троцкого в Константинополь, число сочувствующих ему в России значительно увеличилось. Особенно много сторонников он приобрел среди беспартийных рабочих и крестьянских масс. Центральный Комитет партии, учитывая ростущую популярность Троцкого, широко использовал опубликованные Троцким в английских и американских газетах статьи и объявил его уже не оппозиционером, а контр-революционером. На всех собраниях и митингах выступали правоверные коммунисты и по заказу Центрального Комитета партии порочили Троцкого на все лады, вспоминая все его политические ошибки с 1903 года.

Пока Центральный Комитет партии боролся с троцкизмом (вернее, лично с Троцким, так как в сущности Сталин украл программу Троцкого и сам проводит ее в жизнь), начала выявляться новая оппозиция справа. На смену Троцкому выступили против Сталина новые борцы, бывшие соратники Сталина в борьбе с Троцким. Разгоревшаяся борьба с правыми уклонистами отвлекла внимание партии от троцкизма. К осени 1929 года можно было видеть, что Троцкого постепенно забывают в советской России.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что пройдет еще один год такой пассивности, какую проявляет Троцкий в изгнании, и вождь красной армии до конца своих дней останется на берегах Босфора, превратясь из страстного политика просто... в рыболова.

* * *

Появившиеся колебания в рядах коммунистической партии заставили Центральный Комитет и руководителей ГПУ усиленно следить за настроениями сотрудников ГПУ. ГПУ должно быть идейно абсолютно чистым и кристальным, т. е. вполне преданным Цент-

ральному Комитету партии, орудием которого оно является.

Каждый сотрудник вечно «проверялся» и «прорабатывался» для выяснения, не заражен ли он теми или иными уклонами. Помню, когда я приехал в Москву в 1928 году, я в течение первых двух-трех месяцев был абсолютно загружен всяческими докладами, в которых должен был доказать правоверность своих точек зрения. При малейших подозрениях сотрудников ГПУ откомандировывали. Тому примеров множество.

По поводу статьи Оссовского в журнале «Большевик» о допустимости существования других партий в СССР, начались усиленные разговоры среди сотрудников ГПУ. В одной из бесед сотрудник Риольф, выдвиженец из рабочих, высказал мысль, что существование в СССР другой партии, кроме коммунистической, дало бы возможность иметь легальную оппозицию, выступления которой могли бы «выпрямлять линию коммунистической партии». За эти слова Риольф через два дня был откомандирован из ГПУ.

Сотрудники ГПУ вообще очень интересовались внутри-партийной жизнью и иногда, бросая свою основную работу, горячо обсуждали между собой тот или другой принципиальный вопрос. Но на партийных собраниях, за исключением казенного докладчика, почти никто не выступал. Руководители жаловались на равнодушие членов партии, не понимая или не желая понимать, что люди не выступают потому, что все равно нельзя сказать, что чувствуешь и что думаешь. В товарищеской среде эти «равнодушные» сотрудники чрезвычайно бурно обсуждали каждое мероприятие партийной верхушки.

В середине 1929 года, когда мы еще ничего не знали о борьбе между Бухариным и Сталиным, Эйнгорн сообщил нам, что между членами Политбюро происходит сильная склока по вопросу о темпе социалистического строительства. Еще не поступило в ГПУ стенографического отчета о заседаниях Политбюро, но сотрудники ГПУ уже частным образом обсуждали все

спорные вопросы. Начал обнаруживаться так называемый правый уклон. То же явление наблюдалось и во всех других партийных организациях.

Центральный Комитет решил устроить чистку и проверку членов партии, чтобы освободиться от «уклонистов».

В первую очередь началась чистка ячеек ГПУ. Комиссия по чистке состояла из вождей Центральной Контрольной Комиссии — Сольца, Караваева и Филлера. Чистка началась в августе. Предварительно Комиссия просмотрела все «личные дела» сотрудников (документы, вроде послужных списков, но гораздо более подробные), охотно принимала анонимные доносы. Все сотрудники впали в панику. Никто не знал, как будет проводиться чистка, каковы будут ее результаты. Люди, не испытывавшие страха в боях, рисковавшие жизнью в подпольной работе заграницей, ныне дрожали. Их партийная честь находилась в руках этих трех человек,

Началась чистка Иностранного отдела. Она заключалась в том, что на собрании члены партии выступали по очереди, рассказывали свою биографию и отвечали на вопросы, поставленные комиссией или собранием. Часто люди, проработавшие десять лет друг с другом, только тут узнавали о прошлой жизни своего товарища. На чистке Иностранного отдела выяснилось, что в отделе нет ни одного сотрудника с пролетарским происхождением. Среди сотрудников ГПУ оказались люди из дворянских семей, а один даже оказался сыном чиновника царской охранки. Много также сотрудников было с подозрительным прошлым, которые, по всей вероятности, работали в иностранных и белогвардейских разведках. Так, например, помощник начальника Иностранного отдела Логинов, член партии с 1905 года, как оказалось, с 1917 по 1920 год жил в Архангельске при белых, остался жив и даже редактировал там газету. Почему он остался в белом стане и почему его не тронули, он так и не мог объяснить на собрании. Другой близкий друг Трилиссера, Альфред,

член партии с 1903 года, пробывший на каторге 10 лет, прожил в Ростове на Дону весь деникинский период, занимаясь, по его объяснению, личными делами. Видная сотрудница Иностранного отдела ГПУ, Красная, жена члена Исполкома Крестьянского интернационала, по ее словам чуть ли не с 10-ти летнего возраста состояла членом ЦК польской компартии, хотя одновременно была связана с Пилсудским. Собрание заинтересовалось ее биографией и забросало ее вопросами, отвечая на которые она окончательно спуталась и заплакала. Лиза Горская, предавшая Блюмкина, оказалась дочерью польского помещика. Вероятно для того, чтобы загладить неблагоприятное впечатление от своей биографии, она и выдала Блюмкина.

Комиссия обратила внимание на отсутствие пролетарского сословия в Иностранном Отделе ГПУ, но решила оставить аппарат неприкосновенным, так как, в конце концов, все это были испытанные чекисты. Исключены были только два сотрудника, занимавшие технические должности.

Я готовился к поездке в Индию. По плану я должен был ехать в Берлин, затем в Египет и оттуда уже в Бомбей. В начале сентября 1929 года была получена телеграмма от резидента ГПУ в Париже с сообщением, что советник Парижского полпредства Беседовский, отказавшись ехать в СССР, бежал из полпредства. Это был первый случай «измены» крупного работника советского правительства. Сотрудники ГПУ радовались, что это случилось с чиновником Наркоминдела. Теперь можно открыто выступать против Наркоминдела и отказывать в визах, указывая на пример Беседовского. Но многие возмущались и предлагали немедленно расправиться с Беседовским, чтобы его пример не мог соблазнить других.

Несколько дней спустя, меня вызвал Трилиссер. Справившись, в каком положении находятся мои приготовления к поездке в Индию, он сказал: — Вот что! Прежде чем ехать в Египет, вам надо заехать в Париж и во что бы то ни стало прикончить Беседовского.

Его пример может заразить других. После ликвидации вы выедете в Египет. Это заметет следы, так как все вас будут искать у границы СССР.

Я переменил план поездки и начал приготовления. Но прошел день, и меня опять вызвал Трилиссер. С удрученным видом он сказал, что Политбюро не разрешает ликвидировать Беседовского. Вследствие опубликованных Беседовским разоблачений, убийство теряло смысл, могло поднять большой шум и вызвать дипломатические осложнения с Францией. Таким образом Беседовский спасся. ГПУ оставило его в покое.

ГЛАВА XXIV

Что делает ОГПУ в настоящее время на Ближнем Востоке?

После ареста Блюмкина меня вызвал Трилиссер и сказал, что мне придется отложить поездку в Индию, а поехать пока в Константинополь для приема дел и продолжения работы, начатой Блюмкиным. В сферу моей деятельности отныне входили Сирия, Палестина, Геджас и Египет. В самом Константинополе, где находилась моя резиденция, я не должен был вести работы, предоставив ее исключительно заботам легальной резидентуры ГПУ в Турции.

В Константинополе находились помощник Блюмкина, оставшийся на время его отсутствия заместителем, а также Ирина Петровна, которую он успел отправить до своего ареста в Турцию в качестве своей жены с персидским паспортом на фамилию «Султан-Заде».

Помощник Блюмкина был беспартийным и совершенно неизвестным ГПУ человеком. Блюмкин завербовал его в Париже и привез в Константинополь. Родители помощника проживали в Одессе. Подозревая, что и он, подобно Блюмкину, связан с Троцким, мы решили откомандировать его в СССР. Для этой цели Блюмкин был вызван из тюрьмы и написал под диктовку письмо помощнику с вызовом в Москву. Письмо было отправлено легальному резиденту ГПУ в Константинополе, с поручением доставить помощника

Блюмкина в СССР. Такое же письмо Блюмкин написал и Ирине Петровне.

*

* *

В Сирии находились два агента ГПУ, мужчина и женщина, проживавшие в Бейруте под видом мужа и жены. Они открыли комиссионную контору на улице Алембо, служившую им «прикрытием». Мужчина работал под кличкой «Прыгун», а женщина — «Двойка». «Двойка» служила связью с Константинополем и ежемесячно привозила почту для константинопольской резидентуры ГПУ. Мне было предложено присмотреться к ним и, если я найду, что они полезны и не находятся в связи с Троцким, то продолжать работать с ними, в противном случае—командировать их в СССР.

В Сирии находился также работник Коминтерна Обейдулла, работавший в свое время в ГПУ. Мне было предложено разыскать его и, установив с ним связь, использовать его услуги для освещения социальных вопросов в Сирии. Кроме агентуры в Бейруте, я должен был организовать агентуру в Дамаске.

В Сирии нам предстояло выяснить отношения сирийцев к французскому правительству, взаимоотношения между арабами и армянами и сирийско-турецкия отношения. Конечно, главная задача заключалась в добыче документальных данных, для чего необходимо было произвести вербовку осведомителей в правительственных учреждениях Сирии. Одновременно, следовало прощупать почву для выяснения возможностей объединения сирийцев с арабами других стран. Советское правительство мечтает об образовании единого арабского независимого государства, которое можно было бы противопоставить на Востоке Англии и Франции.

В Палестине, как я уже упоминал, у Блюмкина имелся всего один агент, укрывшийся под видом хозяина пекарни в Яффе. Кроме того, несколько местных коммунистов поддерживали связь с резидентурою ГПУ в Берлине. Мне было предложено списаться с Берли-

ном и присоединить его агентов к своей сети. В это время в Палестине происходили арабо-еврейские столкновения, и Москва очень интересовалась развитием событий. Мне предлагалось по прибытии в Константинополь возможно скорее выяснить причины столкновений. Палестинская агентура держала связь с Бейрутом и посылала свои донесения «Прыгуну», который затем переправлял их в Константинополь.

«Прыгун» и «Двойка» — оба евреи и коммунисты. Приехали они в Бейрут через Париж, где заручились торговыми представительствами французских фирм в Сирии. Оба были завербованы Блюмкиным в Москве. После его ареста я, ради осторожности, откомандировал их обратно в Москву.

* * *

В Египте работу ГПУ вели местные коммунисты. В числе их имелся редактор одной из местных газет. Работой руководила берлинская резидентура ГПУ, ежемесячно посылавшая на оплату агентов в Египте 1000 долларов.

В Египет должен был ехать Моисей Аксельрод с целью непосредственно ознакомиться с местными партийными группировками, в частности с партией Вафда, левое крыло которой мы надеялись отколоть для совместной работой с египетской коммунистической партией. Вместе с тем Аксельрод должен был изучить фелахский (египетское крестьянство) и нубийский вопрос. Поручения добывать переписку Верховного комиссара в Египте он не получил, потому что документы эти уже поступали в ГПУ из других источников (к нам систематически поступали доклады лорда Ллойда, а затем сэра Перси Лорейна, содержавшие подробные сведения об общественных настроениях и отчеты о переговорах, ведшихся в Египте). Зато Аксельрод должен был обратить внимание на египетское купечество, в частности на местных армян, которых насчитывалось в Египте до 15-ти тысяч человек, и попытаться связаться через них с Индией.

Между прочим, ему было поручено выяснить отношение к англичанам главы ювелирной фирмы в Каире Гюльбекяна, который за несколько месяцев перед тем обратился к нам через торгпредство в Греции с предложением распространять советские товары в Египте и с просьбой разрешить ему приехать в Москву для закупки бриллиантов и драгоценных камней на пол миллиона фунтов стерлингов. В своем письме Гюльбекян многозначительно указывал, что имеет в Египте колоссальные связи. По тону письма можно было догадаться, что он готов предложить нам свои услуги и по политическим вопросам. Связал его с нами армянский епископ в Греции Мазлумян. Мы решили использовать фирму Гюльбекяна, имеющую отделения во всех городах Египта, для разведки и пропаганды, но предварительно хотели к ней присмотреться, чтобы не оказаться спровоцированными и не попасть в ловушку.

До моего отъезда из Константинополя эта работа не была закончена.

С египетскими коммунистами, которые были связаны с ГПУ в Берлине, Аксельрод должен был вступить в непосредственную связь только после тщательного ознакомления с ними на месте.

Мы с Аксельродом начали готовиться к отъезду. Я должен был ехать прямо в Турцию, а Аксельроду предстояло проехать в Европу, найти себе там «прикрытие» и затем следовать через Константинополь в Египет.

Я попросил контр-разведывательный отдел ГПУ заготовить мне персидский паспорт. Его добыли для меня в течение двух дней через секретаря персидского консульства в Москве. С паспортом на имя персидского купца Нерсеса Овсениана, я затем лично обратился в турецкое консульство за визой. Внимательно осмотрев паспорт и рекомендации персидского купечества в Москве, консульство благополучно выдало мне

визу. Выехал я из Москвы 23 октября 1929 года через Одессу в Константинополь на советском пароходе «Чичерин». Со мной ехал помощник легального резидента ГПУ в Константинополе Минцдорф, назначенный на оффициальную должность секретаря Нефтесиндиката в Константинополе. Он должен был сообщить легальному резиденту ГПУ Наумову о моем приезде и условиться о моей встрече с ним. Кроме нас, на том же пароходе ехали два работника Коминтерна; один направлялся в Палестину под видом ссыльного сиониста, а другой должен был нелегально сойти в Константинополе.

27 октября пароход пришел в Константинополь. После проверки документов турецкие власти разрешили мне сойти на берег. Остановился я в отеле «Лондон» и на следующий день после приезда начал заводить знакомства с местными армянами. Они принимали меня с распростертыми объятиями, так как я не скупился на обеды и ужины. Через два дня произошла встреча с легальным резидентом ГПУ, которому я передал инструкции Москвы о ликвидации наследства Блюмкина. Я же ему сообщил и об аресте Блюмкина. Мы решили, что отправку помощника Блюмкина и его «жены» в СССР Наумов возьмет на себя, чтобы в случае неудачи не провалить меня.

Наумов при первой встрече рассказал, что представитель Коминтерна, прибывший со мной на «Чичерине», неудачно сошел на берег и был арестован турецкой полицией. Принимаются меры к его освобождению. Еще через несколько дней Наумов сообщил, что представитель Коминтерна благополучно освобожден.

Между тем турецкая полиция, отобравшая мой паспорт, медлила с выдачей разрешения на жительство. Пришлось пустить в ход своих армян, имевших большие связи в полиции. Выяснилось, что мои бумаги переданы в 1-ое отделение, занимающееся политическими делами. Сейчас же был найден помощник начальника этого отделения и приглашен на обед. За обедом мои армянские друзья уверяли его, что знают меня

чуть ли не со дня рождения. Удостоверили, что я, действительно, очень солидный персидский купец. В тот же вечер нужные документы были присланы через полицейского мне в гостиницу. Эта спешка стоила всего 50 долларов, переданых через армянских друзей полицейскому чиновнику. Выправив документы, я немедленно приступил к организации комиссионной конторы и одновременно начал хлопотать о регистрации меня в Константинопольской торговой палате. К 1 декабря все было сделано. Я мог спокойно сидеть у себя в конторе и «торговать». Тем временем Наумов успел без всяких осложнений отправить в СССР «жену» Блюмкина и его помощника.

К концу ноября 1929 года пришло из Москвы распоряжение принять руководство агентурной сетью ГПУ в Греции, для сдачи которой приедет в Константинополь бывший резидент ГПУ в Афинах Молотковский. Едущего в Египет Аксельрода предлагалось задержать и временно использовать в Константинополе. Москва сообщала, что в последнее время во внешней политике Турции наблюдается поворот на запад, и потому мне необходимо начать разведывательную работу против турецкого правительства, для чего, в случае надобности, я могу направить Аксельрода в Ангору.

В первых числах декабря приехал в Константинополь Аксельрод с австрийским паспортом, на фамилию Фридриха Кейль. Он выехал из Москвы через Ленинград в Латвию с двумя паспортами в кармане. По приезде в Ригу, он уничтожил паспорт, по которому выехал из СССР и на котором значилась советская виза, и начал проживать по другому, на котором никаких советских пометок не было. В Риге у Аксельрода оказался дядя, некто Тейтельбаум, владалац лесной торговой конторы. Дядя принял его с распростертыми объятиями, хотя знал, с какой миссией приехал Аксельрод. В Риге дорогой племянник провел несколько дней, в течение которых дядя перезнакомил его с местной публикой. Аксельрод особенно подру-

жился со шведским консулом в Риге. Сидя однажды в кабинете консула, он заметил пачку чистых шведских паспортов и, на всякий случай, незаметно сунул два паспорта в карман. Он передал их мне в Константинополе для отправки в Москву.

Дядя Аксельрода снабдил его доверенностью и удостоверением в том, что племянник его является представителем его торговой фирмы в Сирии, Палестине и Египте, причем зарегистрировал это удостоверение в местном английском консульстве. Снабженный вполне «безопасными» документами, Аксельрод выехал в Берлин, получил там визу в Египет и транзитные визы через Сирию и Палестину.

В Берлине Аксельрод также не терял времени. Он связался с вновь прибывшим резидентом ГПУ Самсоновым, который, между прочим, сообщил ему о расстреле Блюмкина. Из Берлина, через Балканы, Аксельрод приехал в Константинополь.

Я передал Аксельроду распоряжение Москвы и предложил остаться работать в Константинополе.

За это время я успел завести знакомства среди местного купечества и считал свое положение прочным. Аксельрод вступил в мою «контору» компаньоном, чтобы не тратить зря денег на организацию собственной «конторы». Вдвоем мы почувствовали себя более уверенно и начали вместе присматриваться, с кого и с чего начать нашу работу.

Среди знакомых нам купцов имелся армянин Элмаян, старик лет 60, занимавшийся всевозможными торговыми делами в Константинополе в течение 30-ти лет. Связи его во всех турецких правительственных учреждениях были колоссальны. Он знал подноготную всех влиятельных лиц в Константинополе. Очень подвижный, несмотря на изрядную толщину, Элмаян был хитер, беспринципен и готов за деньги на что угодно. С нами он очень дружил, чувствуя, что в торговых делах мы неопытны и надеясь на нас нажиться. Посоветовавшись с Аксельродом, я решил начать с Элмаяна.

Как-то в одной беседе я ему сказал, что мой компаньон по конторе, немец Фридрих Кейль, является одновременно корреспондентом большой берлинской газеты и ищет человека, который мог бы снабжать его интересными сведениями о константинопольской жизни. Элмаян легко пошел на удочку. Я свел его с «корреспондентом». Еще несколько бесед, и мы поняли друг друга. Элмаян согласился работать агентом Кейля за 150 турецких лир в месяц, полагая, что будет работать для германской разведки. Я же считался в этом деле просто маклером, устроившим хорошее дело Элмаяну, родному мне армянину.

Начал Элмаян, получивший кличку «Малояна», работу с турецкой полиции. В первую очередь он завербовал начальника второго отделения турецкой полиции Изед-Бея, ведавшего делами национальных меньшинств в Турции. Мы получали от него через Элмаяна все доклады турецкой полиции о дашнаках и других группах армянского населения в Константинополе. Элмаян затем достал нам схему организации почтового управления в Константинополе. Мы были намерены, изучив почтовые операции, повторить в Турции персидский опыт.

У Элмаяна в качестве компаньона работал армянин Гюмишьян, очень интересовавшийся политическими делами. Мы завербовали его вслед за Элмаяном. Платили мы ему всего 50 лир.

К концу декабря из Москвы приехал бывший греческий резидент ГПУ Молотковский. По его рассказам, греческая сеть была организована не плохо: под № 3/23 числился армянский архиепископ в Греции Мазлумян; другим крупным агентом был редактор армянской газеты, издававший ее на деньги ГПУ. Но Молотковский советовал не связываться с ними, так как они до некоторой степени уже скомпрометировали себя советофильскими выступлениями. Кроме архиепископа и редактора, резидентура ГПУ в Греции имела сеть агентов в военном Министерстве и в Министерстве иностранных дел, объединенных под руковод-

ством одного «групповика». Через эту сеть ГПУ получало все секретные военные сведения в Греции.

«Групповик» грек вступил в коммунистическую партию в России и три года тому назад был переброшен для работы ГПУ в Грецию. Однажды при какой то облаве его арестовали по подозрению в коммунизме, но затем освободили. Молотковский предлагал выехать вместе с ним в Грецию и принять руководство над агентурой. После долгого обсуждения, мы, однако, решили послать принимать греческую сеть легального резидента ГПУ в Константинополе Наумова. Наладив связь, Наумов затем должен был передать эту сеть мне.

Наумов, беспрепятственно получив визу, выехал в Грецию. Связь с греческой сетью должна была поддерживаться советскими пароходами, заходящими в Пирей и Константинополь.

После отъезда Наумова в Грецию, Молотковский уехал в Москву. Наша работа продолжалась до середины января 1930 года. К этому времени мы ликвидировали бейрутскую группу агентов, так как предполагали, что Блюмкин тайно связал их с Троцким.

Связь нашей нелегальной организации поддерживал с Москвой легальный резидент ГПУ в Константинополе Наумов, занимавший с советском консульстве оффициальную должность атташе. Ему мы передавали пакеты для отправки в Москву и от него получали почту, прибывавшую из Москвы. Встречались мы с ним или с его представителями на улицах Стамбула или в моей квартире («Шишли», улица Ахмед-бей, № 51), хорошо изолированной и приспособленной для конспиративных встреч.

В начале января 1930 года я послал в Москву доклад с предложением перенести наш центр в Бейрут. Там мы были бы ближе к тем странам, где должны были вести работу, и имели бы то преимущество перед Константинополем, что выходили из сферы действия международной разведки, направленной против нас и свившей прочное гнездо в Стамбуле. Москва в ответ

предложила командировать Аксельрода для личного доклада. В середине февраля Аксельрод, получивший транзитную визу через СССР в Латвию, выехал в Москву.

*

* *

Уже в Москве, на работе в Иностранном отделе в 1928 году, во мне возникали сомнения в правильности той политики, которая проводилась в то время советским правительством. Особенно меня поражало, что даже наиболее ответственные работники не могли открыто выражать своих мыслей. Я вскоре лично убедился, что каждое неосторожное слово, не соответствующее политике Центрального Комитета, влечет за собой немедленные репрессии. Открыли мне глаза два случая. Риольф, сотрудник ИНО, вздумавший защищать троцкиста Оссовского, немедленно был уволен из ГПУ. Но особенное впечатление произвела на меня история сотрудника Наркоминдела Шохина.

Шохин, по происхождению крестьянин, до 1921 года служил в красной армии. Состоя в коммунистической партии с 1918 года, он самоотверженно боролся на фронте за советскую власть. Затем его перевели на работу в Наркоминдел. Он служил со мной два года в Тегеране на должности шифровальщика. Это был честный человек, работавший круглые сутки и глубоко преданный советской власти. Из Тегерана его откомандировали в СССР по болезни. Получив отпуск, он поехал в деревню к старикам-родителям. Это было в середине 1928 года, когда началась «пятилетка». Приехав из деревни в Москву, Шохин пришел ко мне и рассказал ужасные вещи о положении крестьян. Борьба с кулачеством довела деревню до полного разорения. Даже крестьянские хозяйства, имевшие одну лошадь и две коровы, считались кулацкими и реквизировались . . .

Спустя некоторое время после приезда, Шохин выступил на собрании Наркоминдела с докладом о деревне и требовал назначения суда и следствия над пе-

реусердствовавшими местными властями. Не прошло недели после этого выступления, как Шохина исключили из партии, а затем вообще сняли с работы. Тут я понял, почему мои товарищи в частных беседах говорят одно, а на партийных собраниях другое. И чем меньше они верили, тем больше и длинней говорили, может быть, стараясь самих себя убедить собственным словесным потоком. Мои сомнения, видимо, были замечены ячейкой ГПУ. Меня начали загружать докладами на всевозможные темы, чтобы по моим выступлениям выявить, нет ли у меня уклонов. Я, видимо, выдержал экзамен. Вскоре меня зачислили в так называемый партийный актив.

Однако, читая в Стамбуле информационные сводки ГПУ, я все более убеждался в том, что народное хозяйство разрушается и гибнет, пока наверху идет драка за власть. В частных письмах мне сообщали, что положение все более ухудшается, что приближается новый, 1921 голодный год. Постепенно становилось ясно, что в создавшемся положении виноваты не отдельные личности, но вся система управления. Зрела мысль борьбы с руководителями преступной политики. Ехать обратно в СССР и начать там открытую борьбу, это значило в лучшем случае сесть куда нибудь в концентрационный лагерь.

Я решил ехать на запад. Работать при таких условиях я уже не мог и после отъезда Аксельрода почти прекратил разведывательную работу.

Москва, не подозревая о происшедших во мне переменах, продолжала присылать задание за заданием. Надо было что-то предпринимать. В Турции я оставаться не мог: с одной стороны я подвергал себя преследованиям советской власти, а с другой мог попасть под удары турецкого правительства (на территории которого я вел разведку). В апреле месяце я обратился в одну из иностранных миссий в Константинополе с просьбой разрешить мне въезд в ее страну и сообщил, кто я такой. Мне предложили подождать ответа из столицы. Приблизительно в то же время я получил

сведения от моего агента Гюмишьяна, что за мною следит турецкая полиция. Я не обратил на это внимания и продолжал ждать...

Наконец, в июне мне передали из персидского консульства, что турецкая полиция усиленно интересуется мною и даже, будто бы, собирается меня арестовать. К этому времени начатые мною записки были готовы. Ждать больше было нельзя. По рекомендации персидского консульства, я, как честный купец, получил визу во Францию.

19-го июня 1930 года я покинул Константинополь и 27 июня приехал в Париж. Свои записки я не повез с собой, а отправил другим, надежным путем, боясь обыска турецкой таможни. Эти записки, украдкой составлявшиеся мною в Турции, ныне составили эту книгу.

Я начал их за несколько месяцев до бегства для того, чтобы они были опубликованы в том случае, если мне не удастся вырваться из рук ГПУ.

Я не литератор и избегал лишних слов в моей книге. Я предназначал ее не для развлечения широкой публики, а для того, чтобы в точном и бесстрастном изложении фактов, познакомить Европу с природой и деятельностью ГПУ — учреждения, фактически руководящего властью в России.

*

* *

Какие выводы хотел бы я сделать из всего рассказанного? Первый и основной вывод тот, что ГПУ, созданное в 1918 году, как классовый орган для защиты завоеваний пролетариата, ныне обратилось в охранное отделение худшего типа, защищающее исключительно интересы Сталина и его клики.

В борьбе за власть внутри ГПУ вполне усвоен лозунг «социалистического соревнования» между отделами. Это соревнование ведет к тому, что количество тюрем и концентрационных лагерей в СССР увеличивается в геометрической пропорции по отношению к

росту населения. На иностранных территориях ГПУ старается раскинуть такую же широкую сеть шпионажа, как и внутри России. Читатель видит из моей книги, что в этом отношении работа на Востоке поставлена не плохо. Думаю, что на Западе дело обстоит не хуже.

Ежегодно советское правительство отпускает для шпионажа в иностранных государствах, только в руки ГПУ, около 3 миллионов долларов, которые добываются от продажи на заграничных рынках продуктов питания, вырванных изо рта голодного рабочего и крестьянина.

Но доллары, жесточайшим образом выколачиваемые из народа, текут не только в руки ГПУ.

Несмотря на оффициальные заверения советского правительства о полной его непричастности к делам III Интернационала, читатель видит, что фактически Наркоминдел и Разведупр работают вместе для общей цели и на одного хозяина — имя которому: Политбюро Центрального Комитета всесоюзной Коммунистической Партии, или Сталин.

Разница между ними та, что Наркоминдел разговаривает и отвлекает внимание, а остальные молча ведут подрывную работу под теми, с кем Наркоминдел говорит. На языке сотрудников ГПУ, Разведупра и Коминтерна такое «разделение труда» облекается в следующую формулу по адресу Наркоминдела:

— Ваше дело болтать и отписываться, а наше дело вести реальную работу.

Опыт предыдущих лет показал, что легальные резидентуры ГПУ при дипломатических и торговых представительствах не достигают целей в военное время. По мнению же ЦК ВКП, война неизбежна, и вот уже год с лишним, как ГПУ повсеместно заграницей организует наряду с легальной работой нелегальную.

ГПУ за 12 лет существования сумело раскинуть сеть шпионства не только в каждом уголке Советского Союза, но почти во всех странах мира. В особенности сетью ГПУ охвачены соседние с СССР страны: на

Востоке — Персия, Афганистан, Турция, Китай, а на западе — прибалтийские страны и Германия.

Для достижения своих задач ГПУ не стесняется средствами; читатель мог видеть это из моей книги.

Все крупные задачи ГПУ предварительно обсуждаются в Политбюро. Поэтому за всю деятельность агентов ГПУ полностью ответственно советское правительство, в лице ЦК ВКП.

Идейным руководителем ГПУ в настоящее время является генеральный секретарь партии Сталин. Он лично дает направление внешней и внутренней работе органов ГПУ.

Из органа, являвшегося мечом в руках пролетариата, ГПУ превратилось в орган личной диктатуры Сталина. Примером служит расправа с Троцким, Мясниковым, Мдивани и с «правой оппозицией».

Сотрудники ГПУ, считавшие работу в ГПУ революционной обязанностью, ныне превратились в ретивых чиновников, работающих в целях личного благополучия и карьеры. Они теперь настолько обезличены и «дисциплинированы», что творят по указке Сталина все, что угодно, не задумываясь о революционной целесообразности. ГПУ, поставленное над всеми другими учреждениями Совласти, пользующееся особыми материальными и правовыми привиллегиями, стало «царской опричниной». Из органа диктатуры пролетариата оно обратилось в орган душителей пролетариата.

Июль — август 1930 года.

П а р и ж.

ОГЛАВЛЕНИЕ